ISSN 0131—0097
ДЕКАБРЬ № 51 1991
THE WEEKLY MAGAZINE
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

МИРОВОЙ ПОЖАР В КРОВИ?

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 51 (3361)
14 — 21 декабря

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фото Владимира МАШАТИНА. (См. в номере материал «Всесожжения не благоволиши».)

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 25.11.91. Подписано к печати 10.12.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 1130. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Типография издательства «Пресса».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

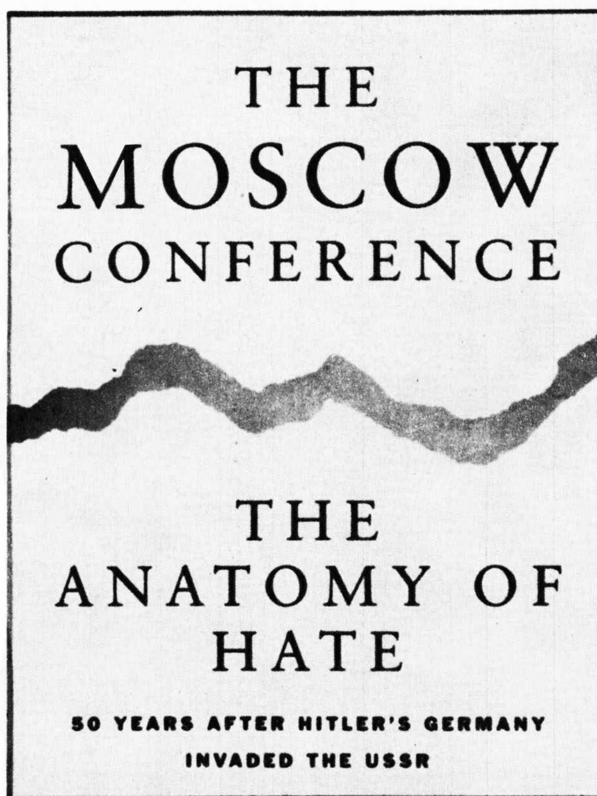

Гельмут Шмидт.

КАК ПОБЕДИТЬ

Константин СМИРНОВ

С 15 по 17 декабря в Москве будет проходить Международная конференция «Анатомия ненависти», посвященная пятидесятилетней годовщине гитлеровской агрессии против Советского Союза. Ее организовали редакция «Огонька» и Гуманитарный фонд лауреата Нобелевской премии мира Эли Визела.

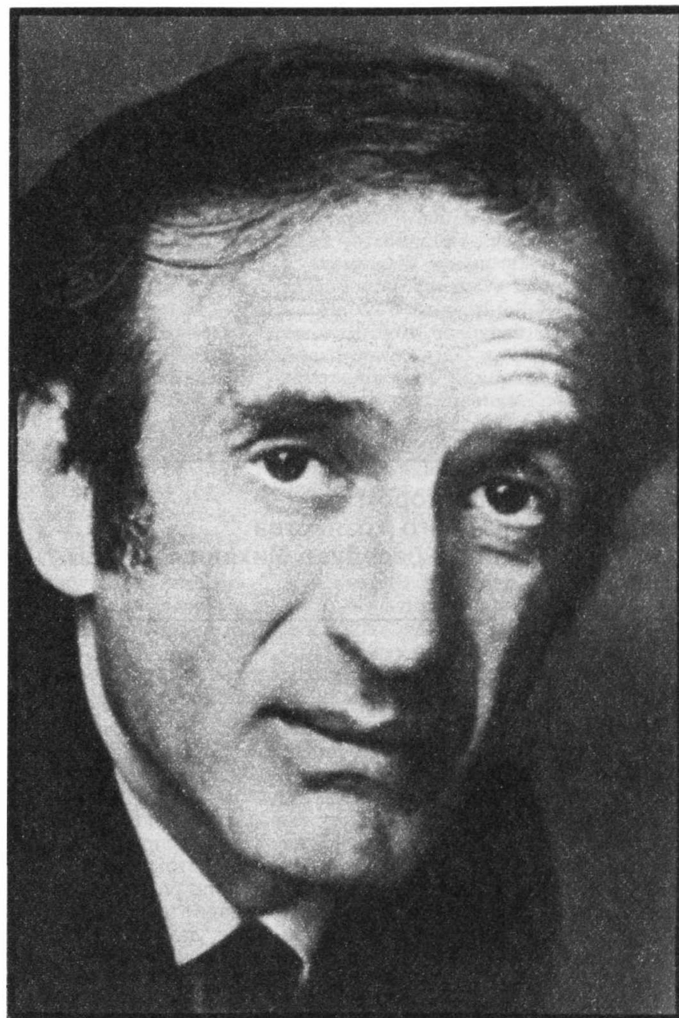

Ненависть, как известно, принадлежит к числу самых сильных человеческих чувств. Очевидно, организм вырабатывает какие-то специальные ферменты и выбрасывает их в кровь, подобно адреналину, что и порождает соответствующее состояние. Вероятно, психиатры, физиологи и химики когда-нибудь научатся искоренять ненависть прививкой, пилюлей или, на худой конец, путем оперативного вмешательства. Боюсь, впрочем, что эта радужная перспектива — дело весьма неблизкое, а человечество между тем нуждается в таком лекарстве сейчас, немедленно, ибо болезнь, то затихая, то обостряясь, продолжает свою губительную работу. И пока медлят медики, люди других профессий пытаются помочь делу и разобраться в истоках недуга, определить его признаки и найти формы лечения. С этой целью и проводятся в разных странах мира конференции «Анатомия ненависти».

Вопросы, созвучные названию конференции, очевидно, давно мучили автора этой идеи — Эли Визела. Родом из небольшого городка Сайет в румынской Трансильвании, он в юности на собственном опыте познал природу нена-

Джек Ф. Мэтлок.

Эли Визел.

НЕНАВИСТЬ

вистi, с лихвой отведал ее горьких плодов. В пятнадцатилетнем возрасте Визел вместе с родителями и сестрами был депортирован нацистами в Аушвиц. Здесь погибли его мать и младшая сестра. Две старших сестры пережили все ужасы концлагеря. Сам же Эли с отцом попал в Бухенвальд, где отец умер, не дожив до освобождения лагеря союзниками буквально несколько дней.

После войны Визел обосновался в Париже. Здесь он учился в университете и сотрудничал в ряде изданий, формируясь как журналист и литератор. Однако в эти первые послевоенные годы горестный опыт военных лет словно бы затих под спудом пережитого в его памяти — он упорно молчит о своих трагических впечатлениях во всем, что выходит из-под его пера. И лишь однажды в интервью с выдающимся французским беллетристом Франсуа Мориаком Визел нарушил этот своеобразный обет молчания. Это время стало для него периодом мучительного осмысления трагической судьбы его современников, прошедших через величайшее испытание истории человечества — вторую мировую войну. В 1958 году он опубликовал свою знаменитую книгу «La Nuit» («Ночь»), где рассказал об увиденном в фашистских концлагерях. Эта книга была переведена на 18 языков мира, ее прочли миллионы людей на всех континентах Земли.

За время литературной работы Эли Визел написал более тридцати книг, многие из которых отмечены различными премиями. Но как ни высоки достижения Визела-писателя, его заслуги в гуманитарной области превосходят все сделанное им в литературе. Эли Визел известен как один из самых активных правозащитников. Его деятельность в защиту прав человека получила широчайшее признание на планете: Визел — кавалер Золотой медали конгресса США и ордена Почетного легиона Франции.

В 1986 году он стал лауреатом Нобелевской премии мира.

Где бы ни нарушались права человека, Визел неизменно спешит на помощь притесняемым. Он боролся за права советских евреев и индейцев в Никарагуа, занимался поисками пропавших без вести в Аргентине в период правления военных и помогал голодающим в Эфиопии.

Получив в 1986 году Нобелевскую премию, Визел в начале следующего года основал на полученные средства Гуманитарный фонд, главной задачей которого стало объединение выдающихся умов современности для поиска путей решения конфликтов.

Первый форум, организованный Фондом под патронажем президента Франции Франсуа Миттерана, предложил участникам — семидесяти пяти нобелевским лауреатам, съехавшимся с пяти континентов Земли, обсудить тему «На пороге XXI века: угрозы и обещания». Тогда определилась будущая направленность визеловских конференций.

Первая конференция «Анатомия ненависти» состоялась в Бостонском университете, где с 1976 года преподает Эли Визел. Ученые, политики, религиозные и общественные деятели, писатели и журналисты собрались, чтобы вместе поразмышлять о возможностях противопоставить ненависти большее взаимопонимание и терпимость в отношениях между нациями.

1990 год стал годом наибольшей активности Гуманитарного фонда Эли Визела: в Хайфе (Израиль) и в Осло (Норвегия) прошли две весьма представительные конференции «Анатомия ненависти». На первой из них участникам была предложена чрезвычайно важная тема дискуссии — «Образование против ненависти — императив нашего времени».

Чтобы обсудить возможности решения современных конфликтов с помощью диалога и демократических преобразований, в столицу Норвегии приехали выдающиеся политические деятели, парламентарии, представители научных и религиозных организаций. В этом форуме принимали участие президенты Франции, Чехословакии и Литвы — Франсуа Миттеран, Вацлав Гавел и Витаутас Ландсбергис, бывший президент США Джимми Картер, Нельсон Мандела, Елена Боннэр и другие.

И вот теперь, на исходе 1991 года, Международная конференция «Анатомия ненависти» пройдет в Москве. Вместе с Гуманитарным фондом Эли Визела организатором ее выступил журнал «Огонек», поскольку нам близки цели и задачи, провозглашенные основателем Фонда.

В московской дискуссии участвуют крупнейшие политики и ученые, литераторы и журналисты, парламентарии ряда западноевропейских стран, Японии и Соединенных Штатов. Среди них бывший канцлер Федеративной Республики Германии Гельмут Шмидт, председатель стортинга Норвегии Юзеф Бенков, бывший посол США в СССР Джек Мэтлок, видный деятель движения «Солидарность» Адам Михник и многие другие.

С нашей стороны в конференции ожидается участие Михаила Горбачева и Бориса Ельцина, Александра Яковлева и Эдуарда Шеварднадзе, Георгия Арбатова и Виталия Коротича, Григория Бакланова и Андрея Вознесенского, Галины Старовойтовой и Аркадия Вольского, Гавриила Попова и Анатолия Собчака.

Мы хотели бы, чтобы собравшиеся подвели своеобразный нравственный итог целой эпохи ненависти, начавшейся для нашей страны пятьдесят лет назад с гитлеровским нашествием, поскольку только сейчас мы становимся свидетелями возрождения общечеловеческих ценностей. Ведь этот горестный период нашей истории не завершился с окончанием войны. Последовавший передел мира, ознаменовавший начало «холодной войны», как бы набросил на царившую ненависть лишь покров примирения, по сути, оставив ее править бал.

Организаторы верят, что Международная московская конференция «Анатомия ненависти» станет важным этапом на пути создания нового, человеческого облика современного мира.

●

ПЛЯСКИ У ЗАПРЕТНОЙ ЧЕРТЫ

С первым проректором академии народного хозяйства Павлом БУНИЧЕМ беседует Михаил ЗАРАЕВ.

— На всех этапах тоталитарного правления, будь то хрущевские, брежневские или постбрежневские времена, общество переполняли слухи. И это казалось естественным: нет гласности — есть слухи. Но вот наступило время, которое можно назвать пиром гласности. Газеты, радио, телевидение не хуже западных насыщены разной информацией. А слухи по-прежнему мучают общество, и особенно тягостны они в сфере экономики.

— Может быть, информация недостоверна или противоречива?

— Об этом-то и хотелось поговорить. Ведь в один и тот же день можно услышать сообщение о замораживании вкладов и зарплаты и опровержение этого сообщения, а несколько дней спустя опять-таки сообщение о тридцатипроцентном замораживании зарплаты до марта. А приватизация жилья и торговли в Москве? Каких только противоречивых сведений не поступало на сей счет! А история с золотым запасом? Люди, призванные проводить экономическую политику, говоря «высоким штилем», стоящие у кормила власти, служат источником самых противоречивых сведений, приводящих общество в содрогание. Что происходит?

— Вопрос непростой. Прежде всего надо дать себе отчет в том, что если до августа мы топтались на месте, а в экономике топтаться на месте — значит идти назад, то сейчас ситуация противоположная. У Верховных Советов нет времени разрабатывать и принимать законы, и потому настало время указов. Залпов указов. С их помощью мы пытаемся наверстать упущенное.

— Кто это мы?

— Мы — это демократы, их единомышленники. К власти пришли люди в общем-то одних убеждений, но разные по уровню экономической грамотности, решительности. Давайте возьмем один сюжет — приватизацию, очень важный сюжет, ибо речь идет о путях перехода к частной собственности. Ведь что, собственно, произошло? Новое российское правительство устранило тех, кто готовил приватизацию в прежнем правительстве, более того, оно оказалось в этом вопросе в оппозиции к российскому парламенту. И в результате судьба приватизации в России стала тревожной и неясной, что и порождает двусмысленность заявлений и неопределенность решений. И вот конкретный конфликт, связанный с судьбой московской торговли, о котором вы упомянули вначале.

Что предлагает Пияшева? Быструю, или, как она говорит, обвальную, приватизацию. Термин не очень удачный, имеющий негативный оттенок, но не будем цепляться к терминам. Казалось бы, это можно только приветствовать. Цель благая, но при достижении такой цели торговлю дарят ее работникам. Да, да, дарят. Ибо продажа малого магазина по тысяче рублей за квадратный метр — это подарок. Что вы думаете, для торговых работников есть проблема купить 150-метровый магазин за 150 тысяч? Да никакой проблемы это не составляет.

— Но ведь вы сами, если мне не изменяет память, были идеологом бесплатной приватизации?

— Я и остаюсь им. Только дарить надо всем поровну, как, собственно, и предполагалось ранее. Взять всю государственную собственность, разделить ее на 150 миллионов частей, и каждому — его пай. А в данном случае подарок определенной касте и к тому же наиболее богатой. Сейчас ведь как: кто первый захватил собственность, тот и богатеет. Кто опоздал, тот должен отвоевывать уже занятое место. А это чревато булыжником пролетариата.

— Господи помилуй! Мы только и делаем, что пугаем друг друга таким булыжником. Этот страх, кажется мне, парализует власть, определяет ее нерешительность, толкает к пляскам у запретной черты. И потом, какой булыжник, если появятся товары?

— Откуда они появятся? Для этого надо одновременно производство приватизировать. Когда Столыпин поднимал деревню, город был уже поднят, ситчик был. А теперь без тракторов и удобрений, без автомобилей и видеотехники что село даст городу? Откуда возьмут харчи хозяева приватизированных магазинов? Ну, поедут в Волгоград, где мясо дешевле, чем в Москве, скупят его — так на Волге цены на мясо поднимутся и к тому же на дорогах появятся посты — своего рода таможня.

Если же говорить о приватизации в широком масштабе, не только о торговле, то процентов пятнадцать собственности должно оставаться государственной, что не так мало. В Англии за последние годы доля госсектора упала до пяти процентов, в других же развитых странах она максимум восемнадцать. Остальное надо разделить пополам. Одну половину раздать в виде приватизированных взносов, а другую — продать. Причем когда речь идет о магазинах — по конкурсной цене, что означает: принимай наши условия — открывайся во столько-то, закрывайся во столько-то, торгуй хлебом... Если же нельзя немедленно продать, то сдать в аренду с индексацией арендной платы по мере инфляции.

— Возможно, это и выход. Но перейдем к другим сюжетам. Золотой запас... Эти злополучные 240 тонн.

— Конечно, сомнительная цифра. Мы каждый год добываем больше трехсот тонн, и, как бы много ни вывозили, все-таки 240 тонн не должно было оставаться. Явлинский заявил, что столько хранится во Внешэкономбанке. Но неужели весь золотой запас лежит там?

— Этот вопрос должен был, видимо, возникнуть у Явлинского.

— На Западе поднялся шум после его заявления. Там называли другие цифры — от тысячи до тысячи двухсот тонн. Утверждали, что Явлинский назвал резко заниженную цифру из благих побуждений, чтобы показать, какие мы бедные, как нам надо помогать. Вот вам психологическая мотивация этой истории. Но здесь резонанс в основном международный. Рядовому россиянину, как говорится, до лампочки, сколько золота у нас в казне. А вот когда речь идет о замораживании зарплаты или вкладов, когда ползут слухи о денежной реформе — здесь иной коленкор.

Как можно стрелять в народ сразу несколькими зарядами? Надо пережить свободные цены, от которых обнищает как минимум половина народа, а тут еще отложенная выплата части зарплаты. Или уж одно или другое. Что касается денежной реформы, то обмен денег можно сделать хоть сегодня, толку от этого будет ничуть не больше, чем от злополучной павловской операции. О подлинной же, конституционной денежной реформе можно говорить только после того, как наша экономика выйдет из пике и пусть медленно, но хоть как-то поползет наверх. Когда это может произойти? По заявлению Ельцина нам предстоит падать камнем еще шесть-семь месяцев, только потом можем начать приподыматься.

— Реальны ли эти сроки? Не произойдет ли социальный взрыв, которого все так боятся, а вслед за ним тоталитарная диктатура?

— Не стану пророчествовать, но думаю: фашизм не пройдет. Путь только один — реформы. Они все равно будут. Весь вопрос только, какой ценой — кровавой или бескровной. Все может быть. Могут смести пять правительств, могут прийти еще более неграмотные демократы... И тем не менее фашизм не пройдет. Все то, что произошло, необратимо. Воздух стал иным.

— Как, однако, повлияют свободная зарплата и свободные цены на людей?

— Давайте уточним: на каких людей. Здесь три пласта. Первый — это те, кто уже приобрел навык работы с рынком. Среди них немало бывших теневиков и аппаратчиков. Они в кооперативах, в частных, совместных предприятиях. Конечно, в сравнении с западными предпринимателями у них дряблые, но все же уже рыночные мышцы. Нигде в мире сейчас нет таких благоприятных условий, чтобы делать деньги, как у нас. Все можно. Почти не сажают. В случае чего — прессинг общественного мнения: предпринимателя обижают! Они будут действовать, пока не кончится эра первоначального накопления капитала. Примитивного, спекулятивного накопления. Беспрецедентного накопления. Потому что на Западе один капиталист грабил другого. А у нас грабят государство.

Теперь второй слой. Это работники. У них большой запас неизрасходованной энергии, они и днем, и вечером будут работать, чтобы компенсировать падение жизненного уровня. И они проживут. Просто затраты труда на единицу заработанной пищи будут у них выше.

А вот третий слой составляет большинство, пожалуй, больше половины населения. Они ущербны не по природе, а от нашей жалкой системы. Они до сих пор не проснулись, на что-то надеются, митинги устраивают. Знаете, если американец теряет сто долларов, он зарабатывает пятьсот. А у нас человек, потеряв сто рублей, идет на демонстрацию. Этим людям будет совсем плохо. Можно и нужно установить для них щадящие налоги. Для первой группы — самые высокие, для второй — поменьше, для третьей — самые щадящие. И все же им будет безумно трудно. Они самый взрывоопасный пласт.

— Значит, опасность взрыва все же есть?

— Конечно, и еще какая. Избежать его можно только с помощью решительных, последовательных и согласованных действий. Понимаю, что это слова. Что говорить легче, чем действовать. И все же...

— Что ж, даст Бог, прорвемся.

— Надеюсь.

■

Может быть, это звучит кощунственно, но я завидую диссидентам застойных времен. У них всегда была ясность целей и задач; они видели конкретных людей, стоящих, как им казалось, на пути к всеобщему благоденствию, справедливости и добру. Они писали, выступали, формировали общественное мнение. И вот свершилось. Демократия, гласность, практическая безнаказанность за взгляды и убеждения. Но разве чувствуют себя победителями честные люди? Первое время наши социалистические начальники дрогнули. Им показалось, что навсегда перечеркнуты их надежды на безбедное существование. Но тем и отличаются времена перестройки, что, если иметь толстую шкуру и не обращать внимания на разоблачения, можно спокойно жить и процветать. После короткого шока наши руководители убедились, что рычаги управления остались в их руках. Правда, теперь они не бросают своих оппонентов в лагеря. Они просто «совершенствуют структуру предприятия». Они окружают своих противников тотальным вниманием, и скоро посещения туалета ими будут квалифицироваться как «систематические потери рабочего времени». В условиях нашей «дефицитной» действительности, когда «на всех не хватает», нежелательные лица чаще других попадают в это несчастливое число. История не очень новая и не очень оригинальная. Но, оставляя в стороне грандиозные баталии в парламентах, позвольте мне спросить: когда же наступит наша очередь ощутить морально-этические результаты перестройки? Не видоизменения административного произвола, а просто его ликвидацию. Западные немцы заменили более 75 процентов руководителей в бывшей ГДР и отнюдь не из-за их слабой профессиональной подготовки, потому лишь, что люди эти были выдвинуты административно-командной системой.

Ждать, когда по западному образцу «эти» подадут в отставку, тщетно. Трудно ожидать от них, что, подобно В. Гавелу, они начнут свою речь со слов: «Я начинаю относиться к себе с подозрением...» А ведь это те люди, от которых зависит практическая реализация очень хороших и очень правильных решений. Я не против кукареканья, но хотелось бы, чтобы и утро наступило.

Е. ВАГНЕР
Черновцы

■

Я хочу сказать о приватизации и переходе к рыночной экономике. Если это произойдет, то не только бывшие партийные руководители, но и многие сегодняшние парламентарии окажутся не у дел. Отсюда жесточайшее сопротивление всем попыткам Ельцина довести реформу до конца. При этом депутаты, проваливающие одно за другим решения Ельцина, явно не в состоянии заглянуть в завтрашний день. Когда в результате саботажа программы Президента России наступит хаос, они не уцелеют точно так же, как и те, кого они стремятся сегодня отлучить от власти. Противоборства в парламенте напоминают потасовку детей на качающемся стуле. В данном случае таким стулом является наша экономика. В условиях экономического кризиса крепкая власть — единственная гарантия того, что страна не опрокинется в бездну. Настойчивые требования Ельцина о предоставлении особых полномочий вполне обоснованы. Бой уже начался, главная цель очевидна, и любые попытки заменить созданную стратегию чем-то другим грозят стране гибелью. Ошибки нужно учесть для следующего сражения, а исправлять их в бою равнозначно смерти.

Многие люди думают, что отказ от движения к рынку даст им шанс избежать нищеты. Но государственная, социалистическая экономика не сможет сегодня предложить им какой-либо благоприятной альтернативы, кроме балансирования на грани все той же нищеты. А после четырех тяжелых лет великой депрессии в США начался взлет, который продолжается уже более 50 лет. Ради такого стоит стиснуть зубы и потерпеть. Борьба за рыночную экономику сегодня равносильна сражению за стратегические шоссе, которое ведет в надежное, безопасное место.

С. ЛОГИНОВ
Новгород

■

Я предлагаю срочно провести реформу денег на территории России. Учитывая то, что в ближайшее время в суверенных республиках будут введены свои валюты, нетрудно предположить, что вслед за этим в Россию устремятся целые вагоны, в буквальном смысле набитые разноцветной макулатурой с изображением вождя мирового пролетариата. Это будет самая страшная из всех эмиссий, которые приходилось переживать нашей стране. Это станет реальным путем к тому, что стакан чая будет стоить миллион рублей. Выпуск российских денег, даже если каждому гражданину России обменять по 50 или 100 тысяч, остановил бы этот чудовищный натиск. С другой стороны, было бы молниеносно сокращено количество обесцененных средств, находящихся в обороте, так как объем их выпуска был бы ориентирован только на потребности России. Это позволило бы также в значительной степени поднять стоимость рубля и даже попытаться гарантировать хотя бы частичное его обеспечение. Если этого не произойдет, нам не помогут «ни Бог, ни царь и ни герой». Времени осталось очень мало.

Д. ГАВРИЛОВ
Санкт-Петербург

■

Утром 14 октября я слушал радиопередачу о глумлении красноармейцев и казаков над эксгумированным трупом генерала Л. Г. Корнилова весной 1918 года в городе Екатеринодаре. Его в гробу изрубили шашками, а потом сожгли. И вспомнилась мне еще одна эксгумация...

В 1942—1943 годах я партизанил на Гомельщине. Командовал нашей партизанской бригадой молодой москвич Степан Митрофанович Белых. 29 апреля 1943 года бригада вела самый тяжелый и самый длительный бой в Лозовском лесу в полном окружении. На закате врагу удалось вклиниться в глубь леса. Мы продолжали сражаться в полной темноте. Вскоре противник стал отводить свои части... Степан следил за отходом наших отрядов. А в лесу бродили оторвавшиеся от своих групп каратели. В стычке с одной из таких групп и погиб наш комбриг. Утром наши разведчики временно предали земле труп Степана.

По-настоящему мы перезахоронили нашего командира 2 мая 1943 года в деревне Каменке Рисковской Рогачевского района Гомельской области. Через два или три дня бригада была вынуждена оставить Каменку, в которую сразу же вошли немцы. Они, конечно же, знали о смерти партизанского комбрига, за голову которого обещали немалую сумму, и решили посмотреть на этого неуловимого человека. Они раскопали могилу, подняли гроб — наши разведчики наблюдали в бинокль из-за укрытия — и открыли крышку. И... никакого глумления! Немцы не воевали с погибшими. Они хотели увидеть лицо мужественного человека, героя. Потом местным жителям приказали опять закопать гроб комбрига. А в Екатеринодаре большевики, очевидно, хотели проверить древнеримскую пословицу: «Труп врага хорошо пахнет». И сейчас кое-кому не дает покоя и щекочет нервы эта пословица.

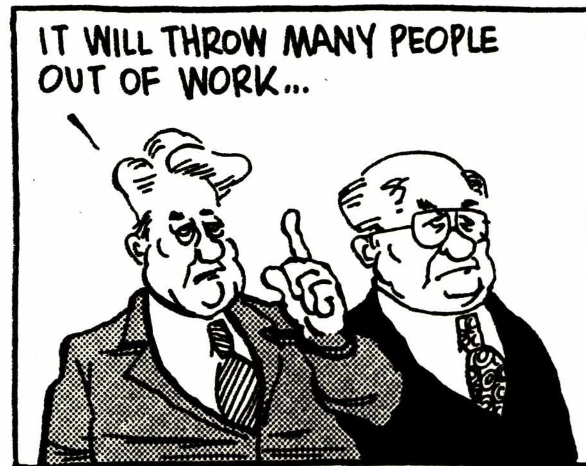
После войны третий раз потревожили сон Степана: его останки были перенесены в братскую могилу села Курганье. В Москве у Белых оставалась жена с ребенком. Может быть, они прочтут эти строки.

...Три века прошло с тех пор, как закончилась гражданская война в Англии, а в США и Франции — двести лет. У нас она закончилась семьдесят лет назад. Видимо, этот период слишком мал, чтобы мы поумнели и цивилизовались.

А. ЕРМАКОВ,
инвалид Великой Отечественной войны
с. Алексашкино Саратовской области

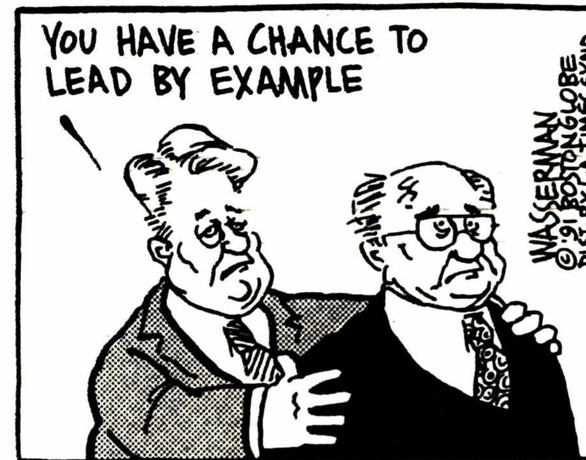

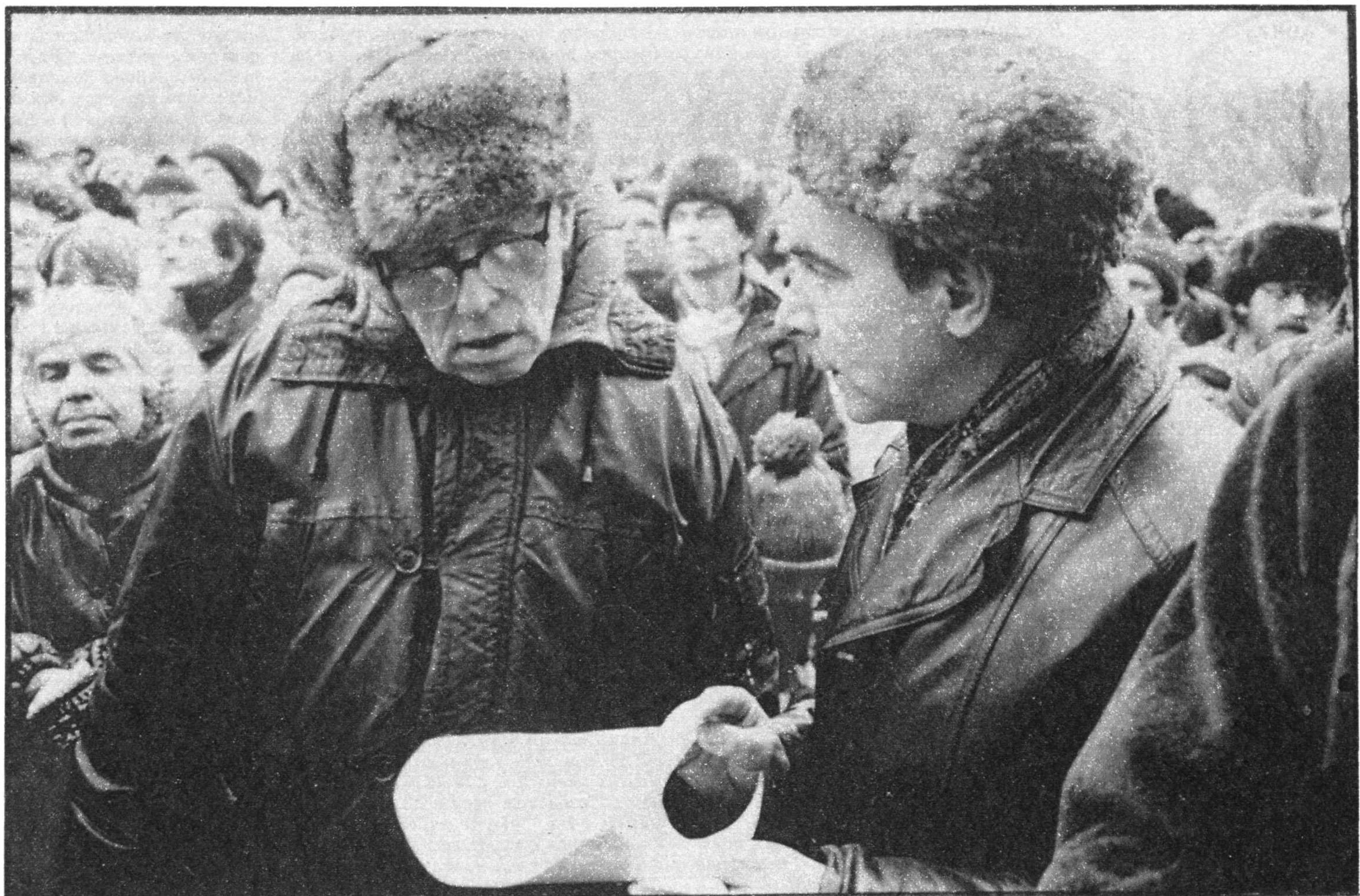
Ельцин Горбачеву:
— Михаил, мой план экономической реформы радикален. Много людей останется без работы...

...потому что их должности перестанут существовать. У тебя есть шанс показать им пример.

Рисунок Вассермана из газеты «Бостон Глоб», 3 декабря 1991 года

2 февраля 1989 года. На митинге у президиума АН СССР. Фото П. КАССИНА. (Публикуется впервые.)

14 декабря исполняется два года со дня смерти Андрея Дмитриевича САХАРОВА.

ОТРЕЧЕНИЕ

Геннадий ЖАВОРОНКОВ

Передо мной три листочка бумаги, исписанные почерком не очень аккуратного школьника. На самом деле это знаменитое отречение академика А. Сахарова, наделавшее так много шума: отказ баллотироваться где-либо, кроме АН СССР. О том, как заявление попало ко мне,— эта история.

В январе 1989 года, в день выдвижения Сахарова кандидатом в народные депутаты, на расширенном заседании президиума АН СССР обстановка складывалась не лучшим образом. Академик брал слово тринадцать раз. Присутствующие были утомлены и недовольны. Некоторые толпились в буфете, где давали дефицитные маслины. Кто-то уехал обедать домой и не вернулся.

Мне было неспокойно, хотя все уверяли, что я сошел с ума, что уж кого-кого, а Сахарова, безусловно, выберут. Это ведь уникальный повод для покаяния за все то, что случилось при Брежневе.

Поздно вечером я позвонил Боннэр. Академика еще не было. От всех моих тревог Елена Георгиевна беспечно отмахнулась.

— Черт с ними, Гена, со старыми дураками. Что будет, то и будет. А мы с Андреем уезжаем в Штаты к детям, и это самое главное.

Утром я узнал, что Сахаров и Сагдеев кандидатами не избраны. Многие академики на голосование просто не явились.

Немедленно последовал взрыв негодования. В АН взбунтовалось младшее и среднее звено ученых. Президиум трусливо помалкивал.

К Сахарову ринулись ходоки из разных регионов с предложениями баллотироваться по их округам.

Мне на работу позвонила Боннэр:

— Геночка, спасайте, эти чертовы избиратели разбили телефонный аппарат, а у меня перед отъездом тысячи звонков. Достаньте, ради Бога, хоть что-то, чтобы только работало.

Я выпросил у нашего телефониста старенький аппарат и поехал на улицу Чкалова.

Долго подключал аппарат, что-то не ладилось. Вмешалась Елена Георгиевна, и телефон заработал.

Заговорили о позорном собрании в Академии.

— А-а-а,— совсем без обиды сказала Боннэр,— да пропади пропадом эта Академия и Андреево депутатство тоже. Был Сахаров просто Сахаровым, пусть и остается им.

Однако начавшиеся политические игрища продолжались. Неожиданно для всех в одном из номеров газеты «Известия» появилась на последней полосе (сроду такого не бывало) неподписанная «передовая» о неэтичном поведении академика и его жены. Статья пересказывала совместное интервью Сахарова и Боннэр французскому журналисту. Елена Георгиевна, критикуя непрямые выборы Председателя Верховного Совета, сказала, что теперь за судьбу Горбачева она и десятки не даст. Имелось в виду принятое решение выбирать председателя не общенародно, а на съезде. В статье был такой наворот лжефактов, что Сахаров представал перед читателями этаким политически малограмотным путаником.

На следующий день возмущенно загудели страна и сам коллектив «известинцев»: кто это написал, зачем и почему статья появилась в номере без обсуждения на редколлегии?

Мне позвонил старый знакомый по «Комсомолке», теперь работающий в «Известиях», и, что-то не договаривая, спросил: не могу ли я уговорить академика ответить на эту статью.

Я связался с улицей Чкалова. Сахарова не было.

— Елена Георгиевна, вы видели статью в «Известиях»?

— Видела. Все жулики. Это был обычный треп на кухне, а французы вытащили его на свет как интервью без согласования с нами. Ответить «Известиям»? Когда, Гена? Послезавтра мы уезжаем. Да и на черта ввязываться

в спор с этими обалдуями?

— Но ведь кто-то подумает, что так и было?

— Говорите с Андреем сами. Я против. А уж как он решит... Вы идете на митинг?

— Да.

— Ну, там и встретимся...

Сахарова я увидел стоящим сбоку от толпы, почти у фронтона здания президиума. Мы попытались вместе с знакомым пройти туда, но на нас набросилась милиция.

Я крикнул:

— Андрей Дмитриевич, а меня к вам не пускают!

Академик повернулся и пригласительно махнул рукой. Милиция мигом расступилась. Видимо, ей дали установку избегать эксцессов.

Я спросил Сахарова:

— Ну как?

Он ответил весело:

— Хорошо. Академия проснулась.

Показав номер «Известий», я спросил А. Д., читал ли он статью. Сахаров кивнул.

— Может быть, стоит ответить им? Кажется, они сами этого хотят. Кстати, вот и журналист из «Известий».

— Я подумаю,— сказал А. Д.— Мало времени, но я подумаю и позвоню вам.

Митинг кончился. Все стали расходиться.

Из машины, окликнув мужа, вышла Елена Георгиевна.

Сразу же к ней с микрофоном бросился французский корреспондент, умоляя сказать хоть несколько слов о происшедших событиях.

Рукой в перчатке Боннэр элегантно отстранила микрофон и сердито сказала:

— Хватит слов. Вы уже поссорили нас с Горбачевым.

Я понял, что она все-таки переживает за появление статьи в «Известиях».

Наступила суббота, день отъезда в Штаты. Что-то около одиннадцати утра позвонил академик:

— Приезжайте, я написал ответ.

Он передал мне статью, а потом вызвал на кухню и вручил несколько листочков, написанных от руки, доверительно сказав:

— Это только вам.

— А что это?

— Отречение.

— От чего?

— Я не буду баллотироваться нигде, кроме Академии.

Я оторопел. Тем не менее на первой странице по просьбе А. Д. вписал распоряжение: публиковать 13 февраля.

Академик отрубил все концы, связывающие его с другими избирателями.

Я пытался возражать. А. Д. прервал меня и сказал:

— Это мое окончательное решение. Очень прошу вас хранить его до 13 февраля в тайне. А потом опубликовать в «Московских новостях».

— А если газета не захочет?

— Передайте куда-нибудь на ваше усмотрение.

Я опять попадал в дурацкое положение. Со следующей недели, рассорившись с «Новостями», я уходил работать в «Коммунист» (там не продержался и трех месяцев). Но зачем было всем этим морочить голову Сахарову? Я спрятал листочки в «дипломат», простился, пожелал счастливой поездки и записал их телефоны в Штатах и Канаде.

Ответ Сахарова очень скоро появился в «Известиях» и произвел какое-то странное впечатление. Боннэр оказалась права. Не нужно было отвечать. Она всегда была права, хотя частенько ее не слушали.

Потом человек, чей отец вхож на самый верх, таинственно рассказал мне историю появления статьи Сахарова.

Холуи извращенно передали Горбачеву смысл интервью, и он очень обиделся, особенно за «червонец». А обидевшись, согласился «выстрелить» в печати. Но другие референты доложили более объективно и посоветовали не ссориться с академиком. Появился официальный заказ на ответ.

Так это было или иначе, однако же нас втянули в скользкую тяжбу, в которой не выигрывал никто.

Между тем я упрямо ходил на службу в «мертвый дом» (так я называл особняк на улице Маркса — Энгельса) — в редакцию журнала «Коммунист».

Приближалось 13 февраля — число, когда нужно было обнародовать заявление Сахарова. За день до выхода номера я явился к Егору Яковлеву и положил перед ним текст отречения.

— Это письмо Сахарова. Если вы не будете его печатать, я отдам «голосам».

Главный тут же начал читать, и первая его реакция была адекватна моей.

— Зачем он это сделал?

Я пожал плечами.

— Он так решил — либо его избирает Академия, либо никто. Будете печатать или...

— Да, будем, будем,— откликнулся главный.— Но он же сейчас в Канаде. Когда же написал?

— Еще в Москве.

— И ты молчал?

— Он так просил.

— Свяжись, я тебя очень прошу, с Канадой, а вдруг передумал?

Поздно вечером пришел ответ: «Полномочия Жаворонкова подтверждаю. Сахаров».

Отречение заслали в набор. О нем громко заговорили в редакции, почти никто не разделял позицию А. Д. Спрашивали меня, я отбрехивался: если вы умеете в политике «считать» лучше Сахарова, то баллотируйтесь на его место.

В среду (в день выхода «МН») я сидел в библиотеке «Коммуниста» и листал подшивки газет. И вдруг услышал непривычный для этой редакции шум и суету в коридоре.

Вошли библиотекарши и спросили: «Не вы ли тот Жаворонков, которого безуспешно ищет начальство?»

Я удивился, что так срочно понадобился, и предстал перед руководством.

— У вас рукописный текст отречения Сахарова?

— У меня.

На лицах одновременно изумление и ужас.

— Откуда он у вас?

— Он дал мне его сам.

— А зачем вы взяли?

Впервые в этом здании я развеселился и сбросил с себя настороженность и напряженность.

— Потому, что он доверяет мне такие вещи.

Лучше бы я им сказал, что представляю собой агента трех иностранных государств.

Немая сцена длилась долго. Потом начальство позвонило кому-то по «вертушке» и со словами «Сейчас я вас соединю» передало мне трубку.

— Добрый день.

— Добрый день,— ответил я на вежливость вежливостью.

— Понимаете, сегодня «МН» опубликовали текст отречения академика Сахарова...

— Понимаю. А кто со мной говорит?

— Заместитель председателя избирательной комиссии. Печатный текст для нас не документ. А решение это очень важное. Говорят, что рукописный текст у вас?

— Да, есть.

— Мы пришлем за вами машину.

— А меня отпустит мое начальство?

Более дурацкого вопроса я не мог придумать.

— Отпустит. Мы уже договорились. Дело важное.

— Вы что, собираетесь так просто передать это им? — заволновалось начальство.

— А что?

— На всякий случай надо снять с него ксерокопию. Они могут обмануть вас, что бросит тень на журнал. Вы еще не знаете эту публику!

Я засмеялся. Все посмотрели на меня как на безумца. Мне было все равно. Я понимал, что работать здесь никогда не буду.

Скоро пришла машина, и мы с щеголеватым клерком поехали в Моссовет. Меня провели в святая святых, не позволив даже предъявить документы. Еще в машине я предупредил, что не выпущу заявления из рук и сам положу его на ксерокс. К этому отнеслись с пониманием.

Так и поступили, после чего меня повели к какому-то начальнику, возможно, именно к тому, который разговаривал со мной по телефону.

Он встретил меня, выйдя из-за огромного стола, и предложил присесть.

— Мы, узнав об отречении, обрадовались, да вот теперь думаем, что радоваться еще рано. А как считаете вы?

— Считаю, что рано! — важно и с полным осознанием абсурдности происходящего ответил я.

Он понимающе кивнул.

ЗАЯВЛЕНИЕ

18 января на расширенном Пленуме Президиума Академии наук СССР были отвергнуты выдвинутые научными коллективами Академии кандидаты на выборы на Съезд народных депутатов СССР, в том числе все кандидаты, известные своей активной общественной позицией и поддержанные многими научными институтами.

Тем самым Пленум продемонстрировал свою неспособность учесть мнение научных сотрудников Академии и, по существу, противопоставил себя им. Среди отвергнутых кандидатур была и моя, поддержанная более чем 55 институтами.

В последующие недели моя кандидатура была выдвинута на собраниях трудовых коллективов и жителей во многих территориальных и национально-территориальных округах. 2 февраля состоялся беспрецедентный митинг научных сотрудников Академии, осудивший позорные решения Пленума и призвавший к бойкоту предстоящих выборов, превратившихся в фарс, и к радикальной демократизации руководства Академии в соответствии с требованиями перестройки.

Бойкот создает возможность отмены решения Пленума и новых выборов. Митинг проходил с огромным подъемом, в волнующей атмосфере душевного раскрепощения. Мне кажется, он может явиться началом нового этапа в истории Академии и науки нашей страны в целом.

Я чувствую себя неразрывно связанным с Академией, членом которой являюсь 35 лет.

Я пришел к выводу, что должен быть кандидатом именно Академии на новых выборах или не быть им вовсе. Поэтому я принимаю решение не баллотироваться нигде, кроме Академии наук СССР, отзывая свое согласие баллотироваться из всех территориальных и национально-территориальных округов, в которых я выдвинут.

Я глубоко благодарен всем выдвинувшим меня коллективам и гражданам за доверие и приложу все усилия, чтобы его оправдать, независимо от того, буду я депутатом или нет. Я прошу всех оказавших мне доверие понять мотивы моего решения, направленного на поддержку воли научных сотрудников Академии.

Я призываю всех, кто собирался голосовать за меня, отдать свои голоса искренним и последовательным сторонникам перестройки, доказавшим на деле, а не на словах участие в этом трудном и новом для нас деле.

А. Сахаров

2/II-89 г.

-3-
нашей страны в целом.
Я чувствую себя неразрывно связанным
с Академией, членом 35 лет

Заявление

18 января на расширенном
Пленуме Президиума Академии Наук СССР
были отвергнуты выдвинутые научными
коллективами Академии кандидаты на выборы на
Съезд народных депутатов СССР, в том числе
все кандидаты, известные
своей активной общественной позицией
и поддержанные многими научными институтами.
Тем самым
Пленум продемонстрировал свою неспособность
учесть мнение научных сотрудников Академии
и по существу противопоставил себя им.
Среди отвергнутых кандидатур была и моя,
поддержанная более чем 55-ю
институтами.
В последующие недели моя кандидатура
[illegible] последовательным сторонникам
перестройки, доказавшим на деле
а не на словах участие в этом
трудном и новом для нас деле.
А Сахаров 5/II-89

Марк ДЕЙЧ

УЗЕЛКИ НА «ПАМЯТЬ»

Приятели иногда спрашивают: не надоело ли мне, профессиональному журналисту, день за днем читать современную фашистскую прессу, цитировать ее в своих выступлениях на радио «Свобода», публиковать про антисемитов статьи? Не надоело. Дело в том, что я любопытен. Мне интересно знать, сколь глубоко затронуло общество это шизофреническое явление нашей жизни, как долго оно продлится, к чему приведет. История XX века убедительно нам показала, до чего легко власть немногих безумцев над умами сограждан превращает нормальную страну в шизофреническое государство. Сегодня мы лишь начинаем избавляться от этого кошмара. Некоторые больны, к сожалению, неизлечимо. Можно их пожалеть, когда бы не знать, как опасны они для здоровых. Зараза эта губительна для народа. К сожалению, таких простых вещей не понимают и нынешние наши лидеры, пребывающие в неустанном поиске «хорошей, демократической» «Памяти». Давайте вместе полюбопытствуем, сколь она хороша. Давайте вместе ее поищем.

«ПАРХАТЫЙ ФАШИЗМ»

Вышел очередной номер всесоюзной газеты *«Русское воскресение»*. Знаете такую? Если не читали, почитайте, не пожалеете.

Вот номер — поистине уникальный. Ибо почти все четыре его страницы отданы статье, которая называется так: *«Пархатый фашизм. (1917—1991 гг.)»*. Статье предшествует эпиграф: *«В России 3 миллиона пархатых управляют 200-ми миллионами русских». И подпись: «Адольф Гитлер»*.

Первая треть статьи — списки фамилий. Приводятся составы ЦИКов, ЦК, коллегий и наркоматов первых лет советской власти. Составы, конечно, далеко не полные, в основном из еврейских или похожих на еврейские фамилий. Там же, где фамилии явно русские, делаются примечания. Ну, например. Членами одной из комиссий названы: Аванесов, Максимов, Митрофанов. И примечание: «Все одной национальности». Какой? Ну, той самой.

А далее и почти до конца статьи даны выдержки из книги. О ней в статье «Пархатый фашизм» сказано так: *«В 1928 году в Королевстве С.Х.С. были изданы воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода, князя Жевахова. Нам удалось познакомиться со вторым томом»*.

Честно говоря, «Королевство С.Х.С.» мне неведомо. Специалисты утверждают, что им неизвестны и подобные воспоминания. Кое-что известно, правда, о Николае Жевахове. Он действительно был заместителем обер-прокурора Синода. Это место он получил благодаря помощнику министра внутренних дел Степану Белецкому, который услужливо выполнил просьбу Григория Распутина. Распутину очень нужен был свой человек, собственный осведомитель в Синоде. Им и стал князь Жевахов.

Воспоминания князя, если они подлинные, свидетельствуют, во-первых, о его патологическом антисемитизме, а во-вторых,— о столь же патологическом вранье и невежестве. Впрочем, и то, и другое — основные свойства наших национал-патриотов. Как прежних, так и нынешних.

Вот цитата из «Воспоминаний князя Жевахова», напечатанных в газете «Русское воскресение»:

«В Вологде свирепствовали палачи Кедров (Цедербаум) и Эйдук, о жестокости которых создавались целые легенды».

Эти чекисты действительно свирепствовали в Вологде, оставив по себе страшную кровавую память. Особенно усердствовал Кедров — человек явно с больной психикой, изувер и садист. Но фамилия его — Кедров — подлинная. Он не имел отношения к инородцам.

Еще отрывок из воспоминаний князя: *«Даже по советским данным, явно ложным, Урицким было расстреляно свыше 5000 офицеров...»*

Что сие означает? Урицкий расстреливал собственноручно? Но он, как я слышал, и стрелять-то не умел. Эти 5000 офицеров были расстреляны по его приказу? Однако сам Урицкий был убит летом 1918 года; массовые расстрелы, в том числе офицеров, начались после его смерти...

Кстати, еврей Урицкий был убит евреем Канегиссером. И если Ленин (согласно подсчетам все тех же национал-патриотов) был еврей лишь на 25 процентов, то стрелявшая в него Каплан — на все сто. Но эти факты нашим «патриотам» не нужны, поскольку выходят за рамки «патриотической» схемы.

Помимо «воспоминаний», есть в статье и собственно авторские изыскания. От того, что эти изыскания анонимны (трусость — одна из главных черт наших национал-патриотов), они не становятся более достоверными.

В главке «Декреты Советской власти» читаем: «*...первым законодательным актом Советской власти был не декрет о мире... а... об отмене наказания за гомосексуализм»*.

Братцы-патриотцы, не было такого декрета! И декрета «О социализации женщин» тоже не было. Большевики — они, конечно, далеко не ангелы были, но таких декретов не издавали. И декрет, *«по которому*, как пишет газета, *90% мест на рабфаках отдавалось местечковым»*,— это тоже миф. Не совершали большевики такого злодейства.

«И все же самым отвратительным актом Советской власти,— просвещает «Русское воскресение»,— *был декрет об антисемитизме... В одном Ленинграде с 1917 по 1940 год за антисемитизм было казнено два с половиной миллиона человек. Цифра ужасающая и кажется невероятной»*.

Цифра и впрямь невероятная. Декрет опять же выдуман. Правда, в Уголовном кодексе 1926 года существовала статья 59, пункт семь которой гласил: «Пропаганда или агитация, направленная к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни, а равно распространение, изготовление и хранение литературы того же характера влечет за собой лишение свободы на срок до двух лет». Аналогичная статья имеется и сейчас, но, как и тогда, применяется редко. А объяснение тому, почему редко, можно найти в конце статьи «Пархатый фашизм». Говорится здесь вот что: *«Нашим врагам мешает только то, что КПСС, КГБ, МВД и армия состоят преимущественно из русских людей. К уничтожению этих институтов (особенно КГБ, где иноземцев практически нет благодаря Сталину и последующим руководителям) они и призывают с пеной у рта...»*

Следует признать, что в своих коварных происках «враги» уже преуспели. Разогнана КПСС. Расформирован союзный КГБ. Да и армия, и милиция во главе с ельцинскими ставленниками уже не сталинские, не те... На кого теперь опереться «патриотам»? Одиночество, тоска...

КСТАТИ О ПТИЧКАХ: БЕЙ ЖИДОВ...

Журнал «Молодая гвардия» всегда доставлял удовольствие истинным любителям юмора. Но девятый номер этого журнала превзошел все ожидания. Я имею в виду материал под названием «Царство птиц и мир людей». Он представляет собой интервью, которое сотрудник журнала взял у некоего Геннадия Воробьева из Воронежа, не то писателя, не то орнитолога. Суть изысканий орнитологического литератора состоит в следующем: каждый человек несет в себе образ птицы, а зная ее функцию в природе, нетрудно предсказать модель поведения человека.

Начиная свое «предсказание», Воробьев вводит *«понятие ландшафта православного и ландшафта атеистического»*. Что же это за ландшафт такой — «атеистический»? А вот: *«Западный мир, как бы он себя ни называл, какие бы религии и мысли себе ни присваивал,— этот мир сплошь атеистический, а потому и обманный. В западных центрах уже и птицы не поют, то есть там все... погрузилось в подземелье...»*

О событиях после 1917 года Воробьев пишет: *«Ложнопевчие и некрофилы захватывают власть. В основном — это стервятники, врань, коршуны (всем им нужны падаль и трупы). Я очень скрупулезно считывал лица наших революционных вождей, и у всех была биосферная сущность тех птиц, о которых я выше упомянул»*.

От птиц к людям литературный орнитолог переходит следующим экстравагантным способом. *«Чуть позже,*— на полном серьезе пишет он,— *в природе начнут уничтожать хищных птиц, всех крупных и особенно певчих. В Воронеже в 1919 году председатель Губчека Хинцберг, в лице которого притаился ворон, повесил архиепископа в мужском монастыре, где в свое время работал дворником и садовником Максим Горький, сочинивший поэму о буревестнике. Кстати, сам Горький — ягнятник-бородач! Отсюда его близость с Владимиром Ульяновым — всеядной сойкой»*.

Очень неспешно и как бы исподволь подводит Воробьев читателей «Молодой гвардии» к тому, ради чего, собственно, и был затеян разговор про птичек. На певчих и непевчих обрушились *«интернациональные убийцы — врановые птицы, а их у нас в России до десятка видов. Им всем нужна интернациональная система»*. Далее, упомянув между прочим о том, что *«Михаил Горбачев — красноголовый нырок»*, а это *«вид, говорящий о принадлежности к тайным организациям»*, птицевед наконец-то переходит к главным выводам. А выводы такие.

«Вот есть православие,— объясняет он,— *это когда все разрозненное собирается в центр и накапливается энергия, из которой творятся искусства, дух, единящий людей, нации, государство и природу, землю и небо. Иная религия и люди, носители ее, внедряются в эти энергоносящие центры и разоряют их, растаскивая из центра все по периферии. Эта вторая религия — иудаизм, а в политическом прислужении его — сионизм»*.

При чем же здесь птицы? — спросите вы. А вот при чем. *«На поставленный вами вопрос: белая армия — это хищные птицы? — отвечу так: не только хищные птицы. Ведь солдаты были сплошь крестьяне, выступающие против жидовства и большевиков»*.

Ну и в заключение: *«В каменных городах нынче врань и птица космополитическая. Традиционно национальные птицы изгоняются из таких полуправославных ландшафтов, в которых проповедуются западная свобода и сионизм»*.

Вот и приехали. Космополитизм, тайные организации, сионизм, иудаизм — любимые темы «Молодой гвардии». Потому как антисемитизм в этом славном журнале все тот же: зоологический. Теперь еще, правда, и орнитологический.

ЖИДО-МАСОН АЛКСНИС

Еще один образчик нашей национал-патриотической прессы. На сей раз — из Ленинграда-Петрограда-Санкт-Петербурга.

Газетка называется *«Русское дело»*. Извещается также, что она — всероссийская и что издает ее национально-демократическая партия, а тираж — 20 тысяч экземпляров.

Есть, значит, и такая партия. И есть у нее дело. А какое именно — сейчас поймете.

Статья на первой странице. Рубрика: *«Политический террор продолжается»*. Название статьи: *«Льется кровь патриотов»*. А теперь разрешите цитату. Она длинная, но того заслуживает.

«Вряд ли случайно совпал с пятой годовщиной чернобыльской диверсии и день убийства К. В. Осташвили. (Напомню: К. Осташвили, печально знаменитый борец с жидо-масонами, покончил с собой в лагере, где отбывал срок за попытку погрома в Центральном Доме литераторов.— **М. Д.**) *Добавим, что сама диверсия пришлась на первый день еврейской пасхи...*

Февральский переворот был совершен в «Пурим».

Троцкий отпраздновал свой день рождения октябрьским переворотом.

Сергей Есенин был убит 14 декабря 1925 года (по старому стилю), то есть через 100 лет и на том же месте, где Николай I подавил попытку масонов (декабристов) построить «общеевропейский дом» под властью иудеев.

Приговор Нюрнбергского трибунала приведен в исполнение 16 октября 1946 года — в еврейский праздник «День искупления»...

Ритуальной стороне дела не зря придается такое значение. Ритуал служит для демонстрации могущества банды, правящей миром».

А вот другая статья. Под названием *«Нация? Нет, мафия!»*. Взяв за основу сталинское определение нации, анонимный автор доказывает, что евреи — это мафия.

«Символика тайной власти мафии — пятиконечная звезда Соломона и бело-сине-красное социетие. Посмотрите на гербы и флаги стран мира. Распространение этой символики — видимая сторона распространения идеологического влияния мафии, осуществляемое, в частности, через приводные ремни — масонство».

Вообще-то доказательствами безымянный автор статьи себя утруждает не слишком, предпочитая простую формулу: ежели еврей — значит, враг рода человеческого. И, естественно, враг всего русского. И не важно, какие у этого «врага» убеждения: правый он, левый или центрист. Еврей — этим все сказано. Вот пример:

«Если же созревает значительная оппозиция, например, группа «Союз»,— масонству необходимо взять ее под свой контроль, еще лучше — возглавить... Первой женой Тарсиса (известного еврея-диссидента) была еврейка Роза Яковлевна Алкснис. Брат ее отца — старый большевик командарм Алкснис, командующий ВВС СССР, расстрелян во время Великой Чистки.*

Сам Алкснис в одном из интервью упоминал, что репрессированный командарм — его родственник... Как случилось, что наиболее популярными лидерами группы «Союз» являются Коган и Алкснис?»

Интересно, как у Петрушенко — все чисто с братом отца?

Впрочем, кое-какие евреи все-таки устраивают газету «Русское дело». В статье «Нация? Нет, мафия!» таковые определены следующим образом:

«Принцип национального равноправия говорит четко: «Хороший еврей тот, который у станка, за плугом или в шахте».

Что ж, спасибо и на том. Только ведь это поначалу — шахта. Потом — газовая камера, правда, господа? В целях «окончательного решения» данного вопроса.

*** Я намеренно не стал проверять это утверждение. Если Виктору Имантовичу Алкснису есть что сказать «патриотам», он скажет. Да и сам читал, наверное. На выступлениях лидеров группы «Союз» продавцов подобной прессы всегда в избытке... (М. Д.)**

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД С ЛАТЫНИ, ИЛИ «МИША — НАШ ЧЕЛОВЕК»

После «патриотических» газет, издающихся в столицах, обратимся теперь к периферии. Издается в Новосибирске газета патриотического движения «Память» под названием... ну, конечно же, под названием *«Память»*. Печатается она в типографии издательства «Советская Сибирь» тиражом 20 тысяч экземпляров. Вот один из номеров этой четырехстраничной газеты.

Открывает номер обращение *«К нашим читателям»*. В числе прочего здесь говорится:

«Каждый экземпляр «Молодой гвардии» или «Литературной России», защищая наш народ, противостоит целому кагалу из 40 «Огоньков», «Книжных обозрений», «Московских новостей», «Аргументов и фактов», «Известий» и других пропитанных ненавистью к России газет и журналов.

Результаты не замедлили сказаться. Огромная страна, вчера еще бывшая «великой державой», сегодня разваливается на глазах...»

Как же преодолеть развал? Рецепт прост, он дается в том же обращении к читателям газеты «Память»: *«Только ликвидировав катастрофическую разницу между тиражами патриотической и псевдодемократической печати... мы сможем указать народу России на истинных виновников его бедственного положения...»*

Впрочем, новосибирская газета «Память» не собирается ждать, пока ее тираж станет массовым. Уже сейчас она смело и непредвзято указывает на *«истинных виновников бедственного положения России»*. Этому полностью посвящен центральный разворот газеты, где напечатана огромная статья под названием *«Безобидный» сионизм»*.

Пересказать эту статью я не возьмусь. Ну как можно пересказать поэму или симфонию? А потому — несколько фрагментов этой симфонии.

«...Сионисты помогают раздувать легенду о русском фашизме, о наличии антисемитизма в СССР, продолжают разносить по миру миф о преследовании евреев в СССР... Средства массовой информации обрушивают на советского читателя поток лживых инсинуаций о том, что сионизм — это безобидное стремление евреев собраться под одну крышу».

Следовательно, согласно новосибирской газете «Память», стремление евреев собраться под одну крышу вовсе не безобидно. Ибо другого определения сионизма в статье не приводится. Думаю, просто за неимением этого другого определения. Но продолжу цитирование.

«Наши дети стали объектом особенно пристального внимания сионистов: «Мурзилка», «Веселые картинки», «Искорка», детские телепередачи заполнились облагороженными притчами Ветхого завета, исподволь навязывающими мнение о богоизбранности и выдающихся способностях еврейского народа».

Не нравится нашим «патриотам» Ветхий завет — слишком много в нем еврейского. А уж о Новом завете новосибирская газета «Память» и вовсе умалчивает. Стесняется.

Отрицая наличие антисемитизма в нашей стране, газета пишет: *«Да нет его в СССР, антисемитизма... Здесь опять происходит вульгарная подмена понятий. Ведь семиты — это многочисленные арабские и африканские народы... Разве в СССР кто-то плохо относится к арабам или неграм?»*

Ну, насчет отношения к неграм — это как раз известно. Один из лидеров общества «Память», незабвенный Константин Осташвили, сидя на скамье подсудимых, так прямо и заявил: дескать, с негром он и стоять рядом брезгует. Кроме того, похоже, что сотрудники и авторы новосибирской газеты «Память» не видели замечательный фильм Стэнли Креймера «Корабль дураков». Ну, что они роман не читали, по которому был снят фильм, это понятно: «памятники» до книг вообще не слишком охочи. А вот что фильм не видели — это зря. Там как раз этакий твердолобый ариец, отвечая на упрек в антисемитизме, бесхитростно восклицает: «Ну что вы, какой же я антисемит! Я очень люблю арабов!»

Так что все это уже было, и статья «Безобидный» сионизм» вряд ли явится заметной вехой в истории отечественного антисемитизма. Было и про «Пурим» — веселый еврейский праздник; а веселый потому (утверждается в статье), что учрежден *«в честь кровопролития и вырезания в одну ночь шестидесяти пяти тысяч персов»*. Или вот отповедь, которая дается все в той же статье ленинградской писательнице Нине Катерли — за ее выступления против «Памяти»: *«Это какую же многовековую патологическую ненависть надо иметь в душе, чтобы на народ, среди которого вырос, выучился, затесался в число «инженеров человеческих душ», а теперь, в период разгула сионистской вседозволенности, выплескивать помои своих оскорблений?»*

И это уже было. Что немецкий национал-социализм, что какой другой — обязательно от имени народа. А ежели кто к национал-социализму с сомнением относится, так то уже не народ.

А *«разгул сионистской вседозволенности»;* каков стиль!..

Есть, правда, в статье «Безобидный» сионизм» истинный перл. Один, но зато какой! Я приберег его... Говорится в статье о Мишеле Нострадамусе, знаменитом астрологе XVII века, которого тоже угораздило быть «лицом еврейской национальности». Так вот, оказывается, Мишель Нострадамус *«в переводе с латыни означает «Миша — наш человек»*.

Глубоки познания наших друзей из «Памяти» в латыни. Да разве только в латыни...

ИЩИТЕ ДЕТЕЙ

В уральском городе Екатеринбурге (бывшем Свердловске) тоже есть своя национал-патриотическая газета. Называется она *«Воля России»*, издается тиражом небольшим — 8 тысяч экземпляров, но зато — на восьми страницах.

Очередной номер этой газеты открывается статьей *«Теперь — или никогда!»*. Ее автор — председатель Союза Духовного возрождения Отечества *М. Ф. Антонов*, один из современных идеологов национал-патриотизма. После непременных слов о распродаже русских богатств на Запад, после призыва *«создать церкви условия... для духовного руководства экономикой и культурой»*, после гневных слов о приватизации и необходимости «раскулачить» новоявленных хозяев-дельцов товарищ Антонов пишет: *«Россия на протяжении тысячи лет была светочем мира, в ней на рубеже XIV — XV*

веков была достигнута абсолютная вершина мировой философской и общественной мысли. И сейчас, когда потребительская техноцентристская-языческо - католическо - протестантско-иудаистско-сионистская цивилизация Запада... завела человечество в тупик, мир, все, что есть в нем чистого и светлого, ждет от России спасительного для всех слова».

А мне вспомнилась фраза из другой статьи, написанной более 100 лет назад. Замечательный русский публицист Варфоломей Зайцев в своей работе «Неистовый холуй, или Манифест лакеизма» сказал: «Мы живем в твердом уповании, что в Петербурге растут лучшие апельсины».

Еще одна статья из газеты «Воля России»: *«Акафист перестройке»*, с подзаголовком *«Окончательная победа сионизма»*. В финале читаем: *«До сих пор, говоря о глобальном вторжении сионизма в нашу жизнь, мы чаще всего имели в виду сферы культуры, искусства, идеологии. Теперь же под видом интеграции экономики нашему обществу навязываются программы «спасения», извлеченные из архивов кнессета».*

Если кто не знает, кнессет — это в Израиле.

Об инородцах говорится и в огромном интервью с Владимиром Солоухиным. Это интервью писатель дал газете *«Наша страна»*, издающейся на русском языке где-то по соседству — не то в Австралии, не то в Аргентине. А екатеринбургская газета «Воля России» с удовольствием интервью перепечатала.

«Как вы относитесь к обществу «Память?» — спрашивают у Солоухина.

«Я там не знаю никого, — отвечает Владимир Алексеевич.— *Но отношусь отрицательно к отношению к «Памяти».*

Насчет того, что в «Памяти» Солоухин никого не знает,— это более чем сомнительно. Но ответ замечательный. Вот так в свое время ответил бы Владимир Алексеевич во время травли Пастернака. Дескать, Пастернака я не знаю, но к отношению к нему отношусь отрицательно.

Так ведь нет: совсем другое говорил тогда Владимир Алексеевич.

Чуть ниже в интервью Солоухин заявляет:

«Когда люди узнают, что в первом советском правительстве вообще практически не было русских людей; когда они узнают, что ГПУ, Чека, все ЧОНовские войска были составлены из интернационала — будем так мягко выражаться,— то к этому интернационалу начинают возникать определенные отношения в широких массах».

По поводу отсутствия русских в первом советском правительстве, а также в ГПУ, Чека и в войсках ЧОНа,— это Солоухин заблуждается. Причем намеренно. И совершенно ясно, кого он имеет в виду, когда говорит так, мягко выражаясь, об интернационале.

Об этом же интернационале говорит Солоухин и в завершение своего интервью:

«Сталин, поняв, что никакой мировой революции не будет, что никаким другим странам она не нужна, решил отобрать революцию из рук интернационала и сделать ее внутри одной страны. И он уничтожил всех интернационалистов, которые делали революцию и составляли кадры ГПУ, Чека, ЧОН и так далее. Сталин освободил от интернационалистов три основные института: ЦК, Чека и армию».

«Сталин — освободитель». Прекрасно звучит в устах русского писателя, к тому же монархиста.

Продолжает тему интернационала Солоухин так:

«Но остались их дети. И они сейчас хотят во что бы то ни стало вернуть себе позиции своих отцов, то есть власть. Вот что сейчас происходит».

Мне трудно заподозрить Солоухина в кровожадности. Однако давайте откажемся от писательской метафоричности и будем называть вещи своими именами. Совершенно очевидно, что под «мягким выражением» Солоухина — «интернационалисты» — имеются в виду все те же... И у них остались дети, которые, по мнению Солоухина, рвутся к власти. Мысль очевидна: уничтожив отцов, Сталин недоуничтожил детей. Кстати, у этих детей есть дети, внуки... Хорошо бы, ко всеобщему удовольствию, завершить дело «величайшего гуманиста всех времен и народов». К этой мысли и подталкивает читателя-«патриота» интервью с писателем -«патриотом» Солоухиным. Разумные, добрые, вечные мысли сеет в простодушных сердцах читателей «Воли России» Владимир Алексеевич. К славным делам зовет.

ГОРОСКОП «ДЕЖУРНОГО ПОЛКОВНИКА»

Покуда писал я эти заметки, подоспел очередной номер «Русского воскресения» — неутомимой газеты «русского национально-освободительного движения и православных деятелей культуры». Она печатается в подмосковном городе Мытищи в типографии Мособлисполкома тиражом 40 тысяч экземпляров. Ее редактор — некто *Батогов*, не стесняющийся своей симпатии к национал-социализму и тем кругам нашей православной церкви, которые запятнали себя тесным сотрудничеством с партийными органами и Комитетом государственной безопасности. Сам Батогов величает себя так: «Академик Русской народной академии, член Союза православных деятелей культуры».

Что же это за «культура», которую представляют газета «Русское воскресение» и ее редактор? Об этом можно судить по заголовку, что красуется рядом с названием газеты: *«Общение с иудеями — тяжкий грех!»* А вот самый объемный материал номера: *«О убиении евреями христианских младенцев»*. Он приурочен к 190-летию со дня рождения Владимира Даля. *«Но сейчас,*— пишет анонимный автор,— *мы хотим почтить Даля не как лексикографа, а как чиновника царского Министерства внутренних дел, автора труда «Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их».*

Опять этот сакраментальный «труд». Бесполезно объяснять подобным «деятелям русской культуры», что Даль не писал этой работы, а поставил свою подпись под чужой, о чем впоследствии весьма сожалел. Такие объяснения им не нужны, поскольку авторитет Даля дает возможность автору статьи поговорить на ту же тему сегодня. *«В наше время,*— написано в статье,— *ритуальщикам уже не столь обязательно воровать детей и взрослых (хотя и это происходит...). Достаточно устроить Чернобыль, взорвать поезда с детьми, организовать голод, эпидемию, стравить между собой разные народы».*

Замечательно смелые обвинения. Хотя чего бояться анониму? И «академику» Батогову тоже бояться нечего: покровители у него, похоже, очень высокие.

Еще одна статья — под названием *«Защитим русское православие от жидов!»*. Она начинается так: *«73 года и семь месяцев продолжалось господство красного сатаны на русской земле (ровно столько просуществовало древнее государство Израиль — странное совпадение)».*

Совпадение действительно странное. Оно тем более странное, что его не существует.

«И большевики, и демократические лидеры,— написано далее в статье,— *иноземного происхождения. И те и другие — половые извращенцы. Ведь первым декретом Советской власти было отменено наказание за гомосексуализм. Теперь того же самого добились демократы. (Оно вновь было введено православным Сталиным и его русским окружением в 1934 году.)»*

Гомосексуализм, как уже заметил читатель, не сходит со страниц «Русского воскресения». Хорошее слово, длинное. Но еще лучше пассаж по поводу сталинского православия.

О Сталине в этой статье есть еще одно упоминание — в связи с его славными соколами. До революции, пишет аноним, *«выкрестам был поставлен надежный заслон. Что же сейчас раздражает их? То, что в отличие от ВЧК (где здельштейны составляли 90%), в КГБ (по крайней мере до переворота) преобладали славяне? (Спасибо сталинскому генералу Рюмину и его соратникам. Вечная им память!)»*

Ну почему же только Рюмину и его соратникам по заплечным делам? Тут еще и повешенных по Нюрнбергскому приговору хорошо бы вспомнить. Тоже ведь от Сталина многому научились. И тоже небось православными были. Тайными.

При чтении статьи «Защитим русское православие от жидов!» третий рейх вспоминается не случайно. Вот еще цитата: *«Поскольку на этой улице* (имеется в виду улица Герцена.— **М. Д.**) *совершил свой подвиг видный деятель русского национально-освободительного движения К. В. Смирнов-Осташвили* (имеется в виду учиненная им попытка погрома в Центральном Доме литераторов.— **М. Д.**), *лучше переименовать ее в Осташвилиштрассе».*

Замечательная идея. Кстати, для переименований, я думаю, имен хватит: Штрайхер, Эйхман, Гиммлер... Много их было, подвижников. Ну да ничего, ужо наши «патриоты» расстараются. Вспомнят добрым словом всех.

И в заключение — несколько фрагментов из статьи *«Что день грядущий нам готовит?»*. Этой статье газета «Русское воскресение» предпослала следующее уведомление: *«Разведка ОГРАДЫ предупреждает вас о возможных действиях врагов русского народа». «ОГРАДА — это не организация, это система русской самообороны»,*— написано далее. Однако в «системе» иерархия уже имеется — если судить по подписи *«Дежурный полковник ОГРАДЫ»*. И хотя организации вроде бы нет, но: *«У ОГРАДЫ есть Центральный Совет, а у него — свои подразделения, но они выполняют только такую работу, которая не под силу героям-одиночкам. Например, сбор и анализ сведений о возможных действиях врагов русского народа».*

И «дежурный полковник ОГРАДЫ» делится с читателями сведениями, которые удалось собрать. А сведения такие.

«Продолжится шельмование армии. А на последнюю неделю января враг запланировал крупные акции против авиации и флота. Может быть сокращение численности наших самолетов и кораблей. Мы будем делать все, чтобы подлые акции против армии... потерпели крах. «Красота спасет мир»,— говорил Достоевский. Думаю, он имел в виду красоту русского оружия. Армия, авиация и флот — это та самая «птица-тройка», о которой пел Гоголь, она мчит вперед нашу Великую Русь».

Прерву цитату, чтобы заметить: конечно, наши «патриоты» — большие специалисты по Достоевскому. Хотя я вовсе не уверен, что Федор Михайлович имел в виду красоту оружия — русского или какого-нибудь еще. Зато я точно знаю, кого мчала воспетая Гоголем «птица-тройка»: она мчала мошенника Чичикова.

Продолжу:

«Большие изменения будет претерпевать Украина. Вряд ли «демократическим» лидерам удастся сдержать там жесткие тенденции, в частности рост народного «антисемитизма». Это неудивительно. Когда малый народ сидит на шее у большого, это — противодействие воле Отца Небесного...»

А на закуску «дежурный полковник» предлагает пророчество, основанное, видимо, на агентурных данных этой самой ОГРАДЫ.

«Днем 19 и 24 ноября и ночью 19 и 24 декабря будут совершены зверские убийства. 21 декабря, вероятно в полдень, в Москве, на площади Восстания, в высотном здании, на смотровой площадке (а может быть, на смотровых площадках других высотных зданий) ожидается человеческое жертвоприношение. При этом у подъезда здания... может быть, будет стоять черный автомобиль марки «седрик» с номером «66-66».

Русские! Будьте бдительны!»

Николай Бердяев, на которого так любят ссылаться наши «патриоты», сказал, что антисемитизм — это от бездарности. И, по-моему, он был не совсем прав. Посмотрите, как талантливо придумано, как славно изложено. Прекрасное пособие для начинающего психиатра.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Читать газетки, предложенные нашему вниманию М. Дейчем, и впрямь оказалось занятием увлекательным. Впрочем, заинтересовать это чтиво, на наш взгляд, может не одних только знатоков латыни, орнитологов и начинающих психиатров.

Нам кажется, что давно пришла пора ознакомиться с приведенными сочинениями людям более прозаических профессий: прокурорам, судьям, народным заседателям... И господину М. Н. Полторанину, российскому министру печати, тоже стоило бы обратить свое внимание на эти газеты. Понятное дело, читать «НГ» или «МН» еще увлекательнее. Выносить им предупреждения за лихость — приятное занятие, утверждающее сугубую объективность и беспристрастность новой российской власти.

А все-таки с фашистами как у нас, Михаил Никифорович? Есть они или нет? С законностью как? В каком государстве живем — цивилизованном или не очень? Существуют ли в нашей стране, господа, российская власть, ответственность за тиражированное разжигание национальной розни, за пропаганду нацистских идей, за подлую клевету, за грубую ложь, за провокационные призывы?

Самое главное: поощряемые деньгами таинственных покровителей, эти издания наносят огромный урон самой идее российской государственности, дискредитируют русскую нацию, вызывая приступы русофобии у иных, по глупости или злонамеренно не умеющих или не желающих отделить злобные выпады шовинистов от мнения большинства русских.

Исторический опыт показывает, что в подобных случаях более всего страдают невинные. Между тем мы уже вплотную приблизились к той черте, за которой любая, даже мелкая и пакостная, провокация может привести к непредсказуемым последствиям.

Прошло время противостояния мощного, но бездеятельного центра и честной, но бессильной российской власти. Вы теперь — власть. В ваших руках точные правовые механизмы управления РСФСР. Действуйте. Мы ждем. Речь ведь не о политических пристрастиях или групповых амбициях — о коричневой чуме, которая угрожает нашей несчастной Родине. Поймите наконец, это очень важно,— одолеть ее сегодня — не дать развернуться новому гитлеру.

●

До правды довраться

РАСКРОЮТ ЛИ АРХИВЫ КГБ ТАЙНЫ КПСС?

Вадим ПЕЧЕНЕВ

«Святая святых» советского тоталитарного государства — зал заседаний Политбюро ЦК КПСС в Кремле. Сентябрь 1984 года: вручение звезды Героя Социалистического Труда К. Черненко. Назовем лишь некоторых из собравшихся. Первый слева — Ю. Плеханов, генерал КГБ, начальник знаменитой «девятки» — службы охраны генсеков и Президента СССР, ныне — под следствием. 4-й слева — ныне покойный маршал С. Ахромеев. Второй справа — Н. Кручина, бывший управляющий делами ЦК КПСС, выбросившийся из окна своей квартиры.

Фото С. ГУРАРИЯ

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

С детства — наверное, потому, что я сравнительно плохо запоминал детали — я внушил себе и доказывал другим, что конкретная информация — дело второстепенное. Что, выражаясь словами известного классика, «обогащать свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»,— это вещь не только малополезная, но и опасная, чреватая заполнением нашей невеликой черепной коробки разного рода смысловым (а то и бессмысленным) мусором в ущерб серьезным идеям.

Когда же я вычитал у отца кибернетики Н. Винера, что человек совершеннее самой «умной» машины не количеством поглощаемой и выдаваемой информации, а качеством, характером ее переработки, то окончательно убедил себя: не надо гнаться за информацией, даже за самой «дефицитной», а лучше тратить время на осмысление ее минимума, но существенного, конечно. А потому, признаюсь, что, и побывав в здании ЦК КПСС на Старой и Новой площадях, на различных открытых и закрытых этажах и кабинетах, «проникнув» даже в Кремль на еженедельные заседания Политбюро, не говоря уже о кабинете председателя КГБ на Лубянке (там я был в апреле 1982 года в гостях у самого Ю. В. Андропова), своего мнения я не изменил.

И все же, все же... Если бы знали любознательные от природы люди, не говоря уже о специалистах, сколько уникальной «секретной» литературы и прочих материалов я сдал не читая, а то и перемолол, не заглядывая в них, в спецмашинах для уничтожения бумаг, сколько сверхсекретных (в кавычках и без) бумаг, телеграмм, депеш, так называемых шифровок с грифами Политбюро, КГБ, ГРУ (главное разведуправление) я подписал не читая... Ведь сдать их надо было обязательно, и обязательно — завизировав. Но в те, скажем, 13 месяцев, в которые я был помощником первого лица КПСС и нашего государства, их приходило ко мне столько, что если бы я все читал, хотя бы бегло, то на основную мою «писательскую» работу надо было тратить более 24 часов в сутки.

Нет, я, конечно, не подмахивал все не глядя. Некоторые особо детективные, «захватывающие» истории, вроде переправки в 1984 году в Союз из Великобритании дочери Сталина С. Аллилуевой или «переговоров» наших агентов КГБ с оставшимся в Италии А. Тарковским и западные статьи об этом, не проходили мимо моего внимания. А в общем, ничего, кроме тех «шифровок» и бумаг, на которые я должен был реагировать либо по должности, либо по совести, я, как правило, просто не читал. Ну, судите меня за это — не читал! Хотя многие из них, вероятно, были крайне интересны и поучительны.

А если бы и читал, то вряд ли помогло бы мне это чтение в том, к примеру, случае, когда я по просьбе незнакомого мне лично бывшего первого зама главного редактора «Литературной газеты» В. Сырокомского попытался (и небезуспешно) его политически реабилитировать, вновь введя в номенклатуру ЦК КПСС, из коей он был вышвырнут с отстранением от работы без каких-либо объяснений, но с безмолвными намеками на инициативу хозяев то ли Лубянки, то ли Кремля. Дело в том, что, смело взявшись по наивности за это, я (с ужасом, признаюсь) впервые тогда узнал, что на Лубянке бывают дела, которых вроде бы нигде и нет — не зафиксированы в архивах, а хранятся лишь в головах двух-трех лиц, которые, как известно, смертны. И когда они все умирают (случается и такое), то «дела» как не было, так и нет, а слух, таинственный и страшный, о деле — он-то остается!

Хорошо, что руководитель КГБ, с которым я тогда беседовал о Сырокомском, понял это и задумчиво проговорил: «Да, Юрий Владимирович скончался, помру я, и, пожалуй, никто и знать не будет, в чем там дело было...» И помог мне выполнить просьбу В. Сырокомского, хотя, наверное, понимал, что это просьба не Генсека, а всего лишь его неопытного помощника. Помог, так как знал, что это тот Сырокомский, который в 60—70-е годы сделал «Литературку» самой лучшей газетой советской интеллигенции, газетой, позволявшей себе иметь и собственное, отличное от официального мнение.

Кстати, все ли читатели знают, почему она себе могла позволить это? А потому прежде всего, что где-то во второй половине 70-х годов ряду газет, в том числе и «ЛГ», это было... разрешено решением Политбюро по специальной записке, подписанной, если не изменяет память, Ю. В. Андроповым, М. А. Сусловым (да, тем самым!) и М. В. Зимяниным. Не все, правда, воспользовались, как известно, этим «разрешительным указанием», но сие уже зависело и от других факторов (ведь, как учил тов. Сталин, кадры решают все!).

Впрочем, этот документ Политбюро со списком утвержденных «крамольных» изданий, вполне возможно, найдут. Не такой уж он секретный и криминальный. А вот тех решений Политбюро о вводе войск в Афганистан, которые разыскивала спецкомиссия, созданная еще на первом Съезде народных депутатов СССР, да так и не нашла, удовлетворившись бумагой, переданной им Горбачевым и его «столоначальником» (зав. Общим отделом ЦК) Болдиным, бумагой, где стояли подписи четырех руководящих деятелей партии и государства (разумеется, к тому времени уже скончавшихся),— решений этих, подозреваю я, так и не найдут.

И не найдут не потому, как предположили некоторые особенно проницательные читатели моей книги «Горбачев: к вершинам власти», что в заседаниях Политбюро тогда уже принимал участие Михаил Сергеевич (во всяком случае, не только поэтому). И не в силу того, что не было самого решения Политбюро о вводе войск в Афганистан, тогда как такого рода решениями оформлялись, скажем, даже назначения директоров крупных военных заводов или многотысячные награждения орденами Дружбы народов и т. д. и т. п. Пусть в это верит солидная спецкомиссия, но ты, не посвященный в тайны «мадридского двора», простой советский читатель, конечно, не поверишь в это! И правильно сделаешь...

А интересующий тебя документ все же, вероятнее всего, так и не найдут. Но, думаю, по другим причинам. Может быть, я позже кое-что и расскажу о них.

А сейчас о другом. О том, что в отношении прежде всего к афганской войне формировались и те зачатки нового политического мышления, которое большинство и сторонников (уже немногочисленных), и противников (особенно расплодившихся в нынешнем 1991 году) Горбачева относят в целом в его позитивный актив. И в отношении к войне в Афганистане (несмотря на лежащее на поверхности единодушие в ее осуждении) до сих пор в нашем обществе, нашей стране очень много эмоционально сильных расхождений. И сегодня позиция Андрея Сахарова остается в действительности не разделенной не только теми, кто спровоцировал (или начал) эту войну, и не только генералом Громовым или израненным в этой войне солдатом, поднявшим против Сахарова чуть ли не большинство народных депутатов СССР на печально знаменитом заседании Съезда в 1989 году, не только миллионами, отдавшими свои голоса «русскому — по маме, юристу — по папе» Жириновскому, но и многими, многими другими. А между тем герои этой трагической и несправедливой (с нашей стороны) войны уже становятся «злодеями», а злодеи (в кавычках и без) — «героями»...

Что ж, дело обычное, житейское, характерное не только для нас. И я остановлюсь на нем в этой статье лишь потому, что речь, повторяю, идет об

истоках нового и крахе старого политического мышления. О том, поймем ли мы, правильно ли оценим нашу самую ближнюю, уже «перестроечную» историю, или займемся столь любимым для традиционного советского мышления **мифотворчеством?**

Приведу один характерный, как мне кажется, пример. Недавно один очень внимательный и дотошный читатель моих, как я их называю, теоретико-мемуарных размышлений, докторант Принстонского университета Роберт Инглиш обратился ко мне с интересным вопросом. Собирая у нас в стране материалы к научному труду об истоках советского нового политического мышления, он обратил внимание на интервью в «Литгазете» с генералом Л. И. Шершневым (апрель 1990 года). В нем Л. И. Шершнев говорит о том, что еще в мае 1984 года, в разгар войны в Афганистане, он вопреки правилам воинской субординации обратился с письмом непосредственно к Генсеку, Председателю Президиума Верховного Совета СССР (им тогда был К. У. Черненко).

В письме, как утверждал Шершнев, многим рискуя, он написал правду о том, что война эта превратилась в войну с народом, что советские войсковые операции приобрели характер полицейских, карательных, антигуманных мер в отношении мирного населения, сопровождаются грабежами, осквернением мечетей и святых мест и т. д. и т. п. Более кратко и туманно генерал Шершнев сказал и о том, что письмо дошло до Черненко, позитивной реакции не вызвало, хотя и репрессий каких-то против него не применили; правда, немножко он пострадал: задержали присвоение очередного (генеральского) звания.

«Могло ли существовать такое письмо в те времена?» — с некоторым сомнением (зная наши нравы) спросил меня Р. Инглиш. И вдруг я отчетливо вспомнил это сильно поразившее меня тогда письмо. Более того, оно, ставшее, признаюсь, страшным откровением, так на меня подействовало, что я вопреки всем аппаратным традициям и собственным страхам (трусом я вроде бы не был, но и смельчаком себя никогда не считал и не считаю) письмо это, показанное моим коллегой, я не только не уничтожил, уходя из аппарата ЦК КПСС, но сохранил и храню в своем «секретном» архиве (в подходящем для этого тайном месте — вне дома, разумеется). Тем более что никаких страшных «штампов» на заверенной подписью автора ксерокопии этого письма не стояло. Так что не исключаю, что сегодня, если не рыться в архивах покойного маршала Д. Ф. Устинова, а именно ему как своему довольно близкому товарищу и министру обороны переправил Черненко в мае 1984 года с сопроводительной запиской оригинал письма полковника Шершнева, заместителя начальника 7-го управления Главного политического управления СА и ВМФ, то сегодня лишь я да автор — Леонид Иванович — являемся, наверное, владельцами копий этого интереснейшего документа нашего времени.

Да, то, о чем рассказал «Литгазете» Л. И. Шершнев, действительно содержалось в его письме. Да, рисковал он многим: информация, данная в нем, и его оценки были очень нестандартные, неожиданные не только для меня. Они говорили о полковнике Шершневе не только как о смелом офицере, но и как о человеке высокого гражданского долга, как раньше все мы его понимали, хотя далеко не все следовали ему.

Так, значит, наверное, воскликнет читатель, уже тогда простой полковник Главпура понимал преступность этой войны, невозможность военного решения афганской проблемы, незаконность нашего военного присутствия в Афганистане, а наши высшие политики не могли уяснить всего этого!.. Увы, рискуя нарушить симпатичный мне образ бывшего полковника, а ныне генерала Л. И. Шершнева, должен сказать, что выводов таких сделать нельзя.

В известном всем произведении Достоевского «Преступление и наказание» есть один типично русский герой, который полагал, что можно и «до правды довраться». К сожалению, эта особенность — не лучшая черта моего народа. Это скорее грех наш, которого мало кто может избежать, если быть до конца честным, а без честности нам своей истории не понять. Мифологизация же истории после всех трагедий, которые мы пережили, обернется боком и нам, и нашим детям. Поэтому сегодня мне бы хотелось руководствоваться словами другого очень известного нашего героя: «Лучше неудачно сказать правду, чем умолчать о ней, если дело серьезное».

А умолчания здесь были. И Бог с тем, что бывший полковник, видимо, слукавил, не сказав корреспонденту «ЛГ», что реакция самого Черненко на письмо была сдержанной, но в целом безусловно благожелательной. Я читал сопроводиловку к письму, которую подготовил мой коллега В. Прибытков, он же специально просил Черненко подсказать Устинову, чтобы с полковником не расправились его старшие по чину сослуживцы, без чего (полковник Шершнев не может не знать этого) он бы не звание очередное «пропустил», а в лучшем случае «продвинулся» в подполковники запаса. Или вы так уж идеализируете «застойные времена», что полагаете, что тогда наше воинское и гражданское начальство руководствовалось изысканными «кодексами чести»?

Ладно, это (и кое-что другое) пусть остается на совести Л. И. Шершнева, тем более что его тогда действительно не похвалили за смелость. Но есть в его умолчаниях нечто, что вольно или невольно искажает нашу реальную историю, а она не его личное дело.

В письме (заметьте это) для меня, например, главным было то, о чем рассказал Шершнев: страшная правда о карательной войне советских войск против афганского народа. Я понимаю, что меня не красит, что узнал об этом я из письма полковника Шершнева, но другой информации такого рода я до него не имел (хотя, вероятно, мог бы). Для автора же письма (как он сам в письме излагал существо дела) и его читателей, точнее, адресатов, главным было другое.

Что же именно? То, что в целом обстановка в ДРА с лета 1980 года для нас ухудшается, а «соотношение сил изменяется в пользу противника». С тревогой пишет полковник и о том, что «развитие негативных тенденций в обстановке в ДРА может стать необратимым, привести к полной утрате революционных завоеваний, нашему вынужденному уходу из Афганистана, ослаблению наших позиций и в мире в целом». Словом, как заканчивал свое письмо Л. И. Шершнев, «время не терпит. Речь идет о спасении наших интересов, чести нашей Родины и идеалов социализма, о том, чтобы афганская проблема не обернулась для нас большой бедой, а стала нашим триумфом». Вот так. Интересного, как видите, немало. Однако новым политическим мышлением, а тем более призывом уйти из Афганистана не пахнет вроде бы, если, опять же повторяю, читать то, что сказано в письме, а не руководствоваться известным анекдотом, который все мы (или многие) с удовольствием пересказывали друг другу в годы «застоя»: «Мы говорим партия — подразумеваем Ленин... И так всю жизнь: говорим одно, а подразумеваем другое».

Я не буду рассказывать о тех мерах, по-своему неглупых и, безусловно, более гуманных, чем старые, с помощью которых полковник Шершнев собирался обернуть триумфом нашу беду. Не потому, что они содержат какую-то государственную военную тайну — нет (тем более что большинство наших «военных тайн» были, как известно, тайнами только для советских людей, а не для широкой, читающей самую обычную прессу западной общественности). И даже не потому, что с должным пониманием (с учетом времени, в которое письмо писалось) отношусь к стремлению полковника решать «наши» задачи в Афганистане преимущественно «мирными средствами и малой кровью».

Дело в том, что через два-три месяца на заседании Политбюро (и, я думаю, не без влияния подобного рода и других сигналов) подробно обсуждалась наша новая или обновленная программа военных и иных действий в Афганистане. Я присутствовал безмолвно, как и пятеро других помощников Генсека, на этом заседании. Но рассказывать о его содержании не буду: вдруг окажется, что выдаю какую-нибудь жуткую государственную тайну? А делать этого я не хочу. Пусть об этом расскажут в своих мемуарах наиболее активные участники этого заседания, в частности М. С. Горбачев. Надеюсь, что так оно скоро и будет. А я тогда почитаю и сопоставлю со своими наблюдениями.

Здесь же от себя замечу лишь главное. Та программа действий, как видно это с позиций сегодняшнего дня, вплотную стала подводить наше руководство к зачаткам нового политического мышления, но самим новым мышлением на том заседании тоже совершенно не пахло.

«Какое имеют отношение все эти рассуждения к архивам КГБ и ЦК КПСС и к тайнам Кремля? — вероятно, уже спросил себя вдумчивый читатель.— Вот раскроют их, и узнаем тогда, о чем шла речь на том и на другом заседании без помощи Печенева!»

Не знаю, не знаю... К сожалению, никаких гарантий насчет этого я бы вам не дал.

Дело в том, что в лучшем случае, если говорить, к примеру, об упомянутом мною заседании, ознакомившись с архивами ПБ (которые, как сообщалось в печати, Болдин «исхитрился» перенести в архив Президента СССР), вы — за вычетом сухих резолюций и постановлений, которые за некоторыми исключениями становились известными всему аппарату ЦК,— познакомитесь, строго говоря, лишь со взглядами на развернувшуюся на нем «дискуссию»... Анатолия Лукьянова.

Удивляетесь? Я тоже, признаться, очень удивился, когда на 10-м году работы в ЦК КПСС узнал, что заседания Политбюро, на которых я присутствовал, не фиксировались на пленку и расшифровывались стенографистами, а записывались моим бывшим пусть не близким, но все же приятелем Лукьяновым, который потом передиктовывал (в тот же день) свои заметки стенографисткам. Сам Лукьяныч, как мы его называли, стенографией, я знаю, не владел, хотя памятью (во всяком случае, до недавнего времени) обладал феноменальной, равно как и феноменальной работоспособностью.

Представляете теперь, что он знает и какую он, Лукьянов, имеет громадную ценность? А вдруг он все это расскажет?..

О таком порядке записей заседаний Политбюро я узнал от Лукьянова случайно. До этого, повторяю, я полагал, что основные обсуждения на ПБ записываются на пленку, а Анатолий Иванович сидит за отдельным столиком недалеко от председательствующего (за «пультом») и делает заметки, по которым потом правит все стенограммы ПБ.

Но однажды, припозднившись в четверг (это был обычный тогда день заседаний Политбюро), я заглянул к Лукьянову где-то часиков в 9. От него толькотолько выходила хорошо мне знакомая, симпатичная, очень грамотная стенографистка. Я что-то пошутил на их счет, по поводу затянувшегося свидания. На что Анатолий, не ответив на шутку, серьезно и с гордостью (он — из породы энтузиастов, как, впрочем, и я) сказал: «4 часа передиктовывал ПБ. Вы ушли с заседания, а они (руководители наши) одни остались. Говорили долго: о Сталине. Послушай вот, Вадим...» И он кое-что (первый и, кажется, последний раз) прочитал мне из своей диктовки. Я, пораженный и польщенный доверием, помолчал. «М. С. вызвал меня потом к себе и велел написать проект Указа о переименовании города Волгограда в Сталинград»,— продолжил Лукьянов. «Ну и что,— заинтересованно спросил я,— снова «по многочисленным просьбам трудящихся?» Опять не поддержав шутки, Лукьянов сказал: «Проект Указа я написал. Отнес ему на 5-й этаж». «Когда выйдет?» — спросил я. Он пожал плечами: «К 40-летию Победы, наверное...» Шла осень 1984 года.

Я думаю, теперь понятно, что если вы полагали познать все глубины нашей ближайшей истории после того, как наши «следопыты-знатоки» познакомятся с секретными партархивами, то надежды оправдаются лишь отчасти. Вы лишь посмотрите на скрытую от ваших глаз историю внимательными, но пристрастными глазами первого зам. зав. Общим отделом ЦК и одного из главных авторов в основном все еще действующей «брежневской» Конституции СССР — Лукьянова. А ему вы, как я понял, не очень доверяете, раз отправили на скамью подсудимых за... антиконституционные действия. Что касается меня, то я не столь строг к нему. И думаю, что в основном составленным им «стенограммам» доверять можно. Но, конечно, иногда делая существенные коррективы в зависимости от времени, места и очень многих других обстоятельств.

К счастью для историков, до Лукьянова вроде бы эти «стенограммы по записям» не составлял зав. Общим отделом ЦК К. М. Боголюбов — человек, как известно, не только нечистоплотный, нечистый на руку (и исключенный за это из КПСС уже где-то весной 1985 года), но и просто малограмотный *. До Лукьянова, говорят, этим делом занимался... К. У. Черненко, в бытность зав. Отделом ЦК. И хотя я понимаю, что был он тогда помоложе и память всегда имел крепкую, но не очень себе представляю Черненко в роли объективного летописца эпохи.

Насколько мне известно, лишь В. Болдин успешно совершил переворот. Но не в нашем государстве, а в делопроизводстве Политбюро (и, видимо, Президентского совета). С его столоначальной эпохи заседания нашей тоталитарной верхушки стали записываться и сразу расшифровываться стенографистками. Но... не радуйся раньше времени, читатель! Дискуссии по особо важным вопросам вообще как будто не записывались официально и не стенографировались.

Итак, да здравствуют архивы КГБ и ЦК КПСС, которые, раскрыв (с поправками А. И. Лукьянова) не самые главные тайны КПСС, так и не раскроют нам самых главных и самых интересных тайн про них и про нас, они так и не дадут сами по себе ответа на коренные вопросы бытия: кем мы были, кто мы теперь и куда идем? А тем более не ответят на вопрос, как нам идти к новому, сейчас уже, разумеется, рыночному светлому будущему... Здесь придется наконец-то подумать собственной головой, архивы, заверяю вас, в этом нам окажут не очень большую помощь.

Не верите мне, так поверьте хоть Пастернаку: «Не надо заводить архива, над рукописями трястись». Это он говорил не только о себе, а о каждой действительно творческой личности. Словом, давайте раскрывать архивы и внимательно, без гнева и пристрастия изучать их, так, чтобы не создавать новых мифов, подкрепленных «железными» архивными данными, чтобы не превращать свою собственную историю ни в легенду, ни в ее изнанку — политическую сплетню. Поизгаляться и посмеяться над такой историей, конечно, можно будет вдоволь. Но жить достойно — вряд ли.

*** Боголюбов, правда, зато вел, как мне доверительно рассказывали, свое собственное досье на всех и на вся — от секретарей ЦК до привлекаемых нами к работе ученых, писателей, специалистов.**

Людмила САЛЬНИКОВА

И ВСЕ-ТАКИ ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Фото Владимира МАШАТИНА

Рождение и смерть — великая трепетная тайна, покров которой еще никто не дерзнул нарушить. Но если уход всегда тих и одинок, то вхождение в мир свершается шумно и прилюдно. В больничной суете, в наплывах пугающе незнакомой боли, в тревожном нетерпении на какое-то время забывается главный смысл события. Но наступает мгновение — и неодолимое потрясение перехватывает дыхание: только что никого не было... Не было же, ведь правда? И вдруг вот ОН, ребенок! Откуда? Почему?

Напрасно ждать объяснений. Люди, которые своими руками вынули новую жизнь из непостижимого небытия, никогда не распространяются на эту тему. Тайна должна оставаться тайной. Лучше думать о простом и земном. Есть крепкий чай и баранки, есть пачка сигарет, есть телефон, по которому можно позвонить домой и узнать, как там дела. Иначе не выдержишь долгую смену, иначе не хватит душевных сил снова и снова выходить на передний край жизни и отвечать за первый робкий вздох.

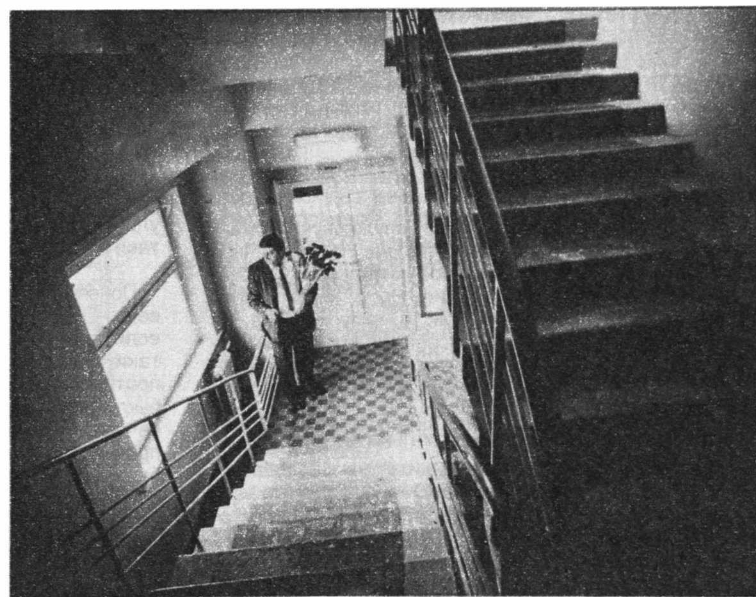
Говорят, что после резкого взлета рождаемости в первые годы перестройки наступил безнадежный спад. В женских консультациях исчезли до боли привычные длинные очереди беременных женщин. На улицах почти перестали появляться мамы с колясками. Тех, кто отважился в наше время на ребенка, открыто называют сумасшедшими и загибают пальцы, подсчитывая сумму, в которую выльется самое необходимое приданое для малыша. А молоко? А фрукты? Нет-нет, никаких детей! Что вы!

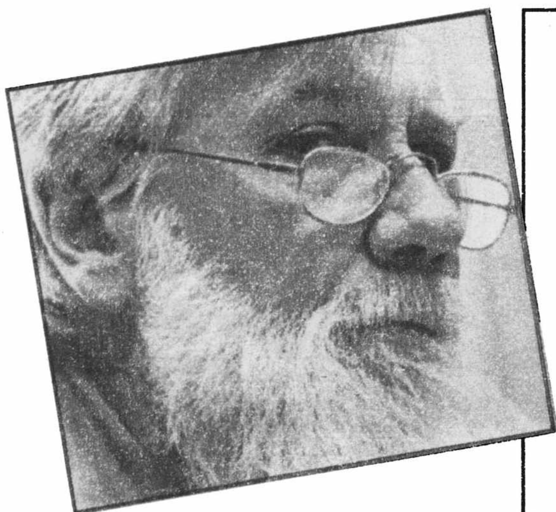
И все-таки некоторые по-прежнему надеются на лучшее будущее, подтверждая свою уверенность весьма решительно — рождением детей. Быть может, приходящие сейчас к нам новорожденные граждане — это самый верный признак того, что выкарабкаемся? Ведь, несмотря ни на что, жизнь продолжается, и она по-прежнему необъяснимо прекрасна и полна счастливого смысла.

Скажем же спасибо тем, кто поверх трудностей и лишений продолжает видеть и понимать эту первейшую мудрость. О них наш репортаж из 1-го акушерского отделения Всероссийского научно-исследовательского Центра перинатологии, акушерства и гинекологии. Работала бригада Натальи Анатольевны Зерновой.

МЫСЛИ ВРАСПЛОХ

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ

Имя Андрея Синявского широко известно читателям. Но известно в большей степени по публикациям о Синявском. «Процесс Синявского и Даниэля», ставший нарицательным символом эпохи. Затем — шумный скандал в правой прессе о книге Синявского «Прогулки с Пушкиным». Отрывки были напечатаны журналом «Октябрь», но целиком эту работу смогли прочитать лишь подписчики малотиражного журнала «Вопросы литературы». Таким образом, само имя писателя, его образ стали известны нам задолго до публикации его произведений. Парадоксальная и печальная судьба.

Однако время шумных литературных скандалов и чтения наспех, кажется, проходит. Мы наконец-то узнаем Синявского-писателя.

Перед вами — фрагменты одного из интереснейших его произведений, произведения, требующего неторопливого, вдумчивого чтения. Публикуется с сокращениями.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

Андрей СИНЯВСКИЙ

Живешь дурак дураком, но иногда в голову лезут превосходные мысли.

Как вы смеете бояться смерти?! Ведь это все равно что струсить на поле боя. Посмотрите — кругом валяются. Вспомните о наших покойных стариках-родителях. Подумайте о вашей кузине Верочке, которая умерла пятилетней. Такая маленькая и пошла умирать, придушенная дифтеритом. А вы, взрослый, здоровый, образованный мужчина, боитесь... А ну — перестаньте дрожать! Веселее! Вперед! Марш!..

Жизнь человека похожа на служебную командировку. Она коротка и ответственна. На нее нельзя рассчитывать, как на постоянное жительство, и обзаводиться тяжелым хозяйством. Но и жить спустя рукава, проводить время, как в отпуске, она не позволяет. Тебе поставлены сроки и отпущены суммы. И не тебе одному. Все мы на земле не гости и не хозяева, не туристы и не туземцы. Все мы — командировочные.

Если бы стать скопцом — сколько можно успеть!

Чтобы не было так обидно жить, мы заранее тешим себя смертью и — чуть что — говорим:

Пусть я умру, плевать!

Вероятно, за эту дерзость, которая видит в смерти выход из игры, с нас крепко спросится. Природа не дает слишком легких концов наподобие ухода из гостей, когда можно взять шапку и сказать: «Ну, я пошел, а вы оставайтесь и делайте что хотите». Вероятно, смерть (даже в виде простого физического исчезновения), как и все на свете, надобно заслужить. Природа не позволит нам капризничать в ее доме.

Анатомия — элементарна. Но — что за мрак, что за сверкание во мраке?! Женщина, в другое время воспринимаемая как бытовое явление, немедленно приобретает потусторонний оттенок. Из «Людочки», из «Софьи Николаевны» она становится жрицей, руководимой темными силами. В половом акте всегда присутствует нечто от черной мессы.

Само наслаждение, достающееся при этом, глубже и страшнее обычных плотских радостей. Оно в значительной мере основано на том, что ты совершаешь кощунство. Красивые женщины, помимо прочего, потому имеют успех, что с ними возрастает кощунственность предпринимаемых действий.

Отсюда же — непостоянство, измены. Со строго физиологической точки зрения новый предмет любви мало чем отличен от старого. Но в том-то и весь фокус, что новый предмет заранее кажется «слаще», потому что с ним ты впервые переступаешь закон и, следовательно, поступаешь более святотатственно. Незнакомую Донну Анну ты превращаешь в девку, и особое удовольствие тебе доставляет то, что она «донна» и «незнакомая»: «Такая чистая, такая красивая, а я с тобою вот что, вот что сделаю!» С нею ты сызнова переживаешь чувство падения, утраченное со «старым предметом» в силу привычки. Повторение там узаконило кощунственный акт, и он перестал казаться таким уж привлекательным. История Дон Жуана — это вечные поиски Той, еще нетронутой, с кем совершить недозволенное особенно приятно. В отношениях с женщиной всегда важнее снять с нее штаны, чем утолить свою природную потребность. И чем эта женщина выше, недоступнее, тем оно интереснее.

По тем же побуждениям, заручившись моральным правом, муж и жена развратничают на законной ниве гораздо изобретательнее случайных прелюбодеев. Чужим хватает того стыда, что они чужие. А любящим супругам кого стыдиться, с кем блудить? Им не остается ничего другого, как нарушать закон в его же собственных рамках и оснащать семейный союз таким бесстыдством, чтобы он имел хотя бы видимость грехопадения.

Женщины грешнее нас, но лучше нас. Странное ощущение. Но безусловно так: и лучше, и грешнее. Блудница становится праведной, лицемерка — искренней, злодейка — доброй, почти не меняя своей женской природы. Для женщины подобные превращения так же естественны, как переход на другую сторону улицы. Остановилась, перешла через улицу и пошла себе дальше, совсем другая и все-таки такая же самая.

Почему грязь и мусор сосредоточены вокруг человека. В природе этого нет. Животные не пачкают, если они не в хлеву, не в клетке, то есть опять-таки — дела и воля людей. А если и пачкают, то не противно, и сама природа, без их стараний, очень быстро смывает. Человек же всю жизнь, с утра до вечера, должен за собой подчищать. Иногда этот процесс до того надоедает, что думаешь: поскорее бы умереть, чтобы больше не пачкать и не пачкаться. Последний сор — мертвое тело, которое тоже требует, чтобы его поскорее вынесли. Останняя куча навоза.

В добавление к этому войдем в роль уборщицы, которая за всеми подметает и не может остановиться: нарастут горы мусора. Она воспринимает людей по мусорным признакам: вон тот не вытирает ноги, а эта всегда оставляет дамский легкомысленный сор — шпильки, флакончик из-под духов, затертые, воняющие одеколоном ватки, раскиданные по всему номеру. Дело происходит в гостинице.

Убийственно уже местоположение секса — в непосредственной близости к органам выделения. Словно самой природой предусмотрена брезгливая, саркастическая гримаса. То, что находится рядом с мочой и калом, не может быть чистым, одухотворенным. Физически неприятное, вонючее окружение вопит о клейме позора на наших срамных частях. Бесстыдство совокупления, помимо стыда и страха, должно преодолевать тошноту, вызываемую нечистотами. Общее удовольствие похоже на пир в клоаке и располагает к бегству от загаженного источника.

Но вот представьте девку, серую, безответную, которая много работает и терпеливо ждет, когда кто-нибудь с нею хоть побалуется мимоходом. И все нету случая. Один парень облапил было ее в полутемном клубе, да спьяну отвлекся, забыл и уснул на полдороге, а наутро не вспомнил. Потом какой-то мужик, кажется, хромоногий, с деревяшкой вместо ноги, прикидывал жениться на девке, и она опять была согласна, но его не то задавило трактором, не то он уехал и не вернулся. И жизнь у нее проходит в однообразной работе, в тихом недоумении, почему она ни у кого не вызывает охоты, с виноватой улыбкой, что никто не польстился. Спрашивается: разве не лучше было бы ей согрешить, чем тянуть это хилое, незадачливое целомудрие?..

В нашей жизни, в быту идея грехопадения редко дана в своей метафизической оголенности. Тут столько встречается примесей, обстоятельств, мотивов, что все выглядит куда печальнее и смешнее. Бывает, что человеку некуда приткнуться, и он тыкается в бабу, которой ведь тоже нужно как-то себя пристроить. Длинная, скудная жизнь, и ничего нет под руками, кроме срамных частей, которые болтаются, как детская погремушка, и почему бы немного в нее не поиграть заскучавшему человеку? Или для женщины позабавиться с незнакомым мужчиной — все равно что пойти на новую кинокартину. Здесь даже не всегда присутствует влечение к запретному плоду, к полу, к рискованному удовольствию, а просто — влечение «вдаль», жалость к себе и желание чем-то развлечься, уйти, переменить обстановку и даже любовь к ближнему, приласкать которого у нас нет других способов. Вся эта тривиальность человеческой жизни не то что снимает или оправдывает грех, но рядом с нею он, взятый в отдельности, как таковой, в своей изначальной мерзости, менее пугает и кажется отдушиной. В нем — конец, преступление, дыра, ад, смерть, то есть все понятия предельные, максимальные, а тут, в быту, в жизни — тоскливое прозябание, по сравнению с которым сама смерть лучше.

Все-таки самое главное в русском человеке — что нечего терять. Отсюда и бескорыстие русской интеллигенции (окромя книжной полки). И прямота народа: спьяна, за Россию, грудь настежь! Стреляйте, гады! Не гостеприимство — отчаяние. Готовность — последним куском, потому что — последний и нет ничего больше, на пределе, на грани. И легкость в мыслях, в суждениях. Дым коромыслом. Ничего не накопили, ничему не научились. Кто смеет осудить? Когда осужденные.

Пьянство — наш коренной национальный порок и больше — наша идея фикс. Не с нужды и не с горя пьет русский народ, а по извечной потребности в чу-

десном и чрезвычайном, пьет, если угодно, мистически, стремясь вывести душу из земного равновесия и вернуть ее в блаженное бестелесное состояние. Водка — белая магия русского мужика; ее он решительно предпочитает черной магии — женскому полу. Дамский угодник, любовник, перенимает черты иноземца, немца (черт у Гоголя), француза, еврея. Мы же, русские, за бутылку очищенной отдадим любую красавицу (Стенька Разин).

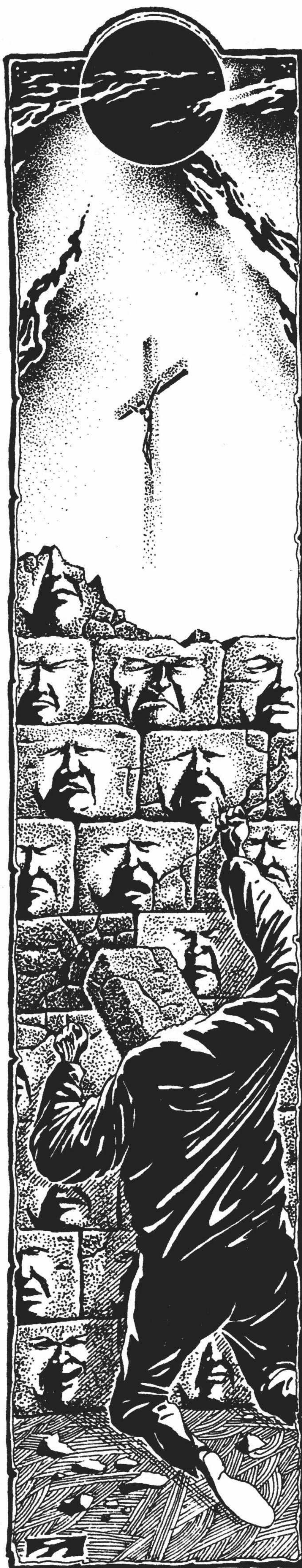
В сочетании с вороватостью (отсутствие прочной веры в реально-предметные связи) пьянство нам сообщает босяцкую развязность и ставит среди других народов в подозрительное положение люмпена. Как только «вековые устои», сословная иерархия рухнули и сменились аморфным равенством, эта блатная природа русского человека выперла на поверхность. Мы теперь все — блатные (кто из нас не чувствует в своей душе и судьбе что-то мошенническое?). Это дает нам бесспорные преимущества по сравнению с Западом и в то же время накладывает на жизнь и устремления нации печать непостоянства, легкомысленной безответственности. Мы способны прикарманить Европу или запузырить в нее интересной ересью, но создать культуру мы просто не в состоянии. От нас, как от вора, как от пропойцы, можно ждать чего угодно. Нами легко помыкать, управлять административными мерами (пьяный инертен, не способен к самоуправлению, тащится, куда тянут). И одновременно — как трудно управиться с этим шатким народом, как тяжело с нами приходится нашим администраторам!..

Как это приятно, когда случайный прохожий говорит «пожалуйста» или «спасибо». И говорит это «спасибо» с таким чистосердечием, точно в самом деле желает тебе спасения. На этой задушевности только и держится мир, в особенности — русский. Какое-нибудь «браток», «папаша», «будьте добреньки». Безо всякой вежливости, но с родственной интонацией.

Раньше человек в своем домашнем быту гораздо шире и прочнее, чем в нынешнее время, был связан с универсальной — исторической и космической — жизнью. Хотя у нас имеются газеты, музеи, радио, воздушное сообщение, мы лишь принимаем к сведению этот всемирный фон и не очень-то им проникаемся, мало о нем думаем. В чешских ботинках, с мексиканской сигаретой в зубах, прочел корреспонденцию о появлении нового государства в Африке и пошел кушать бульон, сваренный из французского мяса. Все это внешнее, кажущееся соприкосновение с миром носит характер случайной, бессвязной информации: «В огороде бузина, а в Киеве дядька». О том, что в Киеве дядька, мы узнаем по многу раз в день и не придаем этим фактам особого значения. Количество наших знаний и сведений огромно, мы перегружены ими, качественно не меняясь. Всю нашу вселенную можно объехать за несколько дней — сесть на самолет и объехать, ничего не получив для души и лишь увеличив размеры поступающей информации.

Сравним теперь эти мнимые горизонты с былым укладом крестьянина, никогда не выезжавшего далее сенокоса и всю жизнь проходившего в самодельных, патриархальных лаптях. По размерам его кругозор кажется нам узким, но как велик в действительности этот сжатый, вмещаемый в одну деревню объем. Ведь даже однообразный ритуал обеда (по сравнению с французским бульоном и ямайским ромом) был вовлечен в круг понятий универсального смысла. Соблюдая посты и праздники, человек жил по всемирно-историческому календарю, который начинался с Адама и заканчивался Страшным судом. Поэтому, между прочим, какой-нибудь полутемный сектант мог порой философствовать ничуть не хуже Толстого и достигать уровня Плотина, не имея притом под руками никаких пособий, кроме Библии. Мужик поддерживал непрестанную связь с огромным мирозданием и помирал в глубинах вселенной, рядом с Авраамом. А мы, почитав газетку, одиноко помираем на своем узеньком, никому не нужном диване. И никакая информация нам тогда не нужна. Она для нас — брюки из заграничного материала. Форсим в этих брюках и только. Куда девается весь кругозор, вся наша осведомленность, когда мы снимаем брюки или с нас снимают? Или — когда мы подносим ложку ко рту. Мужик-то, прежде чем взять ложку, бывало — перекрестится и одним этим рефлекторным жестом соединит себя с землей и небом, с прошлым и будущим.

Мы обязаны городскому комфорту и техническому прогрессу тем, что вера в Бога пошла на убыль. В окружении сделанных нами вещей мы почувствовали себя создателями вселенной. Могу ли я увидеть Господа Бога в мире, где на каждом шагу мне попадается человек? Глас Божий звучал в пустыне, в тишине, а тишины и пустыни нам как раз не хватает. Мы все заглушили и заполнили собою и после этого еще удивляемся, что Господь нам не показывается.

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

Любая личность противна, если ее много. Личность всегда — капитал, хотя бы он состоял из добродетелей, ума и таланта. «Раздай добро свое...» Христос возлюбил тех, кто был «никем». Да и сам Он разве не был «Никто»? Как личность Он скорее невыразителен (и потому невыразим) и уж во всяком случае нисколько не оригинален. «Личность Иисуса Христа» — звучит кощунственно. Это Личность в обратном, минусовом значении. Христа не назовешь «гением». Гений переполнен собою, гений — капиталист. Вампиризм гения, почитание гениев, начавшееся с Ренессанса, и бескорыстие святости, всегда сияющей не своим, но Твоим, Господи, светом.

Никак не пойму, что за «свобода выбора», о которой столько толкует либеральная философия. Разве мы выбираем, кого нам любить, во что верить, чем болеть? Любовь (как и любое сильное чувство) — монархия, деспотия, действующая изнутри и берущая в плен без остатка, без оглядки. О какой свободе мы помышляем, когда поглощены, когда ничего не помним, не видим, кроме Предмета, который нас выбрал и, выбрав, мучает или одаривает? Как только мы желаем освободиться (от греха ли, от Бога ли — все равно), над нами уже властвует новая сила, шепчущая об освобождении лишь до тех пор, пока мы ей всецело не предались. Свобода всегда негативна и предполагает отсутствие, пустоту, жаждущую скорейшего заполнения. Свобода — голод, тоска по власти, и если сейчас о ней так много болтают, это значит, что мы находимся в состоянии междуцарствия. Придет царь и всему этому душевному парламентаризму под именем «свобода выбора» положит конец.

Представьте гения на том свете. Бегает из угла в угол — в аду — и всем доказывает: ведь я т а л а н т л и в ы й!

Хорошо, когда опаздываешь, немного замедлить шаг.

А все-таки больше всего на свете я люблю снег.

Иногда (очень редко) умершие снятся во сне совсем по-другому, чем снятся обыкновенные люди. То есть говорят и выглядят, как живые, но это не сон о прошлой их жизни с нами, а сон о нашей теперешней встрече с ними, вдруг ожившими и пришедшими к нам повидаться. Быть может, они лишь временно приняли прежний облик для того, чтобы нам было легче их узнать и понять.

При виде их мы испытываем радостное удивление и задыхаемся во сне от счастливых слез, от сознания, что все было неправдой и они живы. Мы нисколько не забываем, что перед нами умершие, но их появление происходит как бы в нарушение смерти. Мы страшно волнуемся и ликуем («Не умер! Не умерла!») и не хотим ничего другого, как только жить вместе с ними и никогда не расставаться, и обещаем им что-то, и просим, и договариваемся или пытаемся о чем-то с ними договориться. А они — тоже счастливые в эту минуту — почему-то очень спокойны и совсем не волнуются, а только стараются ласково нас успокоить, точно знают больше нашего, точно они сильнее и терпеливее нас. И улыбаются, и кивают на наши жаркие речи.

Но вот свидание кончено, и они уходят незаметно, не желая печалить нас проводами и прощанием, уходят, оставляя нас спящими в каком-то глубоком и блаженном, детском сне. Когда же мы просыпаемся, на душе у нас тихо и покойно, и сновидение это — в отличие от других, обычных снов — прочно откладывается, укореняется в памяти. От него остается воспоминание, как от действительной встречи. Словно вечность снизошла из хорошего к нам отношения и отпустила на побывку своих домочадцев. Все, все, вплоть до старенького, поношенного пальто! Чтобы мы не скучали, чтобы мы не забывали, чтобы нас обнадежить до следующего раза.

Нет сомнений, за время сна они нам успели что-то внушить. Поэтому, проснувшись, мы не маемся, не терзаемся, не рвемся бесполезно вслед за улетевшими образами. Одно лишь грустно: мы не помним в точности, о чем мы с ними договорились, о чем условились, да и смогли ли мы с ними о б о в с е м договориться?..

Старуха вернулась из бани, разделась и отдыхает. Сын хотел было постричь у нее ногти на ногах, чудовищные, заскорузлые ногти.

— Что ты, Костя! Что ты! Мне помирать пора. Как же я — без ногтей — на гору к Богу полезу? Мне высоко лезть...

Вряд ли старуха забыла, что ее тело сгниет. Но ее представления о Царствии Небесном реальны до земной осязаемости. И свою бессмертную душу она воспринимает реально — с ногтями, в нательной рубашке, в виде босоногой старухи. Подобного рода уверенности часто недостает нашим философско-

теологическим построениям. Все понимается настолько спиритуально, что уже неизвестно: существует ли Господь в самом деле, или Он только символ наших гуманных наклонностей. Дикарь, представляющий Бога в виде кровожадного зверя, менее кощунствует, чем философ-идеалист, подменивший Его гносеологической аллегорией. Христос воскрес буквально, осязаемо, во плоти и предстал как очевидность, вопреки фарисейским абстракциям. Он пил и ел с нами за одним столом и апеллировал с помощью чуда, то есть вещественного доказательства.

Господи, дай о Себе знать. Подтверди, что Ты меня слышишь. Не чуда прошу — хоть какой-нибудь едва заметный сигнал. Ну, пусть, например, из куста вылетит жук. Вот сейчас вылетит. Жук — ведь вполне естественно. Никто не заподозрит. А мне достаточно, я уже догадаюсь, что Ты меня слышишь и даешь об этом понять. Скажи только: да или нет? Прав я или не прав? И если прав, пусть паровоз из-за леса прогудит четыре раза. Это так нетрудно — прогудеть четыре раза. И я уже буду знать.

Истинно христианские чувства противоположны нашей природе, анормальны, парадоксальны. Тебя бьют, а ты радуешься. Ты счастлив в результате сыплющихся на тебя несчастий. Ты не бежишь от смерти, а влечешься к ней и заранее уподобляешься мертвым. Всякому здоровому, нормальному человеку это кажется дикостью. Природа учит бояться смерти, избегать страданий, плакать от боли. А тут все наоборот — противоестественно (говорят гуманисты), сверхъестественно (говорят христиане). И никаких дальновидных расчетов (пусть лучше здесь потерплю, чтобы там блаженствовать,— расчет ростовщика). Обратные реакции возникают непреднамеренно, помимо воли. Но стоит «простить обидчику», и на душе становится весело, точно разрублен узел, который никакими борениями не развязать. И если эту легкость и веселость души взять не следствием, а причиной, то прощение и любая другая обратная реакция на причиненную скорбь проявится неудержимо, без усилий и специальных заданий. Не преодоление естества, а его замещение какой-то иной, нам незнакомой природой, которая учит болеть, страдать, умирать и избавляет от обязанности бояться и ненавидеть.

Человек живет для того, чтобы умереть. Смерть сообщает жизни сюжетную направленность, единство, определенность. Она — логический вывод, к которому приходят путем жизненного доказательства, не обрыв, но аккорд, подготовленный задолго, начиная с рождения. По сравнению с умершими (в особенности сравнительно с историческими лицами и литературными персонажами) мы выглядим недотянутыми, недоразвитыми. Такое чувство, как если б у нас грудь и голова терялись в проблематичном тумане. Потому мы так неуверенны в своей роли, роли судьбы и места. Пока мы не умерли, нам всегда чего-то недостает. Конец — всему делу венец.

Мы бессознательно завидуем цельности умерших: они уже выкрутились из промежуточного положения, обрели ясно очерченные характеры, дожили, довоплотились. Отсюда такой интерес к своему концу, гадания, предсказания, поиски вслепую последней точки, решающего штриха. Нас притягивает и соблазняет самоубийство, суля выгодную сделку, позволяющую нам по собственному выбору и решению получить недостающую сумму и расписаться в получении. Но вернее этой расписки принять смертную казнь с объявленным приговором, предоставляющим жертве редко право присутствовать при его исполнении и осознать себя в истинной готовности и законченности. Приговоренные к казни в один миг вырастают наполовину, и, если они сумеют сохранить присутствие духа, лучший способ расчета трудно представить.

Человеческая судьба в идеале уловлена в жанре трагедии, которая ведь и разыгрывается по направлению к смерти. В трагедии смерть становится целью и стимулом действия, в ходе которого личность успевает выявить себя без остатка и, достигнув завершенности, выполнить предназначение. Мы смотрим на все это стремительное и роковое приближение к гибели и радуемся, что герой удостоен такого избранничества, что он, едва родившись, обеспечен и застрахован, и вся его биография обставлена, как подготовка финала. В его судьбу и характер смерть заложена, как зерно, и, когда оно на наших глазах прорастает, мы испытываем восторг перед этой верностью року, претворяющему усилия жизни в смертный подвиг.

Трагедия по идее уподобляется казни, но растягивает приговор до размеров естественного человеческого созревания, создавая видимость непринужденности и свободы в движении по кратчайшему, предустановленному пути. Гибель героя оправдана, завоевана, заработана жизнью, и это равновесие рождает чувство гармонии. Напротив, в судьбе «обывателя» смерть почти комична: хватила кондрашка, подавился костью. Жалкость подобной участи в ее случайности, привнесенности (жил-жил и вдруг ни с того ни с сего помер),— в отсутствии нарастающей связи между жизнью и смертью. Но всего страшнее, когда в знак наказания Провидение отворачивается от надоевшего человека и позволяет ему сгинуть позорно, бесстыдно — по собственному вкусу: напился до потери сознания и захлебнулся в своей блевотине; умер в момент соития, да так, что бедную женщину с трудом освободили от вцепившегося старика...

Будем просить у судьбы честную, достойную смерть и по мере сил двигаться ей навстречу, так, чтобы подобающим образом выполнить наше последнее и главное дело, дело всей жизни — умереть.

Мысли о Боге неиссякаемы и велики, как море. Они захлестывают, в них тонешь с головой, с руками, не достигая дна. Бог в нашем сознании — понятие настолько широкое, что способно выступать как собственная противоположность даже в рамках единой религиозной доктрины. Он — непознаваем и узнаваем повсюду, недоступен и ближе близкого, жесток и добр, абсурден, иррационален и предельно логичен. Ни одно понятие не дает такого размаха в колебании смысла, не предоставляет стольких возможностей постижения и толкования (при одновременной твердой уверенности в его безусловной точности). Уже это говорит о значительности стоящего за ним Лица и Предмета наших верований, наших раздумий. В Бога можно по-разному верить, о Нем можно бесконечно думать: Он охватывает все и везде присутствует, как Самое Главное, ни в чем не умещаясь. Это самое огромное, единственное явление в мире. Кроме этого, ничего нет.

Может быть, жизнь состоит в выращивании души, да, да, той самой, бессмертной, что тебя сменит и улетит прочь. Точнее говоря, душа не растет, не развивается, но скрытно в тебе пребывает, пока ты созреваешь до того, что вступаешь с нею в более или менее тесный контакт. Надо, чтобы душа тебя запомнила, с тобой подружилась и по знакомству сохранила частицу твоей личности. В этом смысл выражения: «Пора о душе подумать». То есть пора позаботиться о том, чтобы завязать со своей душой прочные отношения, чтобы твоя душа о тебе подумала.

Вряд ли у людей бывают скверные души (разве что в человеке поселится чужая, нелюдская душа). Распоследние негодяи уверены, что «в глубине души» они все же хорошие. А об окончательно плохом человеке говорят, что у него «души нет». На самом деле душа, возможно, еще в нем остается, но уходит так глубоко, что уже не имеет к нему никакого касательства.

«Погубить душу» нельзя, а можно погубить себя, потеряв душу. Душа от тебя не зависит, но ты от нее зависишь и находишься у нее под опекой, если успеешь это заметить.

Нынешнее христианство грешит благовоспитанностью. Оно только и думает, как бы не испачкаться, не показаться неделикатным. Оно боится грязи, грубости, прямоты, предпочитая всему на свете аккуратную середину. До чего довели, слюнтяи,— священный елей превратили в сладкую патоку (от одного словечка «елейный» подкатывает тошнота). Сложили губки бантиком и ждут, чтобы Господь поставил им галочку за примерное поведение. Как кисейная барышня, краснеют при каждом намеке на недозволенное удовольствие: «Ах, что вы, я не такая! Вы не подумайте, я невинная». Христову Церковь спутали с институтом благородных девиц. В итоге все живое и яркое перешло в руки порока. Добродетели осталось вздыхать и собирать слезки в карман. Она забыла пламенную ругань Библии.

А христианство обязано быть смелым и называть вещи их именами. От ангелочков в веночках пора отказаться, чтобы ангелы стали сильнее и очевиднее аэропланов. «Аэропланы» — не ради подделки под стиль современности, а для превосходства над нею.

На этом пути можно впасть в ересь. Но ересь сейчас не так опасна, как иссыхание на корню. Господи! Лучше я ошибусь в Твоем имени, чем забуду Тебя. Лучше я согрешу Тобою, чем забуду Тебя. Лучше я душу свою погублю, чем Ты исчезнешь из вида.

Рядом с другими религиями христианство выполняет роль ударного батальона, роль штрафной роты, кинутой на самый опасный и горячий участок фронта. Где-то, может быть, имеется артиллерия, авиация, но в рукопашную свалку, в пекло брошен именно этот батальон смертников, сжегший за собой мосты и ведущий сражение вплотную с блиндажами противника. Отсюда и решительность натиска, готовность идти до конца, и трудность подвига, и узость, нетерпимость учения (сравнительно хотя бы с индусами), то есть собранность и устремленность всех сил в одном ударе. Посмотрите на его, христианства, героев. Мудрецов здесь не так много, а все больше подвижники, снискавшие славу стойкостью и смертью. Жития святых — перечень пыток и казней, вынесенных воинством, последовавшим примеру казненного Бога. Это солдаты, показывающие миру свои рубцы и раны как знаки доблести. А из кого набрано войско? Да изо всех наций, из любого сброда, даже из преступников, поставивших на себе крест. Каждый может быть зачислен. Каждый, самый последний, неученый, грешный — лишь бы был готов броситься в огонь. И в схватке — каждый, в единоборстве — каждый. Религия величайшей надежды, родившейся из отчаяния, религии воскресения плоти посреди смрада и тления. Нигде, как в христианстве, нет такого близкого прикосновения к смерти. Страх смерти в нем не изжит, а развит до силы, способной пробить брешь в гробнице и выскочить по другую сторону. Не созерцание вечности, а ее стяжание в битве, в бою, с одним оружием — готовностью умереть.

Засыпая, мы принимаем положение зародыша. Поджимаем ноги к животу, свертываемся в калачик, вьем гнездо — уютное и безопасное материнское лоно. Мы становимся детьми, и посапываем, и чмокаем губами, отодвигая в сторону позднейшие напластования. В этом впадании в детство, всеобщем, ежедневном, есть какой-то возврат к себе, к своей изначальной позиции, которая была и будет главнейшей в жизни, а все прочее — пустяки. Засыпая, мы порываем с миром, сбрасываем личину профессии, возраста, культуры, национальности, возвращаемся домой и остаемся, наконец, в своем первозданном виде, смешные и беззащитные. Это наш корень, наше последнее «я», которое и «я» трудно назвать, потому что мы все здесь младенчески одинаковы.

С другой стороны, сон — это репетиция смерти. Засыпая, мы умираем, ложимся, закрываем глаза, теряем самосознание, и не исключено, что частично живем в каком-то другом мире. Из дневной жизни туда докатываются отголоски, но в незамутненной глубине сна мы чувствуем что-то иное, не похожее на наше обычное существование — колыбель и утробу матери, откуда мы рождаемся утром обновленными, помолодевшими. Сон, как и смерть, имеет привкус небытия, забвения, покоя и детского блаженства. Говорят, перед смертью с особенной силой вспоминается детство. Так и быть должно: умирает не «граф Толстой», не писатель и не мыслитель, умирает «Левушка»...

Пора детства проносится человеком через всю жизнь, как ее единственная, незаменимая основа. Вспоминая свой двух-пяти-семилетний возраст, мы явственно сознаем его связь с нами, хотя, рассуждая логически, нет никакого сходства между нашей взрослой личностью и младенческим состоянием. Но память, не зависящая от доводов логики, не делает большого разрыва между тем и этим, и каждый из нас может сказать о себе: помню, меня купали в корыте, и я говорил «мяу», глядя на лампочку. И это ведь я говорил «мяу», а не кто-то другой, и это «мяу» накрепко со мною связано, это я и есть. В отношении юношеского и зрелого возраста иногда просто не верится, что мы могли то-то сделать, то-то сказать (смена убеждений, интересов и т. д.). О своих поступках и чувствах в положении «личности» часто вспоминаешь как о чем-то чужом. Только детство сохраняет до старости непреходящую достоверность.

Даже в деторождении есть элемент возврата к своему младенчеству, и за невозможностью нам самим стать детьми мы заводим ребенка. Тут имеются, конечно, претензии со стороны нашей взрослой личности, желающей продолжить себя в потомстве. И все же хотят ребенка, а не тридцатилетнего дядю, «похожего на меня», о маленьком мечтают, о дитятке. У женщин это чувство выражено еще очевиднее: лишенные наших честолюбивых наклонностей, они просто хотят маленького без особого стремления закрепить в нем свою «неповторимую индивидуальность». Даже бабушки жаждут внучат и играют в них, как в куклы, со страстью предаваясь ребячеству и сюсюкая по-младенчески. Почему бы им сразу не уподобиться подростку? Не потому ли, что новорожденный желаннее им и ближе, что в нем они узнают и обретают себя.

Так вот, если сравнивать всё это — и сон, и детство, и смерть,— то окажется, что жизнь, прожитая как «развитие сознательной личности», легко исчезает и ни на что не годна. Кем бы мы ни стали, чему бы ни научились, мы остаемся лишь с тем запасом, который имели в детстве и имеем перед сном. С ним, единственно с ним, мы и уйдем отсюда, навсегда позабыв все прочие приобретения — знания, деньги, славу, труды, книги, запечатлевшие нашу личность, но не имеющие никакой цены перед лицом ребенка, сна и смерти.

Мысли кончаются и больше не приходят, как только начинаешь их собирать и обдумывать...

ВАМ надо только позвонить и...

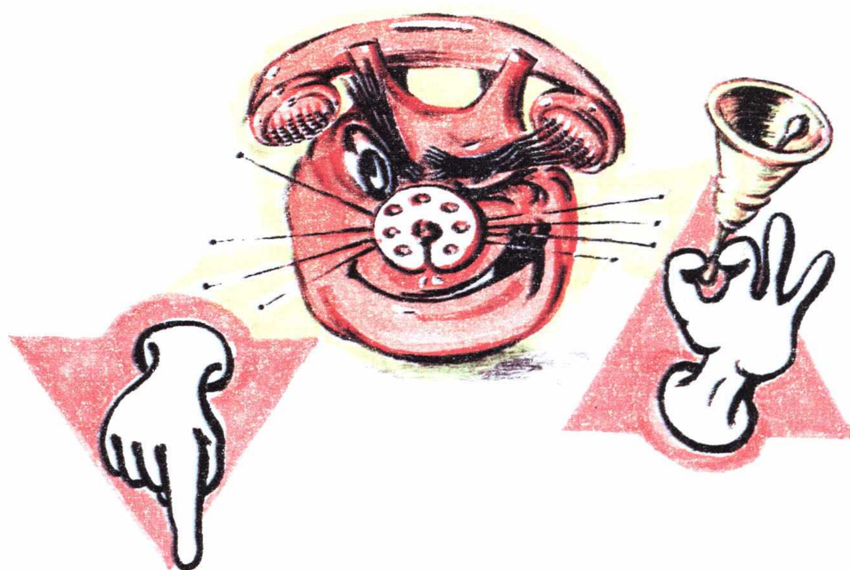
ТЕЛЕ · МАРКЕТ *ДЛЯ ВАС*

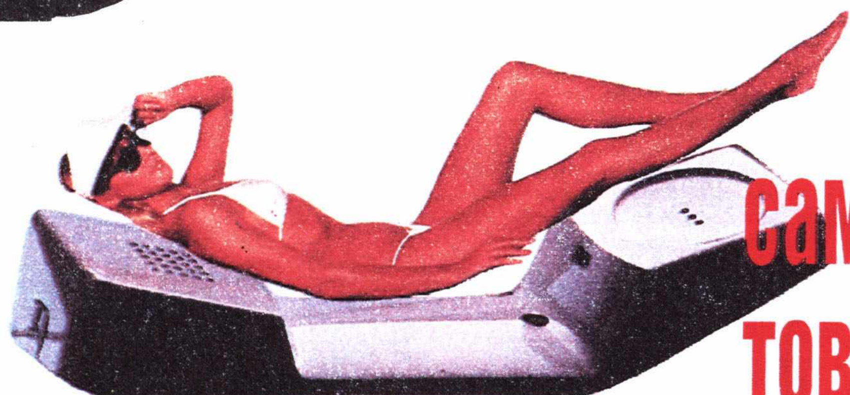
строительные материалы	/095/972-59-18
сырье	972-59-28
оргтехника видео и аудиотехника	972-59-38
товары ширпотреба	972-59-48
электробытовая техника	972-59-58
оборудование для пищевой промышленности игровые автоматы	972-59-68

ТЕЛЕ · МАРКЕТ

ЗАЯВКИ
НА СДЕЛКИ
КУПЛИ-ПРОДАЖИ
ИЗ ЛЮБОЙ
ТОЧКИ
СТРАНЫ.

самые лучшие товары станут ВАШИ!

1992

	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ
Пн.	6 13 20 27	3 10 17 24	2 9 16 23 30
Вт.	7 14 21 28	4 11 18 25	3 10 17 24 31
Ср.	1 8 15 22 29	5 12 19 26	4 11 18 25
Чт.	2 9 16 23 30	6 13 20 27	5 12 19 26
Пт.	3 10 17 24 31	7 14 21 28	6 13 20 27
Сб.	4 11 18 25	1 8 15 22 29	7 14 21 28
Вс.	5 12 19 26	2 9 16 23	1 8 15 22 29

	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ
Пн.	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Вт.	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Ср.	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24
Чт.	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25
Пт.	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Сб.	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Вс.	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28

	ИЮЛЬ	АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ
Пн.	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Вт.	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Ср.	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Чт.	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24
Пт.	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25
Сб.	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Вс.	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27

	ОКТЯБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
Пн.	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
Вт.	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29
Ср.	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30
Чт.	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
Пт.	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
Сб.	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26
Вс.	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27

НАША РЕКЛАМА В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ ПРИНОСИТ ВАМ ПРИБЫЛЬ!

— МАРКЕТИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
— НОУ-ХАУ В РЕКЛАМЕ
— СИНЕКТИКА, решение проблем методом генерирования альтернатив, основанном на анализе и ассоциациях

МЫ
— экономим свое и Ваше время
— совместно решаем проблемы
— отвечаем за рекомендации

КАРТОЧКА УЧАСТНИКА КОНКУРСА

Я хочу быть участником конкурса и считаю самыми популярными:

МЕСТО		РЕЙТИНГ
1	____	2,0
2	____	1,9
3	____	1,8
4	____	1,7
5	____	1,6
6	____	1,5
7	____	1,4
8	____	1,3
9	____	1,2
10	____	1,1

РСФСР, 123100, МОСКВА
Шмитовский проезд, 15
ФИРМА «ВАЛ»

Срок отправления карточки участника конкурса — до 15 января 1992 года. Квитанция об оплате высылается в одном конверте с карточкой.

ОСТАЕТСЯ У ОТПРАВИТЕЛЯ!

КАРТОЧКА УЧАСТНИКА КОНКУРСА

МЕСТО		РЕЙТИНГ
1	____	2,0
2	____	1,9
3	____	1,8
4	____	1,7
5	____	1,6
6	____	1,5
7	____	1,4
8	____	1,3
9	____	1,2
10	____	1,1

РСФСР, 123100, МОСКВА
Шмитовский проезд, 15
ФИРМА «ВАЛ»

Для участия в конкурсе необходимо заполнить карточку участника конкурса и перечислить 12 рублей почтовым переводом для обработки информации на р/с 467206 в отделение «Кредит-Искусство» Мосбизнесбанка кор/счет 1161190 в РКЦ ГУ ЦБ РСФСР по г. Москве МФО 201791.

ИНТЕРЕСНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ!

Будьте участником конкурса «Человек года». Политики, бизнесмены, спортсмены, люди искусства: выбирайте лучших среди лучших.

Это совсем просто: назовите 10 претендентов, расставьте их по степени популярности в карточке участника конкурса и отправьте ее прямо сейчас. Компьютер, обработав ваши карточки, определит рейтинг всех претендентов и составит десятку самых популярных людей. Десятка ваших претендентов совпадает с десяткой, составленной компьютером,— вы обладатель суперприза. Суперприз — персональный компьютер или 50 000 рублей.

Участники конкурса, приславшие карточки: 1001, 2001, ..., 9001, выигрывают холодильник.

Обладателями телевизора станут участники конкурса, приславшие карточки 10001, 20001, 30001, ..., 90001.

Видеосистему выигрывают 100001-й, 200001-й, 300001-й, ..., 900001-й участники конкурса.

Автомобиль получает 1000001-й участник конкурса.

Первый — синоним успеха!

Приз-сюрприз для последнего участника конкурса!

Широкие возможности: участвуйте в конкурсе в своем трудовом коллективе. Достаточно вашей бухгалтерии перевести на наш расчетный счет сумму, соответствующую числу участников, и выслать карточки участников с копией платежного поручения в одном конверте.

Особенно важно: не забудьте указать отправителя. Большое спасибо! Мы надеемся на ваше активное участие и желаем удачи!

ФИРМА «ВАЛ»

ОТПРАВИТЕЛЬ

Ф.И.О. ______________________

____

АДРЕС ______________________

____

____

ВОЗРАСТ* ______________________

ПРОФЕССИЯ* ______________________

СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ* ______________________

____

____

* Заполнять необязательно.

ОТПРАВИТЕЛЬ

Ф.И.О. ______________________

____

АДРЕС ______________________

____

____

ВОЗРАСТ* ______________________

ПРОФЕССИЯ* ______________________

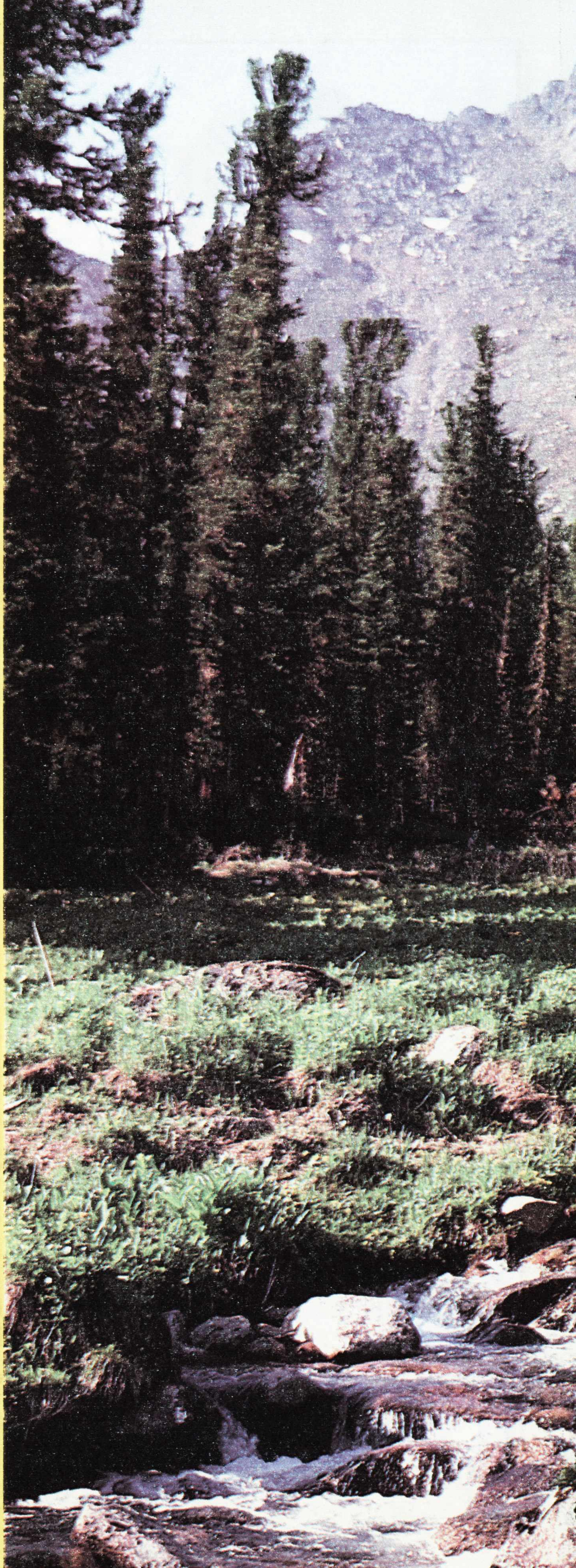
СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ* ______________________

____

____

____

* Заполнять необязательно.

1992

ЯНВАРЬ

Пн.		6	13	20	27
Вт.		7	14	21	28
Ср.	1	8	15	22	29
Чт.	2	9	16	23	30
Пт.	3	10	17	24	31
Сб.	4	11	18	25	
Вс.	5	12	19	26	

ФЕВРАЛЬ

Пн.		3	10	17	24
Вт.		4	11	18	25
Ср.		5	12	19	26
Чт.		6	13	20	27
Пт.		7	14	21	28
Сб.	1	8	15	22	29
Вс.	2	9	16	23	

МАРТ

Пн.		2	9	16	23	30
Вт.		3	10	17	24	31
Ср.		4	11	18	25	
Чт.		5	12	19	26	
Пт.		6	13	20	27	
Сб.		7	14	21	28	
Вс.	1	8	15	22	29	

АПРЕЛЬ

Пн.		6	13	20	27
Вт.		7	14	21	28
Ср.	1	8	15	22	29
Чт.	2	9	16	23	30
Пт.	3	10	17	24	
Сб.	4	11	18	25	
Вс.	5	12	19	26	

МАЙ

Пн.		4	11	18	25
Вт.		5	12	19	26
Ср.		6	13	20	27
Чт.		7	14	21	28
Пт.	1	8	15	22	29
Сб.	2	9	16	23	30
Вс.	3	10	17	24	31

ИЮНЬ

Пн.	1	8	15	22	29
Вт.	2	9	16	23	30
Ср.	3	10	17	24	
Чт.	4	11	18	25	
Пт.	5	12	19	26	
Сб.	6	13	20	27	
Вс.	7	14	21	28	

ИЮЛЬ

Пн.		6	13	20	27
Вт.		7	14	21	28
Ср.	1	8	15	22	29
Чт.	2	9	16	23	30
Пт.	3	10	17	24	31
Сб.	4	11	18	25	
Вс.	5	12	19	26	

АВГУСТ

Пн.		3	10	17	24	31
Вт.		4	11	18	25	
Ср.		5	12	19	26	
Чт.		6	13	20	27	
Пт.		7	14	21	28	
Сб.	1	8	15	22	29	
Вс.	2	9	16	23	30	

СЕНТЯБРЬ

Пн.		7	14	21	28
Вт.	1	8	15	22	29
Ср.	2	9	16	23	30
Чт.	3	10	17	24	
Пт.	4	11	18	25	
Сб.	5	12	19	26	
Вс.	6	13	20	27	

ОКТЯБРЬ

Пн.		5	12	19	26
Вт.		6	13	20	27
Ср.		7	14	21	28
Чт.	1	8	15	22	29
Пт.	2	9	16	23	30
Сб.	3	10	17	24	31
Вс.	4	11	18	25	

НОЯБРЬ

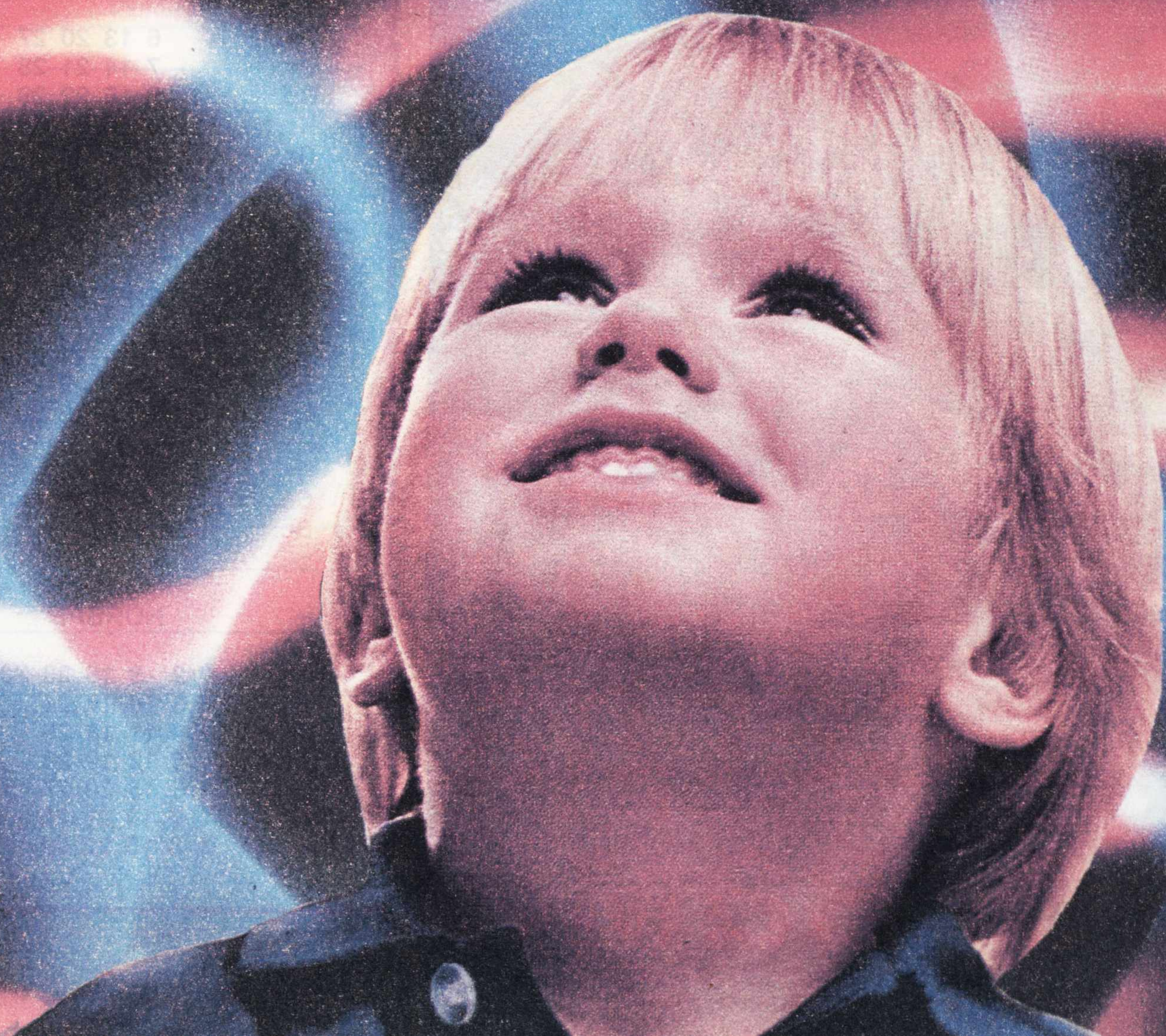
Пн.		2	9	16	23	30
Вт.		3	10	17	24	
Ср.		4	11	18	25	
Чт.		5	12	19	26	
Пт.		6	13	20	27	
Сб.		7	14	21	28	
Вс.	1	8	15	22	29	

ДЕКАБРЬ

Пн.		7	14	21	28
Вт.	1	8	15	22	29
Ср.	2	9	16	23	30
Чт.	3	10	17	24	31
Пт.	4	11	18	25	
Сб.	5	12	19	26	
Вс.	6	13	20	27	

«ВАЛ»
всегда
с вами

«ВАЛ» — это интересно!

ИЩЕМ ДЕЛОВЫЕ КОНТАКТЫ!

Производственная фирма "ГРУНДУЛИС",

специализирующаяся на выпуске лицевой мебельной фурнитуры, установит деловые контакты с мебельными комбинатами! Фирма изготовляет 4 миллиона штук мебельных ручек из цветных металлов. Покрытие -- под серебро, золото, старинную бронзу, титан, —

более 30 модификаций!

Годовой объем производства 70 млн. советских рублей.

"ГРУНДУЛИС" --

это также исполнение работ по эскизам и чертежам заказчиков, срок до промышленного производства изделий — 7 недель.

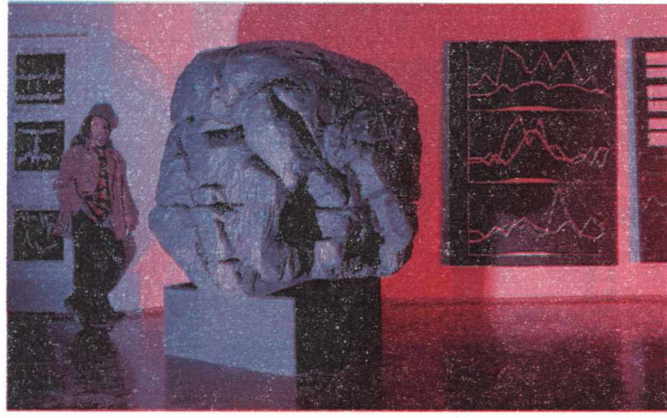
•ГРУНДУЛИС•

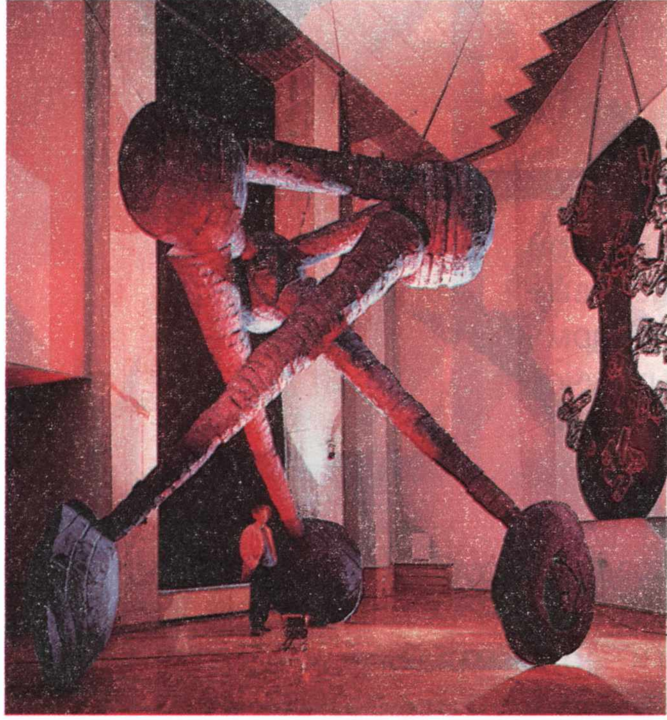
СТАБИЛЬНОСТЬ И ГАРАНТИЯ ПЕРСПЕКТИВНОГО ПАРТНЕРСТВА!

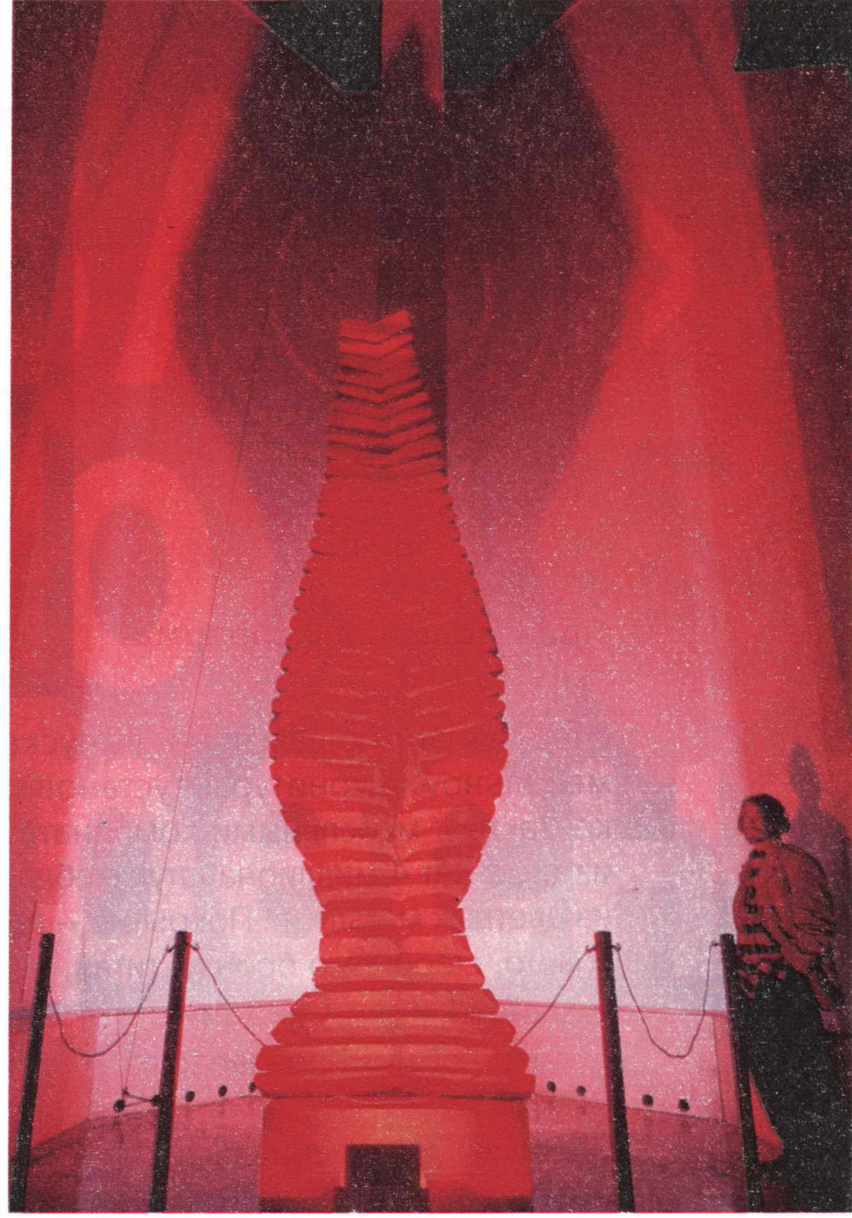

Дополнительная информация по вопросам деятельности фирмы: 226007, Рига, ул.Даугавгривас, 60, фирма "Грундулис". Контактный телефон: (0132) 456188.

Факс (0132) 463146, (0132) 766234.

ВСЕСОЖЖЕНИЯ НЕ БЛАГОВОЛИШИ

Художник красиво сжег свои картины, а наш фотокорреспондент красиво запечатлел это действо. «Он считает, что это искупительная жертва, и если картины не будут сожжены, произойдет что-то ужасное со всеми нами»,— рассказывает мне фотокорреспондент о художнике и на мой немой вопрос отвечает: «Нет, нет. Ты не думай, он не псих...» Я, конечно, верю. В первый момент, каюсь, подумала, что здесь что-то не то. Хотя сейчас и психиатры не знают, кто псих, а кто нет... Вот в августе восемь первых лиц государства чуть страну не подожгли, и тоже ведь твердили, что, если этого не сделать, произойдет что-то ужасное... Потом все стали сжигать партбилеты, а умный Марк Захаров так просто демонстрировал свой аккуратненько горящий красный билетик по ЦТ. Тоже, в сущности, жертва... Моя высокоинтеллектуальная подруга сказала: «Мы со своими сожженными картинами просто задворки Европы — там тоже жгли лет двадцать назад». Вспомнилось, как знакомый французский фотокорреспондент говорил, будто иностранцы очень любят к нам приезжать, потому что Россия напоминает им об их послевоенных годах... Они готовы платить валютой, чтобы увидеть, как жили их мамы, папы, бабушки после войны. «О, это такое ретро!» — восторгался он. Я, правда, не знаю, сжигали ли они картины лет двадцать назад, чтобы лучше жилось, если так, то им это здорово помогло. Но нам-то зачем картины сжигать? Если нужны жертвы, костры, то у нас этого полно — от Осетии до Карабаха... На нашей земле христианство уже тысячу лет, и каждый день верующие обращаются к Господу словами псалма царя Давида: «Яко аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо: всесожжения не благоволиши». Костры горят на этой земле весь уходящий век, и все время кто-то призывает к жертвам во имя лучшей жизни... Только лучше от этого не стало. «Всесожжения не благоволиши...»

А. К.

Алексей СИМОНОВ

НЕИЗВЕСТНАЯ БИОГРАФИЯ В СТИХАХ, ПИСЬМАХ, ДОКУМЕНТАХ И НАДПИСЯХ НА КНИГАХ

Воспоминания Алексея Симонова, которые мы публикуем под нашей традиционной рубрикой «Семейный альбом», не дань вяло текущей моде: закрыть очередное «белое пятно» во что бы то ни стало. На наш взгляд, тихо и постепенно начинается новый этап осмысления истории: на уровне семейного предания, личной судьбы, «незаметной биографии», которые не поддаются новым или старым идеологическим схемам. Надеемся, что этот разговор о судьбе страны в судьбе «отдельно взятой» семьи заинтересует наших читателей.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ.

Известные люди оставляют следы в истории страны, в науке или культуре, и их жизнеописания — это тропки, протоптанные биографами от одного общеизвестного следа к другому, поиски новых следов и утверждение их в качестве общеизвестных. Но и участок территории, где найдены многочисленные следы чужих жизней, может сам по себе быть поднят до значения биографии, если удастся понять и объяснить, почему именно здесь столь густо запечатлелись следы уже известных биографий.

Из метрики: «Ласкина Евгения Самуиловна родилась 25 декабря 1914 года в городе Шклов Оршанского уезда Могилевской губернии».

Из «Второй книги» Н. Я. Мандельштам:

«Отец Жени, маленький, вернее, мельчайший коммерсант, растил трех дочерей и торговал селедкой. Революция была для него неслыханным счастьем — евреев уравняли в правах, и он возмечтал об образовании для своих умненьких девочек. Объявили нэп, и он в него поверил. Чтобы лучше кормить дочек, он попробовал снова заняться селедочным делом и попал в лишенцы, потому что не смог уплатить налога. Вероятно, он тоже считал на счетах, как спасти семью. Сослали его в Нарым, что ли. Ни тюрьма — он попал в период, когда, «изымая ценности», начали применять «новые методы», то есть пытки без примитивного битья,— ни ссылки его не сломали. Из первой ссылки он прислал жене письмо такой душераздирающей нежности, что мать и дочери решили никому постороннему его не показывать. Жизнь прошла в ссылках и возвращениях, потом начались несчастья с дочерьми и зятьями. Дочери жили своей жизнью, теряли мужей в ссылках и лагерях, сами погибали и воскресали. История семьи дает всю сумму советских биографий, только в центре стоит отец, который старел, но не менялся. В нем воплотилась высокая еврейская святость, таинственная духовность и доброта — все качества, которые освящали Иова».

Это о происхождении. Но вообще-то для детей биографии родителей начинаются с их, детей, рождения. Остальное — так, преддверие, дымка юности предков.

Вот и для меня все начинается с фотографий в Солотче и с надписи на книге «Настоящие люди». Это первые и едва ли не единственные фотографии, где мои родители запечатлены вместе. А надпись гласит:

Увы, утешится жена,
И друга лучший друг забудет,
Но в мире есть душа одна...

Вот по этому поводу и дарю тебе книжку.
I.XI.1938 *Кирилл*

Стало быть, они еще не женаты, а время переломное: подписано Кирилл, а на обложке «Константин Симонов». Значит, только что, в преддверии славы и выхода первой книжки стихов, он сменил непроизносимое для его «р» и «л» имя на более удобозвучное — Константин.

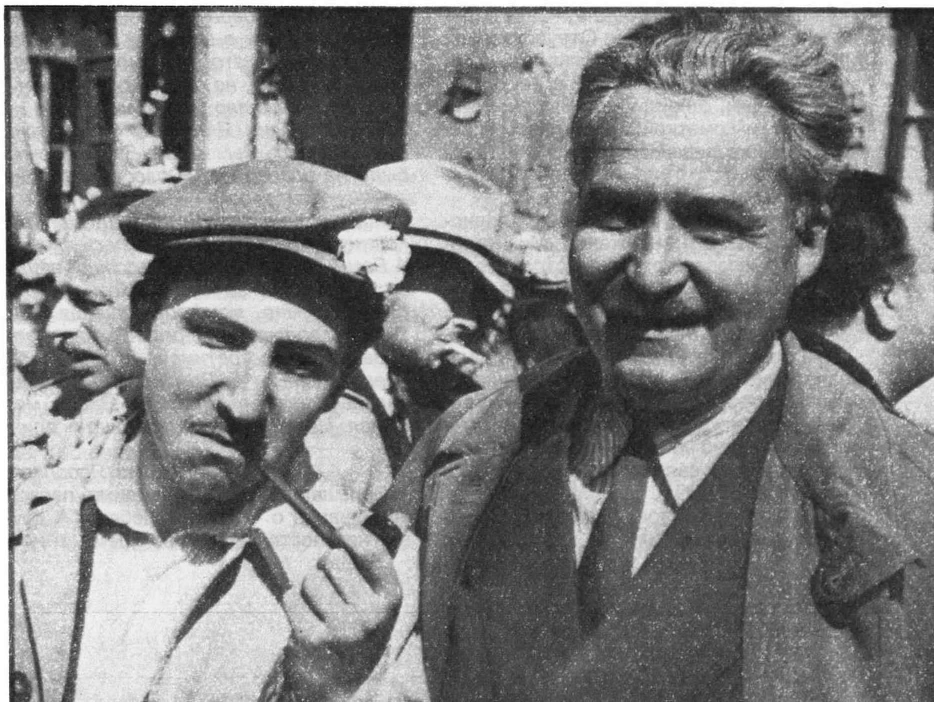
Затем «Свидетельство о браке» — видит Бог, не для того я о нем упоминаю, чтобы доказать, что я не бастард, просто сопоставление дат позволяет предположить, что именно «проект меня» повлиял на моих легкомысленных родителей. Предыдущие свои браки ни отец, ни мать законом не освящали. Итак, свидетельство от 10.I.1939, и до моего появления на свет остается ровно 7 месяцев, почти день в день. Кстати, в «Свидетельстве» никаких следов «Константина».

Теперь 7 записок в роддом. А было, по контексту, еще больше, и связано такое изобилие их с тем, что рожала мать трудно, извлекали меня щипцами и продолжалось это несколько дней, в течение которых, как рассказывала мама, «дядька», он же Владимир Александрович Луговской, ходил под окнами и показывал ей Будду из своей коллекции, который, по его словам, помогал при родах. Что же до отца... Я привожу одну записку из семи, самую мне понравившуюся и заодно дающую представление о том, что делают поэты, когда у них появляются дети.

«Женя, родная моя. Ну, кажется, ты сейчас не то покормила, не то еще кормишь сына. Говорил с доктором — говорит, все хорошо. И что ребенок понемногу оправляется от пережитых им потрясений. Напиши, как он тебе нравится и что он из себя представляет. Напиши, когда тебя переведут и когда сможешь звонить. Я сегодня на радостях заложил фундамент поэмы и теперь буду писать каждый день.

Меня надули с книжками, и я достану их лишь к вечеру. Пока посылаю Форсайтов — это совершенно обаятельная книжка — я ее за эти дни прочел. Посылаю также свою последнюю карточку — снимался вчера на радостях, узнав, что у сына все в порядке. Малыш мой, как ты себя уже ведь совсем хорошо чувствуешь? Да? Тебе передают привет — 2 мама 2 папа 2 сестра 2 Нюнька, Женька Б. и еще куча всяких

К. М. и А. К. Симоновы на Первомайской демонстрации, 1954 год.

людей, включая сюда Севрука. Все очень, очень хорошо, и я вдруг обнаружил, что перед лицом этого хорошо меня вдруг перестали волновать будущие мелкие житейские трудности. Бог с ними.

Малыш мой — очень хочется услышать твой голос и увидеть твою наверное похудевшую морду. Целую твои лапы. Расскажи, какой сын и как ест — если плохо — значит, ты мне все-таки изменяла — это, на мой взгляд, самый верный критерий. Родная моя, жму лапы. Спроси, можно ли тебе передать еврейскую печенку.

Костя».

Вот за этот год он и стал Костей из Кирилла окончательно. Сын — это я. А поэма — «Ледовое побоище». Кто такой Севрук, не знаю.

Не успел я появиться на свет, как мой отец отбыл на свою самую первую войну, на Халхин-Гол, в распоряжение Д. И. Ортенберга — Владимова, где и написал стихотворение «Фотография» — одно из двух, официально посвященных женщинам. Стихотворение посвящено Е. Л.— Евгении Ласкиной.

Я твоих фотографий в дорогу
не брал.
Все равно и без них, если вспомним —
приедем.
На четвертые сутки, давно переехав
Урал,
Я в тоске не показывал их
любопытным соседям.

Кто любит Симонова — эти стихи помнит, а вот кому они посвящены, не помнит почти никто.

...Я не брал фотографий, в дорогу
на что они мне?
И опять не возьму их. А ты,
не ревнуя...

Насчет ревности не знаю, а фотографии, к счастью, действительно остались дома и потому уцелели в дальнейших пертурбациях семейной жизни. Отец с матерью развелись, когда мне был год. И хотя в отличие от «Свидетельства о браке» «Свидетельство о разводе» так и не появилось в семейном архиве, сам этот факт был для меня непреложным с самого начала жизни.

* * *

В 41-м году мать, единственная из трех сестер Ласкиных, получила высшее образование. Вот и диплом об окончании отделения критики Литературно-Творческого института Союза советских писателей СССР. Дата выдачи 15 июля. По всем предметам «отлично», по основам марксизма-ленинизма «хорошо». До отличной успеваемости по этому предмету мать так и не дотянула, но прояснится это окончательно только к 69-му году, и речь об этом впереди.

С этим только что полученным дипломом мать в сентябре 41-го начала работать на Кировском заводе в городе Челябинске в системе Наркомата танковой промышленности.

В сорок втором получила медаль «За трудовое отличие», в сорок пятом — «Знак Почета» и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Лежат орденские книжки отрывных денежных купонов, на 5 рублей каждый, с надписью «Выдано пять рублей» и пометкой: «Отделяется кассой, производившей выплату». Купоны все целы с №1 по №60 — хорошие книжки, гознаковские.

А в итоге — копия приказа по Главному управлению снабжения Министерства транспортного машиностроения от 19 февраля 48-го года №40/к за подписью замминистра Н. Жерехова:

«Начальник отдела сортового проката и труб тов. Ласкина Е. С. подала заявление о том, что она по специальности литературный критик и занимаемая ею должность начальника отдела проката и труб не соответствует ее квалификации, в связи с чем

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Освободить тов. Ласкину Е. С. ...» и т. д., всего 6 пунктов, из которых выясняется, что она заодно была и начальником отдела чугунов, ферросплавов, лома и цветных металлов, что для литературного критика, видимо, следует считать неслабой карьерой.

Вот так промелькнут у нас с вами война и победа.

* * *

В черном старом бумажнике я нахожу 9 писем и открыток, написанных булавкоголовочным экономным почерком Смелякова, на всех штамп «Проверено военной цензурой» и вполне цивильный адрес Подмосковья. Это его письма из лагеря.

Первое, то, которое я хочу здесь привести, написано 30 мая 45-го года. Последующие 8 являют дивную силу поэтического воображения не в стихах, а в жизни. Видимо, этот роман так и остался в письмах, и мать потом всю жизнь неловко себя чувствовала с Ярославом по этой причине. Впрочем, выдумать такое мне тем более легко, что ни одного ответного письма матери, насколько я знаю, история не сохранила.

Письмо без марки, сложено военным треугольником.

«Милая Женечка (надеюсь, мне после воскрешения разрешено обращаться к Вам с нежной фамильярностью), милая Женечка — Вы меня и обрадовали и огорчили своим письмом. Обрадовали гораздо больше, чем огорчили. Главное дело, Вы пишете, что я, наверное, и не вспомнил о Вас ни разу. Грубая ошибка. Я вспоминал о Вас, пожалуй, не реже, чем Вы. У меня отличная память, я даже помню, как ел холодец на Сивцевом Вражке и яичницу утром у Вас на даче, как Вы записывали мой стишок про девочку Лиду. Интересно, потеряли ли Вы его? По-моему — нет. И вы далеко не «не привлекательно» выглядели в моих воспоминаниях; скорее я сам сделал несколько неловкостей, если не по отношению к Вам, то в Вашем присутствии. Кстати, раз уж пошло на воспоминания, то у меня однажды болела голова и Вы гладили мою голову — это было замечательное средство от головной боли. У нас его нет сейчас и когда еще оно будет? Я спрашивал о Вас у единственного человека из довоенного мира, которого мне пришлось увидеть — у Сергея Васильева. И он сообщил, что Вы на Уральском заводе прекрасно работали и даже награждены медалью, что меня обрадовало. Но я понял его так, что Вы и сейчас там. Оказывается, нет. Вы у себя в семье, сын Ваш наверно стал уже гигантским ребенком — он был велик по-старинному еще тогда, в 41-м году. Меня растрогало, что Вы даже помните день моего отъезда. Спасибо Вам, дорогая. Я мало изменился за это время, хотя внешне, наверное, постарел: у меня нет ни потребности, ни возможности заглядывать в зеркало. Стал опытнее тем тяжелым опытом, который свойствен не поэтам, а людям иного порядка, и все-таки остался поэтом — очевидно, это во мне неистребимо. Сейчас я пишу первую свою большую вещь — повесть в стихах. Кажется, получается,— и это вся моя радость. Пишу урывками, но пишу. Когда окончу, пришлю экземпляр Вам — читайте и не забывайте меня. Я все-таки этого стою. Мне хотелось бы, чтобы Ваше письмо было не последнее. Я рассчитываю на длинную переписку. Я не писал почти никому, кроме матери (послал одну открытку в «Знамя»). Не хотелось писать. А Вам — почему-то захотелось, и я сразу же взялся за ответ. Хоть за это простите мне мои прегрешения. Ну, будьте здоровы и энергичны. Авось мы с Вами еще встретимся. Это было бы прекрасно! Вот и Вам один восклицательный знак в ответ на Ваши, моя милая. Целую Вас почтительно и длинно.

Ваш Ярослав».

Большая вещь — это, видимо, первое упоминание о «Строгой любви». А других неясностей здесь, по-моему, и нет.

Три сестры Ласкины. Евгения, Софья, Фаина. 1930 год.

Мои родители. Солотча. 1938 год.

* * *

От 48-го до 55-го никаких официальных документов архив не сохранил. Ни следов поступления в Радиокомитет в 48-м, ни увольнения из него в разгар борьбы с космополитами в 51-м.

Летом 56-го года датировано письмо В. А. Луговского из Сходни в Москву, где мы с матерью собирались в туристский горный Домбайский маршрут. Для недогадливых или молодых Александр Александрович в письме Луговского — это А. А. Фадеев.

«Дорогой дружок Дженни!

Очень обрадовался, когда услышал от тебя, что возвращение твое будет в середине августа.

У меня сейчас слишком большое горе, чтоб я мог особенно связно писать. Александр Александрович был самым лучшим, благородным, преданным и обаятельным другом в моей жизни и другого такого в системе нашей солнечной и галактической мне не отыскать. Ты хоть сама с ноготок, но очень мудрая и все понимаешь. Потом это еще большое горе моего дома.

В общем, я брожу в центре русской природы и размышляю о жизни и смерти, о творчестве и об истории, а больше всего о том, как все проходит мимо и исчезает.

Работаю над Гослитовским изданием.

Вообразил, что ты, маленькая моя, пройдешь по горам и ущельям, и завидую тебе. [...]

Вспоминаю все, что связано с тобой, а это очень, очень много. И главное — не разбегаться в разные стороны, быть вместе на всю жизнь. [...] Тебя целую и обнимаю 1000 раз и остаюсь твоим верным трубадуром. Напиши что-нибудь — 2 строки, сюда или на Лавруху (кв. 98). Еще раз нежно целую.

Надо чаще, чаще видеться».

В том же 56-м году, верный своему призыву «чаще видеться», В. А. Луговской, который был приглашен членом редколлегии в дитя оттепели и XX съезда — журнал «Москва», настоял, чтоб мать взяли туда заведовать отделом поэзии.

«...15 июня 1958 года.

Женя, дорогая! Вы, должно быть, не помните,— когда Вы были у нас на моем дне рождения, против Вас сидел доктор Александров — маленький, в очках. Это один из лучших наших хирургов, хотя выглядит он совсем не как маститый хирург. Дело в том, что он еще и поэт,— друг Штейнберга, Адалис, Багрицкого и других.

Так вот,— он принес мне свои стихи в надежде, что я смогу хотя бы некоторые напечатать. Посылаю их Вам,— посмотрите. Если что-нибудь пригодится для «Москвы», я буду рад, конечно.

Моя астма немного смирилась. Здесь холодно, но воздух чудесный и зацветают разные цветы. Когда приедете?

Ваш К. Паустовский».

«Дорогая Евгения Самойловна!

В посылаемой Вам статейке я не стремился дать характеристику Зощенко. Мне хотелось сообщить его будущему биографу возможно больше достоверных материалов о нем. Все мы, кому выпало счастье знать его лично, всегда восхищались его принципиальностью, его мужеством, его щедрым и благожелательным отношением к людям. Но я воздержался от всяких дифирамбов. Пусть факты говорят за себя.

Судьба моей рукописи очень волнует меня. Я сознательно выбросил из статьи повествование о его последнем — страдальческом — периоде его жизни, хотя этот период хорошо известен мне и по его письмам ко мне и по свидетельствам общих друзей. Мне кажется, что и сказанного достаточно. Пожалуйста, прочтите статейку и передайте ее Виктории Анатольевне. И сообщите мне, пожалуйста, мнение редакции и Ваше личное мнение.

3 дек. 1964 г.

Ваш К. Чуковский».

Надпись на книге «Мозаика».

«Милой Евгении Самойловне — моей счастливой звезде, с любовью. Моя поэзия зависит от Вас.

2/XI — 60

Андрей Вознесенский».

Надпись на книге «Яблоко».

«Дорогой Евг. Сам.— которую очень люблю и которая является для меня мерилом чистоты и справедливости — с неразделенной любовью.

Ваш Женя.

1960

(Евг. Евтушенко)».

Надпись на книге «Второй перевал».

«Дорогой Жене, первой из всех, кому я обязан за изданные стихи и книги, с любовью.

30.12.63

Давид Самойлов».

Надпись на книге «Перед снегом».

«Дорогой Женичке Ласкиной от ее старого подопечного друга со столь же старой дружеской любовью.

10/VII—62

Арсений Тарковский».

«Дорогая Евгения Самойловна!

Мы плывем по Волге и такое сонное благодушие — все замечательно (даже комары!). И я чего-то думаю о Вас.

Вы — замечательный человек — и два Ваших качества явно отсутствуют у всех моих знакомых (писателей и нет), ненытье и радость чужим успехам. Время что ли у всех у них это вытравило. Поэтому так к Вам тянутся люди. Для меня очень хорошо, что Вы есть. И не только за все добро, что Вы для меня сделали, а еще, как просто человек, вера в него — как вообще вера в человечество.

Я наверное не так сказал, ночью на воде у меня складней получалось, а тут сейчас жарко, но мне хотелось Вам сказать это.(...)

19.06.61

Ваш Володя (Владимир Корнилов)».

Работа в журнале свела мать с Л. О. Утесовым. Среди писем — несколько его поздравительных открыток.

«Моя дорогая!

Хотел поздравить по телефону, чтобы Вы слышали мой голос (это чего-то стоит?). Но у Вас телефон молчит. Трачу крупную сумму на марку (открытка тоже стоит). Целую Вас нежно.

Ваш Ледя Утесов».

(Тогда же — на книге.

«Дорогой Е. С. Л., редактору «произведения» «Моя Одесса» — с благодарностью, любовью и дружбой. Леонид Утесов».)

...Есть в архиве и документы этих лет. Копия: «В Президиум Верховного Совета СССР. Поддерживаю ходатайство родных о помиловании Славы Соломоновны Пайны, осужденной по ст. 172 УК РСФСР на три года лишения свободы...»

Копия: В Московский Городской Суд.

«Я знаю Виктора Кислякова, как автора журнала...

...Убедительно прошу присоединить и мою просьбу...»

Копия: В Верхне-Волжское изд-во. Об Александре Дождикове.

«...Нам известно, что книга его стихов включена в план Вашего издательства. Надеемся, что, публикуя новую подборку его стихов, мы сможем указать, что первая книга поэта выйдет...»

Копия: Приказ №19 от 7 апреля 1969 года

по редакции журнала «Москва».

«За последнее время в работе отдела поэзии журнала «Москва» (зав. отделом Ласкина Е. С.) были допущены грубые идейные ошибки, повлекшие за собой резкую и справедливую критику советской общественности и органов партийной печати.

На стадии верстки и сверки были сняты идейно порочные, политически двусмысленные стихи Е. Евтушенко (№1, 1968), Л. Озерова (№9, 1968), М. Шехтера (№9, 1968), М. Алигер (№3, 1969). Дело дошло до того, что без ведома главного редактора в ранее просмотренные им стихи М. Алигер была внесена правка, в корне меняющая смысл стихотворения, делающая его идейно порочным и политически неприемлемым. В №12 было опубликовано идейно вредное стихотворение С. Липкина «Союз».

Работа отдела поэзии подверглась острой критике на собрании партийной организации и заседании редакционной коллегии журнала. Партийное собрание и редакционная коллегия выразили единодушное мнение о невозможности дальнейшей работы т. Ласкиной в редакции журнала.

Приказываю:

1) За допущенные грубые идейные ошибки и политическую неразборчивость (ну, не могу смолчать: помните — у нее еще в Литинституте была четверка по «основам марксизма-ленинизма» — вот когда только загноилась у беспартийной мамаши эта червоточина) освободить с 8 апреля с. г. Ласкину Евгению Самойловну от работы в журнале.

2) Приказ довести до сведения всех сотрудников редакции. Потребовать от зав. отделами усиления политической бдительности и контроля за идейным содержанием публикуемых материалов.

Главный редактор Михаил Алексеев».

Давно прошли оттепельные времена. Пришли времена стилистов. Слово «идейно» употребляется в этом коротком, но выразительном литпроизведении пять раз. А главная его подлость в том, что его автор отлично знал, что до пенсии Евгении Самойловне оставалось меньше полугода. Но в его журнале Ласкина, Алигер, Шехтер и Липкин — это, конечно же, было невозможно. Мать переписала этот приказ на память — от руки, так он и запечатлен в архиве — ее почерком.

Впрочем, конец 60-х — это не только прощание с журналом. Это и прощание с друзьями.

«Женя, я лежу в Вологодской больнице. Зря понадеялся на себя, поехал уже нездоровым, не выдержал, увезли на скорой помощи. Астматический приступ, семидесятилетний бронхит, температура и прочие печки-лавочки.

Константину от меня привет. Так я и не смог поговорить с ним, узнать, насколько мне можно быть разборчивым (привередливым) при обмене квартиры. Или сразу лопать, что дадут.

Боюсь, что ты не поговорила с Дианой Тевекелян. Рукопись ей увезла Зл. К. (я уже лежал) и тоже не предупредила ее, что это не для чтения, а только для уборщиц.

Я послал ей самый первый черновик — конспект, потому что и впрямь (я согласен с тобой) в этом году они все равно ничего не смогут напечатать из моего. Читать будут — мне будет стыдно, да и время зря потратят.

Думаю, что этот юбилейный год совсем выпадет и из литературы, и из живописи — очень уж круто взялись за подготовку к юбилею, заюбилеили все!

Привет от Васи Белова. Боюсь, уже задурили ему голову. Ко мне ходят целыми делегациями (семинар еще не кончился) редко без развернутых знамен. А я совсем сдаю. У меня обязательно должен быть рак.

Александр Яшин.

Адрес мой: Вологда, Герцена, 31, Вторая больница (мне)

26/XII-66

С Новым, с новым!

Скоро мне отсюда не выйти».

А жизнь продолжалась. Уже вне редакции мать продолжала пестовать, кохать и поддерживать новое поколение поэтов. Появился в доме Иван Жданов. Мать честно признавалась, что стихов его не понимает, но верила в его предназначение. Появились Лариса Миллер, Лена Шувалова, Саша Радковский. Последней появилась четырнадцатилетняя Нина Грачева — кто-то кому-то сказал, что вот есть такая женщина, понимающая в стихах, и папа-шофер привел обезумевшую, ошалевшую от стихов дочку. И то раз в неделю, то в две, то в месяц, письменно или изустно, по крайней мере десяток цыплят разного возраста являлись к своей наседке. Со стихами и с детьми, с публикациями и с болезнями, с любовями и с друзьями. И число их не уменьшалось. Когда Нину Грачеву не приняли в Литинститут, мать растормошила всю поэтическую Москву, дозвонилась, достучалась, добилась. Сейчас Нина уже на 4-м курсе, а матери нету. И осиротели давно уже выросшие девочки и мальчики.

И еще три письма.

В 71-м году с нами в Тарусе жила Надежда Яковлевна Мандельштам. Наблюдая, как я жучу своего трехлетнего тогда сына, Женю, Надежда Яковлевна отозвала меня в сторону:

— Алеша, простите меня за вмешательство, но вы правда думаете, что детей можно воспитывать?

— ?

— У меня никогда не было детей, но я всю жизнь за ними наблюдала. Кроме того, я много преподавала детям постарше — студентам. Поверьте, Алеша, моему опыту: по-моему, детей воспитывать нельзя, с ними можно только дружить.

«Женичка! Еще раз спасибо Вам за редкостную доброту ко мне и к моему «Хвосту» — Юре и к Сергею Алексеевичу. За Ваше редкостное терпение и за удивительную светлую доброту. С Вами ясно и светло, Женичка. Мне было удивительно хорошо с Вами. Простите за беспокойство и хлопоты, которые я Вам принесла. Поцелуйте от меня Алешу и золотого мальчика Женю. Мне кажется, это будет одаренный и хороший человек. Он умница и очень очаровательный. Спасибо, друг милый. Дай Вам Бог удачи и счастья. Женя уж потому будет хорошим человеком, что растет у Вас, с Вашим умом, тактом и душевной красотой. Целую Вас крепко

Ваша Н. Мандельштам».

По штемпелю 30.8.71 г.

Ну, перечтите обе книжки этой пронзительной и злоязычной умницы и попробуйте найти что-нибудь сродни этому панегирику. Вот ничем бы не хвалился. А этим хвастаю, тем более что моя характеристика дипломатично опущена.

Второе письмо нью-йоркское. В 1979 году моя мать впервые в жизни покинула пределы нашей державы: села на самолет и улетела в США, в гости к подруге.

«Дорогая Женичка!

Только что узнал, что Вы до 29/VII в Нью-Йорке и очень пожалел, что мне не удастся Вас повидать. Надеюсь, Вы провели здесь время хорошо и интересно — да иначе и быть не может: здесь очень много хорошего и интересного даже для такого дремучего «незападника», как я. Передайте привет всем, кому это было бы приятно: всех помню, люблю, со всеми органически связан (внутренне). Если кто сомневается, повторяю: эмиграция — крайний и не счастливый выход, отнюдь не способ реализации комплексов, потенций и претензий. Уезжая, надо знать, что оставаться уже не можешь, и будь что будет. Тогда — не разочаруешься, как не разочаровываюсь и я, правда, я и в Москве не был очарован, хотел (и нашел ее) свободы и знал, что хорошо не будет. Жить надо все-таки дома. Разумеется, я говорю о тех, кто всерьез чем-то наполнен, а не жаждой абстрактной реализации. Мои слова не следует понимать, как отрицание эмиграции в любом случае, это не так. Ну да ладно.

Желаю Вам всего наилучшего. Счастливого пути и наиприятной жизни дома. Вот мой постоянный адрес (на всякий случай). New York Brooclin Mandel (Kordgavin).

Еще раз всего Вам наилучшего. Моя жена приветствует Вас.

Ваш Эмма!»

И последнее из писем. Оно уже адресовано мне, потому что в самом деле последнее. И одновременно первое из тех, что приходят в этот дом, где я пишу эти строки и, я надеюсь, будут приходить и составят в конце концов не статью, а книжку.

«Алексей, слов соболезнования никогда я не знал и не знаю, и человек не любвеобильный. Но Евгению Самойловну очень люблю и всегда любил, и люди такой красоты, ума, терпимости рождаются редко, и когда умирают, остаются в тех, кто еще жив, и в тех, кто потом будет жить.

25.3.91

Александр Межиров».

Есть люди — создатели климата. Они поворачивают реки, определяют пути литературы, воздвигают и опустошают моря и озера, ставят вехи на дорогах науки и культуры.

Есть другие люди — хранители микроклимата, те, кому человечество обязано сохранением преемственности поколений и нравственных норм, те, кто, несмотря на все протуберанцы истории, воссоздают вокруг себя атмосферу, в которой можно дышать, быть самими собой и любить друг друга.

О первых пишутся книги, им ставят и сносят памятники, о них спорят, их хулят и прославляют, и, какими бы они ни были, они всегда козырные карты в политической или исторической игре от написания «Краткого курса» до подкидного дурака.

О вторых история забывает, дело их жизни растворяется в тех, кто окружал их, кто дышал их воздухом, в ком хранится память о них. Разделение это, конечно же, условно. Конечно же, между черным и белым существует целая палитра полутонов, и все-таки оно есть и в основе его, в самой первозданной глубине лежит не судьба — не внешние обстоятельства, а выбор — обстоятельства внутренние.

Для человека, окончившего Литинститут, мать обладала качеством довольно редким: она терпеть не могла писать. Даже письма, которых, по обстоятельствам жизни, приходилось ей писать немало, даже внутренние рецензии, коими она зарабатывала хлеб насущный, были для нее если не мукой, то уж нелегким испытанием наверняка. И она во всю свою жизнь, любя поэзию, понимая и чувствуя ее, как немногие, она — крестная мать и первопечатница многих ныне известных и даже знаменитых поэтов,— она даже в шутку за ужином не зарифмовала двух строк. Трезвая оценка своих возможностей? Да, но и смирение перед любимой словесностью. Раз и навсегда сделанный выбор? Да, но и гордыня, вера в свое предназначение: помогать таланту осознать себя, укрепиться в вере в свои силы и созидать в отпущенную меру и никак не меньше.

В том, что я пишу все это вскоре после ее кончины, есть не только выполнение пятой заповеди: чти отца твоего и мать твою, чтоб продлились дни твои на земле... есть, наверное, и доля святотатства, ибо никогда при ее жизни не посмел бы я опубликовать о ней ни единого слова. Пытаюсь понять, почему смею и не испытываю стыда, и объяснение приходит почти кощунственное: она мне это поручила — не эту публикацию, не предыдущую, в этом же журнале, а все то же сохранение микроклимата, вопреки свойственному мне по отцовской линии желанию этим климатом владеть. А иначе зачем было хранить все то, о чем здесь идет речь? В чем смысл такого ни к кому не обращенного, специально не осмысленного и тем не менее хранимого и умножаемого архива — только ли в том, что каждая из составляющих его бумажек ценна авторским именем, или еще и в том, что все они вместе составляют душевный портрет хранящего? Во всяком случае, чувства неловкости я не испытываю, мне кажется, что я правильно ее понял.

...Нет, не стоял «наш бронепоезд» на запасном пути, но катил, набирая скорость с октября 1917-го, по городам и весям, ломая судьбы целых народов, сжигая человеческие жизни в своей ненасытной топке. А в хвостовом вагоне среди ржавых гаек, рычагов и прочего технического барахла тряслись те, кого называют сейчас уже привычным для русского уха словом «андеграунд»,— писатели, поэты, философы, барды, ученые и просто сообразительные люди, которые понимали, в какую они попали передрягу, но прыгать с подножки было уже поздно.

Строго говоря, «культурным подпольем» назвать их трудно. Ведь по большому счету Культуре чужды правила конспирации. Лишенная печатных станков, доступа на ЦТ и радио, она естественным образом вернулась к формам устного народного творчества, обогатив их «самиздатом» и любительскими магнитофонными записями.

Творения подпольных авторов таким образом попадали в условия гораздо более жесткого отбора, нежели труды их легальных коллег, над которыми властвовал цензор. Ведь если на страницы самых авторитетных журналов или на фирму «Мелодия» можно было пробиться (и до сих пор пробиваются!) с помощью приемов, далеких от литературы и музыки, то рисковать свободой, занимаясь распространением «заведомо ложной» и «клеветнической» чепухи — дудки! — желающих было мало. Отсюда — миф о невероятной талантливости нашего андеграунда, в котором на самом деле основную массу составляли произведения, скажем так, среднего качества, этим он от официоза мало чем отличался...

И все-таки явление это очень интересное и по-прежнему нуждается в серьезном исследовании. Книги Солженицына и Сахарова, песни Галича, Высоцкого, Визбора, Окуджавы знали многие, в том числе и машинисты «нашего бронепоезда», но судьба десятков достойных произведений оказалась не столь счастливой.

Открывая эту рубрику, мы не надеемся объять необъятное. Просто, пользуясь возможностями «Огонька», постараемся, пусть с опозданием, восстановить здесь некоторую справедливость... Сегодня мы предлагаем вашему вниманию тексты двух поэтов-бардов, чье творчество оказало заметное влияние на стиль литературно-музыкального андеграунда в эпоху, кокетливо именуемую теперь «застоем».

Хвостенко, автор известной песни «Над небом голубым есть город золотой...», уже давно живет во Франции, он — вице-президент Ассоциации русских художников в Париже, а Дидуров сейчас руководит популярным в Москве рок-кабаре «Кардиограмма».

Алексей ЗАЙЦЕВ

БРОНЕПОЕЗД 17-91

Алексей ХВОСТЕНКО

ПОТОП

Завтра — Потоп!*
Поберегись, когда наступит Потоп.
Ведь не спасут тебя ни папа, ни поп,
Когда наступит Потоп.
И хлынет на Землю поток
Великих вод.

Хляби небес
Разверз над ликом Суши
Грозный Творец.
И твердь небес, мешая с твердью земной —
Да будут хлябью одной! —
Вся та вода,
Что над тобой и под тобой.

Пенный поток
Обрушит в дол
Державных скал гордый рок —
Да будут горы первозданной водой!
И лишь Единый Святой
и Вечный Дух
Взмахнет крылами над водой.

Только того,
Кого спасает Сын от гнева Его,
Тому открыта дверь Ковчега,
И вот —
Тому и смерть не страшна,
Тому Ковчегом будет
Вся его душа!..

Завтра — Потоп!
Поберегись, когда наступит Потоп,
Ведь не спасут тебя ни папа, ни поп,
Когда наступит Потоп.
И хлынет на Землю поток
Великих вод.

Завтра — Потоп!
И ты не спрашивай, что будет потом,
Тебе на это не ответит никто.
Да будет именно то:
Исчезнет все и навсегда
В пучине вод.

* Тексты песен А. Хвостенко списаны с магнитофонной записи, которую любезно передал нам поэт Игорь Холин. Мы приносим извинения автору и читателям за возможные неточности.

ПРОЩАНИЕ СО СТЕПЬЮ

Посвящается Л. Н. ГУМИЛЕВУ

Степь, ты полустепь-полупустыня,
Все в тебе смешались времена!
Слава нам твоя явленна ныне.
А вдали — Великая Стена.
Стена.

Поднимает ветер тучи пыли,
Огибает солнца медный круг...
Где же вы-то жили, что тут были?
Где же вы, куда? куда исчезли вдруг?

Где телеги ваши и подпруги,
Недоуздки, седла, стремена,
Удила и дуги, дуги, дуги?
Где колена, орды, роды, племена?

Были вы велики непомерно,
Угрожали всем, кому могли,
Много-многолюдны беспримерно
На просто-то-торах высохшей земли.

Что же вы? Ужели на задворки
Куры-куры-куры-куры-кан,
Туру-туру-турки-тюрки-торки,
Караит-найман-меркит-уйгурский хан!

Вы же жу-жу-жу-жуань-жуани,
Вы же ни-ни-ни-ни-никогда,
Вы же знаменитое жужжанье!
Что же вы? Уже-ужели навсегда?

Что же вы лишь Гогам, лишь Магогам
Завещали ваш прекрасный край?
Что же вы расста... Жужжите с Богом!
Ты, струна моя, одна теперь играй!..

Степь, ты полустепь-полупустыня,
Все в тебе смешались времена!
Слава нам твоя явленна ныне.
А вдали — Великая Стена.
Стена.

ЛЮБИМАЯ

Хочу лежать с любимой рядом,
Хочу лежать с любимой рядом,
Хочу лежать с любимой рядом,
А расставаться не хочу.

Моя любимая прелестна,
Моя любимая чудесна,
Моя любимая небесна,
С ней расставаться не хочу.

Хочу любить — трубить на флейте,
На деревянной тонкой флейте,
На самой новой-новой флейте,
А на работу не хочу.

Пускай работает рабочий
И не рабочий, если хочет,
Пускай работает, кто хочет,
А я работать не хочу.

Хочу лежать с любимой рядом,
Всегда лежать с любимой рядом,
И день и ночь — с любимой рядом,
А на войну я не хочу.

Пускай воюют пацифисты,
Пускай стреляют в них буддисты,
Пускай считают каждый выстрел,
А мне на это наплевать.

Пойду лежать на барабане,
На барабане или в бане,
Пойду, прилягу на Татьяне,
Пойду на флейте завывать.

Хочу лежать с любимой рядом,
Хочу сидеть с любимой рядом,
Хочу стоять с любимой рядом,
А с нелюбимой не хочу —
и не могу,
И не уговаривайте меня, пожалуйста,
все равно не буду!

Алексей ДИДУРОВ

* * *

Скули, скули под дальнюю пластинку
Бог весть по ком или Бог весть о чем,
И, повинуясь верному инстинкту,
Свернись опять в зародыш — калачом,
А песня докричится — будет спета,
И на держатель отлетит игла,
И ты прозреешь, уяснив, что это —
Механика, но вечные дела...

* * *

Почти за месяц до ноябрьских дат
Неистовствует солнце, холодея,
На всем заметен как бы чей-то взгляд,
Осмысленность какая-то, идея...
А вдруг когда-то это же окно
Покажет жизнь иную?.. Нет... Едва ли...
А жаль, что и бессмертья не дано
Плюс ко всему, что у меня украли...

* * *

А в золотом холодном околотке
Далекий Пресли шпарит старый рок...
Божественней, наивней, чище глотки
На свете не имел еще порок!
Ах, как хорош, чертяка! А ведь он уж
Давненько достояние червей...
Издох самец — царит его детеныш!
Певец в земле, а нет его живей...

* * *

Как грабит ветви ветер — и какой
Покой среди древесного народца!..
Учи с благоговеньем, не с тоской:
«Не мной дано — не мной и отберется».
Ведь поздно оставаться в дураках!
Ты счастья ждал — от герлс? Искал — в строках?
Конечно, то — красиво, се — не лживо,
Но — мукой рождено и мукой живо!

* * *

Врачебно шепчет лиственный багрец...
Давно ли зелен был и вольнодумен?
Кто в юности не бунтовал — подлец,
Кто в зрелости не усмиряет — дурень.
Вяжи мне рот, антоновка, вяжи!
Умрут слова — глядишь, слеза родится,
Прощание в прощенье обратится.
И тело домолчится до души...

Ночь с 17 на 18 октября 1983 г.

Многоязычная резидентная система перевода
Transfer

Пакет профессиональной компьютерной графики
XorGraphics

Обучающая игровая программа ускоренного освоения работы на клавиатуре ПК
TRK

Генератор векторных шрифтов
OTLFont

Автоматизированное распознавание текста
АРТ

Пакет для создания графического пользовательского интерфейса
One Step

Музыкальный редактор
MUSE

Программа статистического анализа случайных процессов
ЭВРИСТА

Только до 31 марта 1992 года цены на 30% ниже базовых!

Обращайтесь по телефонам в Москве:
137-01-50 (центр при ВЦ АН СССР) 939-38-90 (центр в МГУ) 181-96-24 (центр на ВДНХ СССР)
329-46-88 (АО «Мир — Диалог») 329-53-11 (АО «Диалог — Реклама»)

ЛЮБОЙ ИЗ ПРОГРАММНЫХ ПРОДУКТОВ ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В НАШИХ ФИЛИАЛАХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЯХ:

«ДИАЛОГ ИНВЕСТ» (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) 560-01-73	ФИЛИАЛ В Г. АЛМА-АТЕ 53-05-44	«ДИАЛОГ — МОЛДОВА» (Г. КИШИНЕВ) 23-70-17	«ДИАЛОГ — ПЕРМЬ» 31-86-18	ФИЛИАЛ В Г. МОГИЛЕВЕ 25-25-10	«ДИАЛОГ — НИЖНИЙ НОВГОРОД» 33-46-99
ФИЛИАЛ В МИНСКЕ 64-61-81	«ФОРТ — ДИАЛОГ» (Г. НАБ. ЧЕЛНЫ) 54-82-27	«САМАРА — ДИАЛОГ» Г. САМАРА 34-54-13	«СИМБИРСК — ДИАЛОГ» (Г. УЛЬЯНОВСК) 31-83-15	ФИЛИАЛ В Г. ДОНЕЦКЕ 55-52-88	«ДИАЛОГ — КИЕВ» (Г. КИЕВ) 266-22-75

ПРИГЛАШАЕМ К ДИАЛОГУ!

КНИЖНЫЙ ШКАФ

Рубрику ведет Алексей МОКРОУСОВ

Когда на Невском какой-то господин, по виду литератор, громко и твердо сказал своей спутнице, что он не хочет издавать журнал, огромная толпа тотчас окружила этого единственного в своем роде человека, криками выражая свое удивление.

Анекдот начала века.

Эра альманахов, начавшаяся, как и следует ей по российской традиции, в самое неудачное время — время политических схваток, страшных передряг и хаоса,— ясно показала, как все ошибались, упорно твердя, что у нас нет литературы. «Толстые» журналы, заполненные произведениями «возвращенцев», словно бы отрезали от публики факт: в России по-прежнему ЕСТЬ литература. Есть странные одиночки, и есть литературные группы, есть целые гирлянды новых имен, и есть веер стилей, надолго, похоже, опередивших время. Мы явно не успеваем разобраться во всем, но хотя бы констатируем: Россия по-прежнему продуцирует культуру, в том числе словесную, которая живет своей, независимой жизнью.

Сегодняшний «Книжный шкаф» — одна из первых попыток разобраться в новой ситуации. Попытка описательная, «точечная», журналистская. Мы лишь фиксируем тот тектонический сдвиг, который произошел в толще отечественной словесности, а что он означает — узнаем, наверное, через десятилетия.

До скорого?

ЖУРНАЛЫ ПОХОЖИ НЕ ТОЛЬКО ТЕМ, ЧТО У НИХ МАЛО ЧИТАТЕЛЕЙ

Новых журналов не существует. А если и существуют, то это не журналы.

И в самом деле.

Еще лет пять тому назад, да даже года три, можно было смело снять почти с любого обложку и вместо нее приклеить любую другую. Разницы никто бы не заметил. Фактически у нас было всего два журнала: тех, кто разум потерял на национальной почве, и тех, кто во всех бедах России не винит евреев.

Сегодня обе темы перестали быть актуальными. К власти пришли демократы с Урала (сплошь русские), а жить стало только веселее. И потому пресса начала искать свое лицо. Журналистам-политикам — проще. Им достаточно создать свой стиль, а содержание статей может меняться каждую неделю.

Писателям и критикам труднее. Чтобы не повторять друг друга сегодня, их журналы должны чем-то отличаться — не только оформлением. В цене здесь прежде всего концепции. Но может ли быть сегодня такое обилие ярких, самобытных журналов, как в начале века — в эпоху расцвета русского журнализма?

Одни и те же авторы кочуют из издания в издание, не меняя в себе ничего (чем и хороши) и создавая единое поле культуры. И в этом смысле нет разницы что читать. Не потому что у журналов нет собственной культурной идеи: ее и быть не может.

Время разброда и шатания, размышлизмов и перегруппировки сил.

«Чистый» реализм не почил в бозе, но становится все требовательнее к своим адептам. «Фантастический», столь опрометчиво возводимый к Маркесу и латиноамериканцам, поймал в свои сети почти всех мало-мальски талантливых, но число интересных книг по-прежнему мало. Постмодернизм... Но что такое постмодернизм? Где критерий? Где эстетика? Программа? С ученической добросовестностью перенеся на русскую почву «их» термин, не облегчили ли мы себе жизнь, упростив действительность, реальность русской литературы до слова, которое ничего в ней сегодня не выражает? Когда утонченный Зиновий Зиник и эпатажный Эд. Лимонов оказываются в одной компании — нет ли здесь просто расчета (не-художественного, не-эстетического)?

В подобных сращениях, в этих кентаврах я вижу скорее попытку создать новое течение там, где его пока не существует,— и, может быть, в этом направлении оно не возникнет никогда. И потому еще долгое время наши журналы все больше будут напоминать альманахи, собранные скорее по случаю, чем продуманно, да и выходящие не чаще девяти раз в год. В конце концов субъективный фактор в таком деле, как творчество,— великая вещь. Люди хотят издавать журналы. И они выпускают их, что бы другие об этом ни думали.

А. М.

ВСЕГО-ТО ЗА 300 РУБЛЕЙ?

«Золотой век» — журнал, который наверняка не попадет вам в руки. 2500 экземпляров тиража разойдутся по частным собраниям коллекционеров, по литературным архивам, попадут в виде экзотики на полки магазинчиков Хельсинки или Гамбурга. Да и то сказать — ведь журналы будут ПРОНУМЕРОВАНЫ, или, как говорят знающие люди, экземпляры нумерованные... Возможно, часть тиража выставят на бирже.

Прекрасная бумага, необычный формат, стилизованные под начало века заставки и иллюстрации, любовно выполненный макет без всякого следа «кампутера» — полное ощущение ручной работы!

Что остается — только разинуть рот от удивления и восхищения.

Но все-таки это специальный, искусственно выращенный издательский цветок или тенденция книжной культуры? Роскошь или средство движения мысли?

Наверное, ответить на вопрос можно, когда не только перелистаешь, но и прочитаешь журнал «Золотой век» (главный редактор Владимир Салимон, художник Сергей Семенов, издательство «Культура»).

Отборная проза, попавшая на его страницы — Вик. Ерофеев, В. Пьецух, Е. Попов, Э. Лимонов (из относительно новых имен — Зиновий Зиник, Юрий Милославский),— поначалу производит шоковое впечатление своей установкой на жестокую патологию, абсурд и, я бы сказал... кровавость. «Исповедь русского педофила» (документальный текст, который, по мысли английского исследователя, принадлежит прототипу главного героя набоковской «Лолиты») подчеркивает: такое столкновение не дань случайной литературной моде.

Тонкие и одухотворенные стихи Льва Лосева и Ирины Знаменской, словно пунктиром, разрезают литературное пространство, наполненное ужасами и кошмарами. Солидные статьи о литературе и науке в третий раз ставят восприятие с ног на голову.

— Ничего не понимаю!

— Аналогично!

А как все это соотносится с «классическими» иллюстрациями?

Как бы то ни было, перед нами действительно другое издание, с другим языком и миропониманием. То, что выбрано из уже известных и неизвестных авторов, не вписывается в концепцию советского «толстого» литжурнала, а противоречит ей.

— Пространство «золотого века» культуры,— говорит В. Салимон,— лежит вне истории, вне революции и войн, вне культурных кумиров. Оно в нас самих. И что с того, что мы приходим в «золотой век» задир и скоморохов?

Б. М.

«НАШИ» ВЕРНУЛИСЬ!

...Когда-то за чтение этих журналов сажали в тюрьму.

Сегодня кажется, что они уже мало кому интересны.

Киоски, а больше (отчего-то) книжные магазины заполнены классикой эмигрантской прессы. «Континент». «Грани». «Посев». То, что сегодня совершенно не пользуется спросом. Чуть лучше дела у «Страны и мира» — издания не менее политизированного, чем все предыдущие, но не такого скандального и более аналитичного и взвешенного.

Причина неинтереса к «тамиздату» кажется до обидного простой. Все, о чем раньше можно было говорить только шепотом или перепечатывать через один интервал на тонкой бумаге, стало достоянием всех. Мысль тиражируется и выходит в тираж. Советская пресса говорит о том же быстрее, порой лучше и почти всегда по демпинговым ценам (так, номер «Континента» стоит 6.95, а «Новый журнал» из Нью-Йорка на презентации пытались продавать даже по 30 рублей). Какой смысл покупать периодику, популярную лишь в узком кругу?

Тем более что сегодня эти издания делают ставку на неизвестные имена. Здесь, в Союзе, они откапывают молодых литераторов и успевают напечатать их первыми. Наверное, это единственное, что им остается. Но публика ведь не изменилась. Она все так же клюет лишь на привычное и известное.

И потому удивительно благородным выглядит желание иных издателей сохранить свое детище как журнал эмиграции (сегодня, впрочем, предпочтительнее — Русского зарубежья). Как «Синтаксис» Марии Розановой (Париж), напоминающий порою «Весы» начала века. Та же утонченность вкуса. Ожерелье имен. В отличие от многих других «Синтаксис» не стремится на советский рынок. Скорее он движется в противоположном направлении. Тираж 1200 экземпляров (у «Нового журнала», кстати, почти столько же) его вполне устраивает, и в этой скромности, в этом нежелании аудитории стотысячной — тоже что-то глубоко традиционное, родное для нашей словесности, которая не всегда мечтала быть доступной массам и успешно ими руководить.

И «Новый журнал», открывая новые имена, не стремится пока что закрепиться на нашем рынке. Хотя предложения получает самые что ни на есть современные. Например: напечатать в Союзе хоть 400 тысяч экземпляров, заплатив по... 50 центов за экземпляр. Журнал, существующий на пожертвования двух миллионеров — любителей русской литературы (один из них, кстати говоря, русский), от таких подарков отказывается — и слава Богу! Ибо уж лучше в тиши делать свое дело, чем выгорать под солнцем, мокнуть у распространителей и быть в итоге нужным непонятно кому.

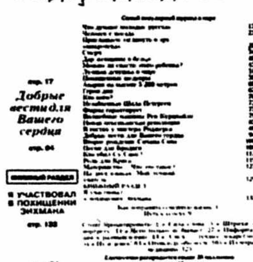
А. М.

ДОСЬЕ ● ДОСЬЕ ● ДОСЬЕ ● ДОСЬЕ ● ДОСЬЕ ● ДОСЬЕ

С появлением «Ридерз дайджест» ситуация на отечественном журнальном рынке меняется кардинально. Это, пожалуй, первое издание, созданное **ими** специально для **нас**, но не в рекламных целях. Эра «Америки» и «Англии», бывших когда-то едва ли не единственными источниками информации для большинства советских граждан, безвозвратно уходит в прошлое. Симптомы этой медленной смерти были замечены еще год назад, когда «Америкой» вдруг оказались завалены все московские киоски: публика отказывалась ее читать. Новое время требовало новой журналистики. «Ридерз дайджест» счел себя достойным заполнить этот пробел.

Ежемесячник карманного формата, выходящий на 16 языках общим тиражом в 28 млн. экземпляров, пишет обо всем, кроме политики. 30 его статей (чтение для каждого и на каждый день!) рассказывают о здоровье и тайнах истории, технике и научных исследованиях, касающихся каждого человека. Этот журнал популярен настолько, что пенсионеры и домохозяйки станут скорее всего главными его читателями, если, конечно, три рубля для их бюджета не проблема (а в 92-м один номер стоит уже пять). «Ридерз дайджест» удобно листать и в подземке — ведь статьи, в большинстве своем заимствованные из других изданий, адаптированы так, чтобы понял каждый.

Через год международное правление рассмотрит итоги работы русской редакции (номер в Москве ныне печатается тиражом в 100 тысяч). Судя по всему, итоги окажутся успешными. Благодаря «Ридерз дайджест» невзыскательный читатель чувствует себя важным человеком в этом мире. Он держит в руках изящно изданную книжку, и чтение не вызывает у него затруднений.

«СОЛО» — журнал писателей, которые не имеют пока собственных автомобилей. Когда-нибудь они обретут «девятку» или «седан» и станут страшно далеки от народа. Но пока что автобус и метро — их удел.

Для автобуса и метро создано, судя по всему, и «Соло». Это маленького формата, тонкие (до ста страниц), книжки, которые выходят с непонятной последовательностью и за семь номеров обрели уже третьего издателя. Обложки их заставляют мечтать о лучшем, бумага (иногда) — тоже, но смысл «Соло» не в том, как оно издается, а в том, что у него внутри. А внутри у него новые тексты. Новые стихи. Новые имена.

«Мэтры» почтили редколлегию своим присутствием, далеким от простого представительства. Андрей Битов и Евгений Попов работают не на шутку: рука последнего чувствуется в отборе прозы, Битов составил «ленинградский» номер — из произведений писателей-диссидентов 60-х.

Авторы «Соло» не похожи один на другого, как, впрочем, и на авторов других изданий (именно потому их и не печатали «толстые» журналы). И все же они кажутся ужасно традиционными: благодаря теме. Их герой — «маленький человек», обнаруженный когда-то Гоголем и Достоевским, потерянный соцреалистами и вновь найденный уже в конце XX века. Он устал от очередей (в том числе пулеметных) и информации, но Башмачкина в нем все же больше, чем Шарикова.

20 тысяч — тираж, казалось бы, достойный «новичков» (хотя здесь много литераторов уже известных, как Гареев или Лапутин). Но «Союзпечать» в Москве заполонена «Соло», что говорит все же не о журнале, но о публике, перестающей коллекционировать тексты и переключившейся на нечто более материальное.

Сказать, что «Логос» — это анти-«Вопросы философии»,— все равно что попасть пальцем в небо. При условии, что ничего, кроме неба, в пространстве не существует.

«Логос»— журнал молодых философов. Их имена вам вряд ли что скажут, даже если вы специалист: это новое поколение мыслителей с неклассическим (для нас) набором пристрастий. И хотя в предисловии к новому журналу редакция самокритично заявляет: «Мы ясно сознаем, что семьдесят лет тотального безмыслия притупили у нашего поколения всякую способность видеть и слышать Тайны жизни»,— сотрудники надеются восстановить связь времен и «через несколько поколений бескорыстного труда историков философии» возродить русскую философскую культуру.

Кумиры нового поколения понятны из оглавления. Здесь вам встретятся новые переводы Гуссерля, Хайдеггера и Ортеги-и-Гассета, публикации Степуна и Лосского, статьи об Оккаме, византийской мысли и Набокове. Современный научный язык, но всякий, кто хоть раз задумался о смысле жизни, в нем рано или поздно разберется.

А. М.

Первый номер «Русского богатства» вышел в Москве в 1876 году и за последующие четыре десятилетия приобрел устойчивую репутацию, связанную с именами Михайловского, Короленко, Чехова, Бальмонта, Крюкова, Бунина... Фрагменты из произведений знаменитых предшественников вошли в первый номер «Русского богатства» 1991 года, обозначив четкую ориентацию издания на продолжение традиции.

— Сейчас в нашем обществе происходят весьма динамичные процессы,— сказал редактор-издатель журнала Анатолий Злобин,— но не забыть бы, что совершается все это не только ради колбасы. Приватизация экономики означает приватизацию души. А следствием приватизации является свобода. Нам кажется верным начать с малого — с самих себя. А именно с личностного журнала. «Русское богатство» — экспериментальный журнал, основанный на творческом принципе: один автор — один номер. Практически это означает, что напечататься здесь можно только раз в жизни. Что делать? Ведь и родиться можно лишь однажды.

Следующие номера станут «моножурналами» Варлама Шаламова, Людмилы Петрушевской, Леонида Лиходеева. А также знакомством с теми, кто пожертвовал средства в помощь нуждающимся литераторам. Ведь, следуя принципам короленковского «Богатства», журнал провозгласил одним из важнейших своих направлений благотворительность. Кстати, после выхода первого номера уже собраны 25 тысяч рублей, которые будут израсходованы на нужды литераторов-ветеранов. Источником фонда стали гонорары составителей номера.

Н. А.

СТАТИСТИКА

Во Франции выходит 15 тысяч 300 газет и журналов. 42 из них — литературные.

В России зарегистрировано... Прости, читатель! В министерстве информации РСФСР такую информацию безвозмездно теперь не получишь. Жаль, что об этом не знают в посольстве Франции, где цифру назовут любому желающему — и бесплатно.

(Из компетентных источников, впрочем, стало известно: в России около 1300 журналов, но сколько из них литературных, неведомо никому.)

Вести рубрику помогают Надежда АЖГИХИНА и Борис МИНАЕВ. Анекдот вспомнил Мирон ПЕТРОВСКИЙ.

КРУПНЕЙШАЯ В ПОВОЛЖЬЕ
САМАРСКАЯ БИРЖА (СБ) – А/О ОТКРЫТОГО ТИПА
С УСТАВНЫМ КАПИТАЛОМ — 50 МЛН. РУБ.

СБ основана в ноябре 1990 года.

Ее учредители:

- *ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПО ВЫПУСКУ ЛЕГКОВЫХ АВТОМОБИЛЕЙ «АВТОВАЗ»,*
- *ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ АВТОВАЗБАНК,*
- *МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЕ П/О ИМ. В. И. ЛЕНИНА,*
- *П/О «КУЙБЫШЕВНЕФТЕОРГСИНТЕЗ»,*
- *ВСЕСОЮЗНОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «ИНТУРИСТ»,*
- *ШОКОЛАДНАЯ ФАБРИКА «РОССИЯ»,*
- *П/О «4-Й ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОДШИПНИКОВЫЙ ЗАВОД».*

На Самарской Бирже проводятся все виды биржевых операций с товарами народного потребления, пищевыми продуктами, сельскохозяйственной продукцией, продукцией производственно-технического назначения, сырьем, материалами и недвижимостью.

СБ

— член Конгресса бирж и Межрегионального биржевого союза.

— почти 200 акционеров, представляющих все регионы страны.

— более 600 брокерских контор.

— система бирж Самара — Тольятти — Балаково — Чебоксары.

— ежедневные торги, кроме субботы и воскресенья.

— товарная масса на ежедневный торг в объеме более 1 млрд. руб.

— объем ежемесячных сделок более 150 млн. руб.

СБ

— крупнейший рынок в стране по торговле автомобилями и запасными частями к ним.

— учредитель А/О Межрегиональный биржевой торговый дом «Волга» с уставным капиталом 60 млн. руб.

— учредитель Акционерного инвестиционного общества «Волга» с уставным капиталом 150 млн. руб.

— один из крупнейших рынков по торговле продукцией нефтепереработки и строительными материалами.

Самарская Биржа осуществляет дополнительную подписку на акции СБ.
КУРСОВАЯ СТОИМОСТЬ АКЦИИ НА 1 ДЕКАБРЯ СОСТАВИЛА 800 000 РУБЛЕЙ.

КОЛИЧЕСТВО АКЦИЙ ОГРАНИЧЕНО.

Продолжается продажа брокерских мест и регистрация брокерских контор.
КУРСОВАЯ СТОИМОСТЬ БРОКЕРСКОГО МЕСТА — 700 000 РУБЛЕЙ.

Адрес: 443002, г. Самара, ул. Ново-Садовая, 17.
Телефоны: 34-64-10, 34-47-83, 34-64-11, 34-62-02.
Факс: 34-48-23, 34-62-02, 34-64-11. Телекс 214107 SB SU.

Георгий РОЖНОВ

«ЧЕКИСТЫ ОСТАЮТСЯ ОПТИМИСТАМИ», —

уверял меня генерал-майор Станислав МАЛИК после того, как перешел из КГБ в СНБ — службу национальной безопасности Украины.

Похоже, к множеству мифов, дуривших наши головы сызмальства, прибавился еще один — КГБ больше нет. Он ликвидирован. Упразднен. Преобразован. Так по крайней мере уверяли нас Госсовет, многие государственные мужи, некоторые доверчивые мои коллеги. Впрочем, поначалу было похоже, что и вправду — правда. Потому что, во всяком случае, хотя бы центральный аппарат КГБ СССР усилиями неугомонного Бакатина был действительно перетрясен сверху донизу. Внешнюю разведку — ПГУ — от него «ушли», следом потянулись управления охраны, правительственной связи и достославное «З», «кругом марш» скомандовали пограничным войскам, десантным дивизиям и группе «Альфа». Да, еще свинтили со здания на Лубянке вывеску и стянули с пьедестала железного Феликса. Разоренное ведомство после долгих раздумий стали называть иначе — Межреспубликанской службой безопасности, хотя мне лично трудно понять эту вольность: окрестные республики ныне велят называть себя иначе — государствами, причем суверенными. Так что вполне можно рассчитывать на переименование переименования, к чему, впрочем, тоже не привыкать: ЧК — ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — КГБ — МСБ?

Дольше нарекали КГБ России, но зато в новой аббревиатуре красота заморская — АФБ.

Впрочем, что нашему рядовому обывателю до того, как теперь именуются и из каких структур состоят главные секретные ведомства,— он не резидент и не гэкачепист, чтобы на него положили глаз полковники от Бакатина или Иваненко. Ему, обывателю, важнее, чтобы городской или районный опер из родимого демократического АФБ не наслал за ним топтунов, не записывал на пленку его беседы с женой или любовницей, не любопытствовал, кого из теперешних вождей он хочет к сердцу прижать, а кого к черту послать. Какими бы убедительными ни были заверения на этот счет того же Бакатина, с каким бы уважением ни относились мы к его личной порядочности и доказанной делом приверженности демократии, он все же едва не одинок в коридорах Лубянки, не густо у него единомышленников и в Москве, и за ее пределами. И офицерство в чекистских управлениях страны все то же, и крючковский закон о КГБ пока не отменен и при желании вполне сгодится.

И уж вовсе пока не понятно, что стало теперь с бывшими КГБ в суверенных сегодня государствах — дальше Москвы наша осведомленность не простирается. А знать бы хотелось — ни Украина, ни Кыргызстан, ни даже страны Прибалтики никак в одночасье не стали для нас, россиян, далеким и чужим зарубежьем. Поэтому думается, что этот наш интерес никто из уважаемых соседей не истолкует как неуместное любопытство к внутренним делам независимых держав. Миллионы наших сограждан имеют едва ли не во всех городах и весях вчерашнего СССР родных и друзей, они хотят и, надеюсь, будут ездить в гости и по делам в пределах пока единого железнодорожного и авиапространства и никому не будет безразлично, какая секретная служба будет беречь его безопасность или, не дай Бог, на нее покушаться. Чтобы, отправляясь лечиться в украинский Трускавец или грузинский Боржоми, все мы были уверены, что тамошние секретные службы не заведут на нас папочку с тесемочками или информационный блок в компьютере, что ставшая заграничной власть будет судить о нас только по нашему законопослушанию, а не по количеству компромата. Короче, всем нам хочется верить, что эти службы, как бы они ни назывались, ни словом, ни духом не будут напоминать окаянное ЧК или не менее окаянное КГБ.

Такие примерно мысли изложил я во Львове Степану Давымуке, который в отсутствие своего знаменитого шефа Вячеслава Чорновола оставался здесь за областного голову. Было бы странным, если бы мы друг друга не поняли — я знаю пана Степана с того памятного для него и львовян апрельского дня прошлого года, когда он, сметя своей победой на выборах коммунистических властителей, приносил перед депутатами присягу, держа руку на Библии. За эти полтора года были у нас встречи, были беседы, всегда искренние, всегда откровенные, сегодняшняя наша тема не раз всплывала и раньше. Однажды, помню, присоединился к нашему разговору и пан Чорновил, откровенничали мы с глазу на глаз, и вдруг нате вам — все дословно становится известным тогдашнему первому секретарю обкома Секретарюку, о чем он с восторгом и брякнул публично. Чорновил в долгу не остался, чутье политзэка со стажем его не подвело: «Ну, КГБ! Ну, пан генерал Малик!»

— Так что же с вашим КГБ теперь? — спросил я у пана Степана в конце октября.— Что с генералом Маликом?

— КГБ как было, так и есть, вывеску только сняли. А генерал Малик все так же там начальник. Хотите, я вас с ним познакомлю?

Пан Степан поднял трубку местной вертушки, и тут же в мембране зарокотал радостный генеральский голос. Потом удивленный: «Огонек» печатает Россия, а тут суверенная Украина. Я тут же поклялся, что руку Москвы уберу подальше, голова мои заверения передал и генеральское приглашение было получено.

— И все же не пойму,— не уходил я,— ведомство то же, люди те же — как вы уживаетесь?

— Генерал регулярно докладывает обстановку руководителям облисполкома.

Я не выдержал, улыбнулся горько. Руководство облсовета — Вячеслав Чорновил, его заместители Иван Гель и Мыкола Горынь — обязано землякам из КГБ годами тюрем, лагерей, ссылок, травле после освобождения. До самого последнего времени никто не спешил с их реабилитацией, не приносил извинений за страдания и унижения. Еще живы и при деле некоторые гробившие их оперы, следователи, стукачи. Они что — покаялись? Стали другими? Готовы положить руку на Библию и присягнуть независимой Соборной Украине? Желто-блакитному флагу, за народную любовь к которому еще недавно врывались к людям с обысками, мытарили на допросах, навешивали сроки? И им, присягнувшим, поверят?

— Не всем, конечно,— ответил пан Давымука.— Но мне кажется, что в лучшем случае сегодняшнее поколение кагэбистов будет работать на два фронта, какие именно — уточнять воздержусь. В худшем, а скорее всего так и будет — они будут против нас.

Так вот поговорив, поразмышляв да кое-что вспомнив, отправился я на знакомую с детства улицу Дзержинского, где под номером 55 с первых же послевоенных дней поселилось сначала УМГБ, потом УКГБ, а теперь вот УСНБ. Как и следовало ожидать, улица имя сменила — на Витовского, с серого дома исчезли две разноязыкие вывески и два флага, висевших даже в будни,— СССР и УССР. В просторном холле справа — глаза окаменелого Феликса, слева — телекамеры, прямо — аккуратного прапорщика. Все в штатском — офицер по связи с прессой, офицер в приемной, генерал-майор Малик. Все улыбаются.

Если кто от моих подходцев к встрече подустал и ждет записи разговора, спешу разуверить — если я прилежно запишу все сказанное генералом за полтора часа нашей беседы, от чтения устанете еще больше. Боже меня упаси бросить хоть какую-то тень на познания моего высокого собеседника или на его компетентность, все проще — генерал от крутых вопросов уходил играючи, сыпал былыми штампами и приоткрывался лишь изредка, как бы случайно. Поэтому, чтобы не выставлять Станислава Ивановича в дурном и превратном свете, я решусь останавливать кассету там, где чувствуется простое сотрясение воздуха, и дословно передам лишь то, что для нас покажется интересным.

— Станислав Иванович, сколько лет вы работаете начальником УКГБ по Львовской области? И вообще в органах госбезопасности?

— Я из обычной рабоче-крестьянской семьи. Отец был железнодорожником, мать — домохозяйка. Дедушки — один пастухом был, другой шил. Обычная семья, трудились все. Мне пришлось с малых лет трудиться. Работать начал с четырнадцати лет. Закончил политех, Харьковский. На практической работе в органах государственной безопасности с 1950 года. Начинал с младшего лейтенанта, помощника оперуполномоченного, прошел все ступеньки, работал в разных подразделениях: и контрразведка, и разведка, и экономика. Начинал на Харьковщине, потом Кировоград, потом Полтава, потом Львов — замначем управления был, потом начальник управления в Закарпатье, потом с 1983 года я опять во Львове, уже начальником управления КГБ.

— Словом, вас с полным правом можно считать профессионалом, а не назначенцем из партийных и комсомольских органов. Кстати, много у вас таких?

— Нет, нет! У нас здесь, в Западном регионе, как-то сложилась традиция — мы сами подбирали людей по определенным качествам, это были и юристы, и историки, и филологи, и технари. Мы очень внимательно относимся к формированию кадрового состава.

— Конкретно — что это? Как из историка сделать офицера КГБ?

— Как правило, подобрав человека на работу в органы госбезопасности, мы направляли его на учебу. После этого где-то от полугода до двух лет курс вхождения в практическую оперативную работу. Индивидуальные планы составлялись.

(Стоп, кассета)

— Сегодня, как принято говорить, все соответствуют занимаемой должности? Вы не считаете, что с кем-то нужно расстаться? Скажем, человек просто не может работать в новых условиях или, возможно, чем-то себя скомпрометировал?

— Я хотел бы с удовлетворением отметить, что подавляющее большинство личного состава управления...

(Стоп, кассета)

— Вы, наверное, согласитесь, что одни задачи стояли перед госбезопасностью в годы вашей молодости, еще при Сталине, другие — в 60-х и 70-х годах, снова другие — сегодня?

— Ну, я немного позволю себе с вами не согласиться.

— ?!

— Естественно, те изменения, которые происходят в бывшем Союзе и в Восточной Европе, как-то корректируют наши задачи. Но ведь испокон веков на всех этапах развития государственности никто с органов госбезопасности не снимал вопросы разведки, контрразведки, защиты экономики. Всегда, все годы мы занимались этим.

— А борьба с инакомыслием? С тем же диссидентством?

— Да, да, согласен. Но ведь нужно... Знаете, я к этому и раньше относился с неодобрением. Так же отношусь и сейчас. Я вам больше скажу — далеко не все в органах госбезопасности разделяли ту точку зрения, что нужно было такую борьбу вести.

— Но ведь вели! Именно здесь, во Львове, у КГБ были самые высокие про-

Снятие копий категорически воспрещается

К Сибергук (рукописная резолюция)

Сов.секретно
(гриф секретности)

ИСХОДЯЩАЯ ШИФРТЕЛЕГРАММА № 10/ш

Куда и кому (адрес) г. Киев, ЦК Компартии Украины

11.02.91

Об использовании средств радиосвязи
в г.Львове

Львовскому обкому Компартии Украины стало известно о том, что с сентября 1990 г. в церкви святого Юра г.Львова незаконно работает в диапазоне средних волн на частоте 1570 кгц радиостанция мощностью 80 вт, которая выходит в эфир ежедневно с 9 до ТТ ч... и используется общиной украинск...

С учетом резкого обострения межрелигиозных отношений считаем нецелесообразным предоставлять разрешение на использование радиосредств каким-либо религиозным конфессиям и другим организациям.

Сообщаем для реагирования.

СЕКРЕТАРЬ ЛЬВОВСКОГО ОБКОМА КОМПАРТИИ УКРАИНЫ В.СЕКРЕТАРЮК

ти-2

Лично.Подлежит возврату. Секретно
Экз.№ 1

СПРАВКА

об использовании средств радиосвязи в г.Львове

УКГБ УССР по Львовской области получены оперативные данные о том, что с сентября 1990 г. в церкви святого Юра г.Львова незаконно работает в диапазоне средних волн на частоте 1570 кгц радиостанция мощностью 80 вт, которая выходит в эфир ежедневно с 9 до II час. и используется общиной украинской греко-католической церкви для трансляции своих проповедей.

2.

Дополнительно в январе с.г. к руководству ОРТПЦ обратились представители Брюссельской вещательной компании "Радио Воскресение" с просьбой выделить передатчики и время работы в эфире / с 8 до 24 час. ежедневно/ для трансляции своих передач на территорию западных областей Украины. Компания готова начать работу в марте с.г. В настоящее время этот вопрос находится в стадии согласования.

С учетом сложности оперативной обстановки и резкого обострения межрелигиозных отношений считаем нецелесообразным предоставлять разрешение на использование радиосредств каким-либо религиозным конфессиям.

Начальник Управления КГБ
УССР по Львовской области
генерал-майор С.И.Малик

"8" февраля 1991 г.
№ 98

изводственные показатели. Только на моем родном факультете журналистики арестовали трех студентов, а потом и одного выпускника.

— Да, борьба велась как защита государственности, существующего строя.

— Я вас пойму, если вы скажете, что о вашем неодобрении вы не могли сказать вслух. Генерал — защитник диссидентов?

— Почему? Где-то в конце восемьдесят первого года, когда я был в Закарпатье, Андропов возвращался из Венгрии и остановился в Чопе. Когда я докладывал об обстановке, коснулись и этой борьбы с диссидентствующим элементом. Я сказал: это неправильный подход.

— И что же Андропов?

— Андропов сказал, что эта борьба с диссидентством — одна большая глупость.

— Кем тогда Андропов работал? Уже секретарем ЦК?

— Нет, председателем КГБ СССР. Мне очень импонирует Андропов.

— Ничего не понимаю. Вы, как начальник управления, «против», председатель КГБ — «против», а людей сажают.

— Конечно, эта часть работы органов госбезопасности и позволила людям плохо судить о них всех в целом. Как о людях, которые работали только на то, чтобы пресекать неугодные явления в жизни общества. Под флагом защиты государства.

— Что ж, будем судить хорошо?

— Да, мы работали по всем направлениям! Вспомним — если бы не было хороших чекистов, мы бы не внедрились в германскую разведку накануне войны и во время ее, не было бы таких успехов у СМЕРШа и территориальных органов контрразведки.

— Станислав Иванович, давайте начистоту — были на вашей памяти такие операции, такие приказы, которых вы сегодня стыдитесь? Или, мягче, сожалеете? Сорок один год в КГБ!

— Нет. При мне таких операций не было.

— Вообще?

— В целом я могу сказать: видимо, сожаление должно вызывать не только у меня, но и у тех чекистов, которые старше меня, то, что мы были вынуждены исполнять волю закона или государства.

— А конкретнее?

— Это процессы 60—70-х годов на Украине, борьба с инакомыслием. Это, повторяю, неприятно вспоминать.

— Как вы думаете, КГБ нужно реформировать? Как? Ликвидировать? А вместо него что?

— Сейчас в Верховном Совете Украины работает комиссия, которая ответит на эти вопросы. Хотелось бы, чтобы наш депутатский корпус был мудрым, поступал взвешенно, демократично, занимаясь таким законотворчеством. Да, будем откровенны: ведь правоохранительные органы — это органы исполнения указаний власти. Ведь рано или поздно, но кого-то обязательно бросает в жернова, делает крайним. Не хотелось бы, чтобы такое случилось с нашими молодыми сотрудниками и теми, кто придет к нам завтра.

— Кого у вас больше? Молодежи? Ветеранов?

— Примерно треть оперативного состава — это молодые люди, работают в органах 3—4 года. Добрая половина работает 10—15 лет. 20 лет — процентов 10. Ну и, видимо, человек пятьдесят имеют выслугу 25 лет и больше. Личный состав управления, как я уже говорил,— это работоспособные, здоровые, энергичные люди...

(Стоп, кассета)

— И что — ни у кого из сотрудников управления нет сегодня чувства разочарования, даже отчаяния — зачем я?

— Что касается разочарования — у кого его нет? Начиная перестройку, мы разве надеялись на то, что получили в финале? Но, как вы говорите — «бесперспективность, отчаяние»,— я бы не сказал так. Морально люди закалены. Оптимизм всегда был присущ чекистам. Есть он и сейчас. Чекисты остаются оптимистами.

— Значит, все оптимисты? Никто не уходит?

— Массового явления нет. Но тревожные симптомы и посылки к этому есть, люди уходят. Немногие.

— И все же — сколько?

— Такое желание выразили немногие. Человек пять, если не ошибаюсь. Но такие мысли витают.

— Итак, пятеро ушли. А сколько осталось? Сколько человек в аппарате управления?

— Давайте мы пока от этого воздержимся. По той простой причине, что у нас формируется новая служба, может быть, иная по структуре.

— Бакатин назвал численность сотрудников КГБ.

— У вас в Москве вообще идет деление, дробление. У нас этого нет. И не будет, видимо. Я вижу, что комиссия, созданная Верховным Советом Украины по формированию службы национальной безопасности, да и депутатский корпус проявляют определенную сдержанность и дальновидность. На совещании начальников управлений КГБ в Киеве было нами подчеркнуто, и неоднократно: профессионалов нужно сохранить. То есть у нас не идет ломка, как в Москве. Ломать — не строить.

— Смотря что, Станислав Иванович.

— Психологическая ломка — согласен. Но профессионал есть профессионал. Три — пять лет требуется, чтобы подготовить толкового оперуполномоченного. Он должен в совершенстве знать закон, он должен знать историю своего государства, своего края...

(Стоп, кассета)

— Когда у вас расформирован отдел «3»?

— После решения Госсовета о роспуске КГБ.

— С кем же тогда встречался заместитель председателя облисполкома пан Давымука неделю назад?

— Да, такая встреча была в прошлую пятницу, с сотрудниками отдела «3».

— Но он же расформирован!

— Отдел «3» ассоциируется в умах только с политическими репрессиями и преследованиями инакомыслящих. Это расхожее общественное представление сформировано, между прочим, не без помощи средств массовой информации. Но ведь и после создания службы национальной безопасности в отделе «3», думаю, останутся те же функции — борьба с терроризмом, угрозами, наркобизнесом.

— Станислав Иванович, я опять ничего не пойму — если отдел «3», как вы сказали, ликвидирован, то с кем же встречался пан Давымука? С его сотрудниками? И если они по-прежнему работают вот уже третий месяц — кто же их содержит?

— В новых структурах такое подразделение обязательно будет. Оно должно заниматься защитой Конституции Украины и ее территориальной целостности.

— Когда-то я работал во Львове, в управлении внутренних дел...

— Я знаю.

— Так вот, я вообразил себе, что мой отдел ликвидирован, а я хожу к девяти часам на службу. Это же с ума сойти можно — отдела нет, я никто, и сажусь утром за стол!

— Уверяю вас, все офицеры отдела «3» работают. По конкретным делам.

3

Такого рода позиция аторитетных писателей является негативным примером для подражания и в окололитературной среде. Молодые литераторы Неборак, Терещук, Олейко, Щунь, Стецив и другие стремятся на дешевой сенсационной основе заработать себе известность и, отчасти, им это удается. Некторые из них , тиражируя отдельные сентенции членов редколлегии "УВ", аппелируют тем, что если даже явным антисоветчикам Черноволу и Горыню ничего не сделали, то им и подавно.

Начальник Управления КГБ УССР
по Львовской области С.И. Малик

"12" апреля 1988 года.

Таких, кто приходит на службу отмечаться, у нас нет. Нет у нас бездельников...

(Стоп, кассета)

— Как вы представляете себе контакт с ведомством Бакатина?

— Взаимодействие, видимо, будет. Банк совместных данных — будет. Обмен информацией — будет. Совместные операции — будут.

— В архивы свои меня пустите?

— Нужно сначала принять закон об архивах. Но, думается, в службе национальной безопасности архивов вообще не будет. Останутся только поточные, рабочие материалы.

— Это завтра. А сегодня — пустите?

— Все думают, что у нас в архивах черт-те что. В Москве у вас — может быть. А у нас что? Ну, уголовные дела, еще фильтрационные.

— Сколько?

— Уголовных — тысяч 40—42, причем многие состоят из нескольких томов. Фильтрационных — более 100 тысяч. Вы представляете, какой это массив?

— А если я попрошу досье на Чорновола? Братьев Горынь? Супругов Калинець? На моего друга и однокурсника Михаила Осадчего? На митрополита Украинской греко-католической церкви владыку Владимира? Дадите?

— Таких досье у нас нет. И не было...

(Стоп, кассета).

— Часто требуют назвать имена агентуры. У вас тоже?

— К сожалению, такие просьбы были. И есть. Но человечно ли это? Морально? Пошло с легкой руки некоторых товарищей — стукачи, доносчики... Но поймите такую простую вещь: нужно спасибо говорить людям, которые, помимо своей основной работы, берут на свои плечи дополнительную и рисковую ношу. Они защищают людей, общество. Это благородно.

— Органы КГБ называют вооруженным отрядом КПСС. В чем это проявлялось конкретно?

— Да, говорят, обобщая в целом, что органы госбезопасности были политическим инструментом партии. Я бы так не сказал. Да, были в каком-то смысле похожие подразделения — сначала 5-й отдел, потом отдел «3». Но ведь они работали по исполнению существующего законодательства!

— В последние годы «Рух», все демократическое движение Украины откровенно враждебно воспринимались руководством компартии Украины. Лидеры демократов Львова были у вас под «колпаком»? Под наблюдением, слежкой?

— Надо знать, что мы не имели права вообще следить за депутатами, редакторами газет, ведущими журналистами.

— А как определить ведущего?

— Если случалась какая-то самодеятельность, то это нарушение закона.

— Если бы путч удался и вам пришлось бы интернировать десяток-другой демократов, их списки были?

— Зачем? Мы их и так знаем.

— Вы теперь работаете на улице Витовского. Это кто?

— К сожалению, не могу похвастаться знанием биографии этого наверняка достойного человека.

— Когда увидим табличку на вашем здании?

— Когда утвердят структуру. И вообще — ликвидация КГБ мне кажется поспешной, непродуманной. Нельзя резать по-живому! Ей-Богу, как пуповину перерезать!

На такой ностальгической, эмоциональной ноте закончилась моя беседа с генерал-майором госбезопасности Станиславом Ивановичем Маликом. Всякий может убедиться: я с ним особо не спорил, не опровергал, не ловил на слове. Это не робость — Украина теперь независима, суверенна, и грех было бы мне, мечтавшему об этом дне сызмальства, выслушивать упреки в персте указующем. Пусть уж генерала дополняют его земляки, граждане Украины, а не я, теперешний москаль.

Мыкола Горынь, заместитель председателя Львовского областного Совета:

— Неделю назад мы со Степаном Давымукой беседовали с офицерами отдела «3». Почему с ними? Да потому, что именно это подразделение КГБ затыкало рот тем, кто мыслит иначе, кто всегда видел свою Украину свободной и независимой. И еще потому, что они вроде бы уволены, но на службу ходят. Я спросил: «На какую? Чем вы занимаетесь?» Один молодой офицер встал и сказал: «Ничем не занимаемся. Приходим, попьем кофе и до свидания». С ним никто не спорил. Дай Бог, чтобы они и вправду сегодня ничем не занимались.

Иван Гель, заместитель председателя Львовского облисполкома:

— Значит, досье на нас нет и не было? А за что они тогда деньги получали? Помню, в Потьме, когда меня привезли в лагерь, я случайно увидел толстенную папку: «Наблюдательное дело», на меня. Куда же оно делось?

Степан Давымука, заместитель председателя Львовского облисполкома:

— Итак, вместо КГБ служба национальной безопасности. Нужна ли она Украине? Очень. Может ли бывшее УКГБ эту безопасность обеспечить? Сомневаюсь. Все, по-моему, знают, какие беды приносит нам неутихающая религиозная вражда, как страдают от нее мои земляки. Кто ее разжигает? Кого призвать к ответу? Представьте себе, я догадываюсь. Более того, заметил, что в самых острых, подчас кровавых схватках верховодят одни и те же люди. Их фамилии? Место работы? Жительства? У генерала Малика один ответ: «У нас нет такой информации. У нас нет законодательной основы, нет регламентации действий в таких ситуациях». Мы по своим каналам получаем больше информации, чем от КГБ. Если вчера вся структура управления работала на центр, на Москву, то на кого теперь? После путча мы получили возможность посмотреть некоторые послания генерала Малика в обком коммунистов — о чем он только не сообщал!

Перед тем как поставить точку, я позвонил во Львов. Новости такие. На улице Витовского таблички появились, на доме № 55 — пока нет. Генерал-майор Малик достраивает третий этаж загородной дачи и ходит на службу. Равно как и офицеры отдела «3».

Да, чуть не забыл: Витовский, как учат нынче во львовских школах, семьдесят три года назад был одним из основателей Западно-Украинской Народной Республики. Суверенной и независимой.

Первая ракетка мира Стефан Эдберг.

«Т-КЛУБ»

В трудные двадцатые годы, годы шахматной лихорадки, в стране открывались клубы любителей шахмат. В трудные девяностые — мы открываем теннисный «Т-клуб» и заверяем наших читателей, что чего-чего, а трудностей с теннисной информацией вам испытывать не придется. Раз в месяц вашими гостями будут Зверева и Чесноков, Беккер и Селеш — вся мозаика теннисного мира. И никакой политики на страницах «Т-клуба».

ЧТО ЛЮБЯТ ЧЕМПИОНЫ

1. Стефан Эдберг (Швеция), первая ракетка мира
Город: Стокгольм.
Любимый вид спорта: Хоккей с шайбой.
Блюда: Безусловно, итальянские. Я очень люблю пасту.
Фильм: «Фатальная привлекательность» и «Возвращение розовой пантеры». Они такие разные!
Актер: Джон Клиз.
Актриса: Мерил Стрип.
Писатель: Сидней Шелдон и Роберт Ладлум.
Книга: «По ту сторону полуночи».
Рок-группа: «Дайр Стрэйтс». Это та музыка, которая мне нравится больше всего. Марк Нопфлер — очень хороший музыкант.
Музыка: Я слушаю много разной музыки, но предпочитаю самую популярную в списках хит-парадов: «Флитвуд Мэк», Мадонну и «Роксетт», шведскую группу.
Времяпровождение: Предпочитаю в свободное время о теннисе не думать. Люблю встречаться с друзьями, играть в гольф и сквош, ходить в кино. Все очень просто.

2. Борис Беккер (Германия), третья ракетка мира
Город: Гамбург.
Любимый вид спорта: Конный спорт.
Блюда: Итальянские.
Фильм: «У причала».
Актер: Марлон Брандо.
Актриса: Мерил Стрип.
Писатель: Люблю многих, нет одного любимого.
Книга: «Маленький принц».
Рок-группа: «Ю-ту» и «Дайр Стрэйтс».
Музыка: Блюз.
Любимое времяпровождение: Болтовня с Ионом Цириаком.

АРМЕЙСКИЙ КЛОНДАЙК

Перестройка в ЦСКА началась с тенниса. На место спортобщества, как монстра советского спорта, пришла гибкая и мобильная Ассоциация клубов. Первым зарегистрированным членом с правом внешнеэкономической деятельности и собственным валютным счетом стал теннисный клуб. Что это такое, лучше всего расскажет его генеральный директор Анатолий ПЕРЕПЕЛИЦА.

— Еще три года назад был у нас разговор с будущим начальником ЦСКА Анатолием Акентьевым. Мы пришли к выводу, что существующая система спортобщества в новых условиях неперспективна и мы неизбежно придем к системе клубов.

Когда этим летом зарегистрировались во Фрунзенском районе, услышали: не рановато ли? Мы действительно немного опережали события, только в октябре вышла директива нового министра обороны Шапошникова, разрешающая создание спортивных клубов, малых предприятий с правом внешнеэкономической деятельности. Кроме нас, такие клубы в ЦСКА уже создали хоккеисты, футболисты.

Армейский дуэт: Елена Макарова, финалистка юношеского Уимблдона, и ее тренер Дмитрий Дегтярев.

— Какова ваша основная идея?

— Теннисный клуб создавался для того, чтобы на коммерческой и хозяйственной деятельности зарабатывать деньги и вкладывать их в теннис. На сегодняшний день у нас два игрока международного класса: Евгения Манюкова и Андрей Ольховский. Благодаря новой системе, надеемся, будет больше.

— В чем ее новизна?

— Наш план — отобрать примерно двадцать особо одаренных детей, на которых и сделать ставку. Дать им максимально благоприятный режим тренировок, выделить зарплату. Оставшихся 160 учеников школы перевести в абонементные группы. Абонемент будет стоить 48 рублей в месяц (12 занятий по два часа).

— Не приведет ли это к сокращению набора детей?

— Количество учеников в школе сокращаться не будет. Если бы мы имели цель — создание чисто коммерческого клуба, то закрыли бы двери, перевели все тренировочное время на валютную аренду (таких предложений масса) и жили бы припеваючи. Наш основной интерес в другом — в подготовке игроков международного класса и сохранении традиций армейской школы, которая в наше непростое время сумела не растерять золотой тренерский фонд и не менее золотых учеников.

— У вас, наверное, был большой конкурс на членство в клубе?

— От желающих не было отбоя. Членов клуба мы выбирали и по деловым качествам тоже. В конце договора даже написали пожелание о сотрудничестве с каждым в других сферах деятельности. Так, например, Автоэкспорт выделил клубу два польских автобуса по 80 тысяч рублей. Один оставим себе, второй продадим на аукционе. Прибыль — на счет клуба. Или сотрудничество с другим нашим членом — КБ имени Яковлева, которое выпускает классные самолеты Яки. Обговорено, что раз в год они нам отдают права на продажу одного самолета. Процент с продажи — опять-таки на счет клуба. Завод Ильюшина когда-то делал отличные ракетки из титанового сплава. Тогда эта инициатива никому не была нужна, производство свернули. Сегодня у меня есть договоренность с генеральным директором Новожиловым о производстве ракеток, которые будем реализовывать в своем магазине.

— На что собираетесь тратить такие большие деньги?

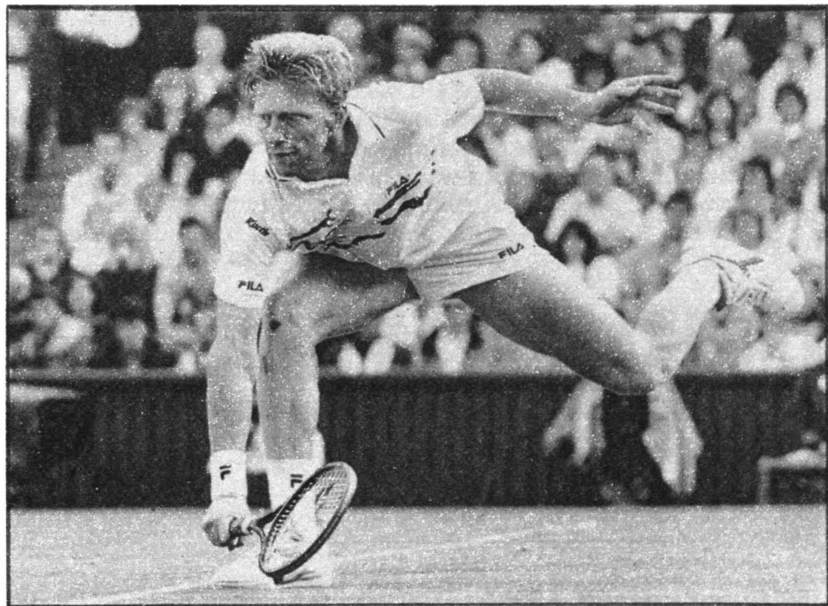
— Начали строительство двух закрытых кортов, ведем переговоры об аренде загородного пансионата в Тарасовке. Хотим войти в долю к концерну «Речной флот», у них четыре гектара прекрасных угодий. Договоримся — построим там тренировочную базу. Недавно провели первый международный турнир. Это как бы наша заявка на сотрудничество с зарубежными клубами.

Перед началом турнира Андрей Ольховский подарил всем тренерам и самым перспективным юниорам по комплекту спортивной формы. Остается пожелать другим клубам вырастить такого же благодарного ученика.

Наш теннис переживает тяжелые времена. За фасадом побед ведущих теннисистов и блеском Кубка Кремля — пустота. Уезжают тренеры, игроки, рассыпаются спортивные школы. И есть определенная ирония судьбы в том, что именно армейский клуб с его приверженностью традициям и дисциплиной, помноженными на деловую инициативу, может стать прообразом новой системы, которая поможет теннису выжить.

Фото Дмитрия АЗАРОВА и агентства Интернейшнс

Ведущая клуба Наталья БЫКАНОВА

ТРУДНО БЫТЬ ЛЮБИМЧИКОМ

Наталья БЫКАНОВА

Без перерыва на обед во Франкфурте работает только железный человек, который без устали поднимает и опускает свой молот около небоскреба на Мессе. Монстр искусства высотой с пятиэтажный дом стоит сутулой спиной к Фестхалле и ко всем событиям, которые там происходят.

А происходит там большой теннис. Второй год подряд сюда съезжаются восемь лучших теннисистов мира разыграть между собой итоговое соревнование сезона, мировой чемпионат Эй Ти Пи-тур с двумя миллионами долларов призового фонда. Звезды были поделены на две группы по четыре человека: Джим Курье, Иван Лендл, Ги Форже, Карел Новачек — в одной, Борис Беккер, Михаэль Штих, Пит Сампрас, Андре Агасси — в другой. После круговых матчей по два победителя каждой группы выходят в полуфинал. Победители полуфиналов разыгрывают между собой главный приз.

Во Франкфурте не было только Стефана Эдберга, первой ракетки мира, который залечивал старые травмы в обществе своей круглолицей невесты Аннет. Правда, в последний день он все-таки осчастливил турнир своим присутствием — Стефану, как лучшему теннисисту года, полагался приз — алмазный теннисный мяч стоимостью 100 000 марок. Запас набранных за год очков позволял ему не беспокоиться, что ближайший преследователь — Джим Курье — в случае победы во Франкфурте покусится на драгоценную безделушку.

На освободившееся место в турнире взяли Карела Новачека из Чехословакии, которого советские любители тенниса видели на Кубке Кремля. Кроме того, что он девятая ракетка мира, Карел, единственный из всех теннисистов-иностранцев, поехал на экскурсию в Загорск. Во Франкфурте он тоже не пропустил культурную программу.

Несмотря на все достопримечательности (во Франкфурте родился великий Гете), там особо не разгуляешься. Этот город называют Нью-Йорком Старого Света, и вместе с Амстердамом они наводят шороху на всю старушку Европу. Конкуренцию по уровню преступности им может составить только Ростова-на-Дону. Кокаин течет сюда потоком, и у Центрального железнодорожного вокзала в любое время суток бродят диковатые наркоманы и синеватые проститутки.

Теннисные звезды в свободное время интересуются, конечно, другими вещами, например, гольфом, в который играют пять из восьмерки сильнейших. Гольф, между прочим, сейчас самый престижный спорт в мире. В Германии поля для этой игры растут как грибы. Немцы сами признаются, что престижность для них очень много значит. Для особо одержимых в этом отношении мужчин придумано даже прозвище — «Шики-Микки». Признаки «Шики-Микки»: умение играть в гольф, «мерседес» и приобретение самых дорогих билетов на футбол. Автомобиль для немца дороже семьи, детей, жены. Это его визитная карточка, а потому даже цена в 1 000 000 марок за новейшую модель «мерса» не смутила покупателей во время автовыставки в том же Франкфурте. Сразу 200 человек захотели расстаться со своим миллионом.

Если «Мерседес» взял под свое крыло соревнования по гольфу, то мировой чемпионат по теннису спонсировал «Вольво». Эта шведская компания выделила для турнира 43 машины, на которых развозили игроков и особо важных гостей. Любезные молодые водители набираются в основном из студентов: утром и днем ребята учатся, вечером — подрабатывают. Кроме них, привлекают и профессиональных полицейских. Американца Пита Сампраса, будущего победителя турнира, возил один такой работник правоохранительных органов. Из достоверных источников известно, что он сам все время нарушал правила дорожного движения, потому что хронически опаздывал с подачей машины. Но Пит никому не жаловался, а лишь терпеливо ждал.

Кроме скромности, которая украшает Сампраса, ему можно поставить в заслугу восхищение книгой «Над пропастью во ржи» Селинджера. Немногие теннисисты знают, кто такой Селинджер. Агасси, например, явно нервничает, когда его начинают пытать о литературных пристрастиях, и честно признается, что таковых нет.

Справедливости ради надо отметить, что лишняя ученость для спортсменов явление не всегда желательное. Слишком глубокие размышления по ходу игры могут навредить. Для победителя Уимблдона-91 Михаэля Штиха институтский диплом выходит другим боком. Народ считает, что он недостаточно прост и кичится своим образованием. Турнир в Берлине, который Штих выиграл, не имел никакого успеха, на трибунах сидело лишь сотни три болельщиков. Своим соотечественникам Михаэль не слишком интересен в отличие от Бориса Беккера. Особенно ярко это проявилось во Франкфурте.

Все восемь с половиной тысяч пришедших на матч Беккер — Штих болели за первого. После каждого очка устраивали ему настоящую овацию. Кроме того, немцы имеют обыкновение топать ногами и ритмично хлопать перед розыгрышем ключевого очка. Михаэль был абсолютно раздавлен. «Я не ждал такого приема от соотечественников,— с горечью говорил он журналистам.— Это очень несправедливо».

Однако у Штиха была возможность отомстить любимчику. От его матча с американцем Андре Агасси, который для Штиха не решал ничего, зависело, попадет Беккер в полуфинал или нет. Если бы Михаэль выиграл хотя бы сет у Андре, Борис продолжил бы борьбу за главный трофей. Перед матчем трехкратный чемпион Уимблдона специально пожелал удачи своему соотечественнику. Штих напутствию не внял и проиграл в двух сетах, хотя на этот раз публика была на его стороне (конечно, из-за Беккера, в противном случае они болели бы за Агасси). Злые языки утверждают, что Михаэль особенно и не старался.

Штих только недавно в теннисной элите, со временем отношение к нему соотечественников должно измениться в лучшую сторону, но сам теннисист дал довольно пессимистичный прогноз: «Пока играет Борис, я для них никто».

В создании привлекательного имиджа Штиху могут очень помочь журналисты. Даже далекие от оригинала портреты, создаваемые прессой, «съедаются» болельщиками, получая широкое распространение. Олимпийского чемпиона чеха Мирослава Мечиржа в свое время разрекламировали как заядлого рыбака, но сам Мирослав над этим откровенно подшучивал: «Я хожу на рыбалку не больше двух раз в год, если бы я сказал журналистам, что в свободное время читаю книжки, они окрестили бы меня интеллектуалом».

Беккер и Агасси, безусловно, самые популярные игроки мировой «десятки». Их выступление всегда зрелище и никогда скука. Притягательными спортсменов делают не только теннисный талант, но и обаяние, и противоречивость личности. С верхней трибуны Фестхалле свисал огромный плакат на немецком: «Элизабет и Изабель любят Бориса и Андре». Оба прекрасно понимают свою исключительность, но если Борис открыто говорит о своем и Андре отличии от других игроков, то последний делает вид, что не понимает, о чем речь: «Думаю, мое единственное отличие от других игроков — стиль одежды».

Во встречах между двумя этими суперзвездами успех последние пять матчей сопутствовал американцу. Пятым как раз стало поражение Беккера во Франкфурте — 3:6, 5:7. Игра была последней, третьей, по расписанию. Между матчами, которые начинались в пять вечера, делались часовые перерывы специально для удобства ТВ. Беккер терпеть не может играть ночью, поэтому съязвил на пресс-конференции, что телевидение здесь, наверное, главнее самого тенниса. Его матч с Агасси закончился в полпервого ночи, это был самый долгий день мирового чемпионата. На других соревнованиях встречи в основном не начинаются позже часа дня. «Временами это становится невыносимо,— заметил Джим Курье.— Ты спишь до 12 дня, а твой матч, если он последний по счету, может начаться только в 11 ночи. Вообще я предпочитаю турниры при дневном свете на свежем воздухе». Самый крупный успех пришел к 21-летнему американцу как раз под солнышком: открытый чемпионат Франции, где он стал победителем, обыграв в финале Агасси, проходит на открытых кортах. Агасси встретился Джиму и в полуфинале франкфуртского чемпионата. 6:3, 7:5 — победа снова за Курье.

Все матчи Джим играет в белой кепочке с большим козырьком, даже в зале, где солнечный свет заменяют прожекторы. «Кепка приносит мне удачу, это мой фирменный знак. Кроме того, есть практический аспект: во время игры пот постоянно стекает на лоб, приходится часто вытирать лицо, бегая в промежутках между розыгрышами мяча за полотенцем. Такой суеты я не люблю. Кепка защищает от пота не хуже».

У Лендла кепки нет, зато есть опилки, которые он перед матчем кладет в карман, чтобы периодически протирать ладони и ручку ракетки от пота. Поэтому при сменах сторон во время матча на корт выбегают мальчики с пылесосом и шваброй и две минуты, отведенные игрокам на отдых, подчищают лендловы опилки. Другой особенностью чеха является ракетка, головка которой заметно меньше, чем у других теннисистов. «Это помогает мне лучше контролировать мяч»,— считает Иван.

На мировом чемпионате лучше всех контролировал мяч двадцатилетний американец Пит Сампрас. Этот черноволосый юноша, несмотря на южное происхождение (и папа, и мама у него греки), никогда не выходит из себя. Его поведение на корте можно было определить как «не от мира сего», настолько он погружен в собственные мысли и не реагирует ни на публику, ни на судей. Совершенно невозмутимо Сампрас разгромил в полуфинале Лендла — 6:2, 6:3, а в финале, который игрался из пяти сетов, соотечественника Джима Курье — 3:6, 7:6, 6:3, 6:4.

Вся информация моментально поступает в компьютеры Ай Би Эм. Эта фирма с прошлого года стала спонсором всех теннисных турниров, проводимых Эй Ти Пи (Ассоциацией теннисистов-профессионалов). Во Франкфурте Ай Би Эм представила новинку — все данные об игроке получаются «методом тыка». Подходишь к экрану, нажимаешь пальцем в нужную тебе графу: «Автобиография», «Результаты выступления», «Соперничество друг с другом». В ответ высвечивается вся восьмерка участников мирового чемпионата. Ткнешь пальцем в нужную фамилию, получишь одновременно: движущуюся картинку, показывающую звезду в кульминационные моменты матчей, перечень данных о спортсмене, а в уши — приятный энергичный голос, который охарактеризует героя со всех возможных сторон. Просто фантастика! Мистер Хойберг, отвечающий за европейские контакты Ай Би Эм, пообещал, что наступит день, когда каждое зрительское место будет оснащено подобным экраном.

А мы будем надеяться, что наступит день, и подобные экраны появятся и на Кубке Кремля, его тоже обслуживает Ай Би Эм, наступит день, и Пит Сампрас шагнет на русскую землю, наступит день...

Франкфурт

Геворк МАРТИРОСЯН,
собственный корреспондент
«Огонька»

СПРОСИТЕ У «АРМЯНСКОГО РАДИО»...

ПОЧТИ ПРАВДОПОДОБНАЯ ИСТОРИЯ

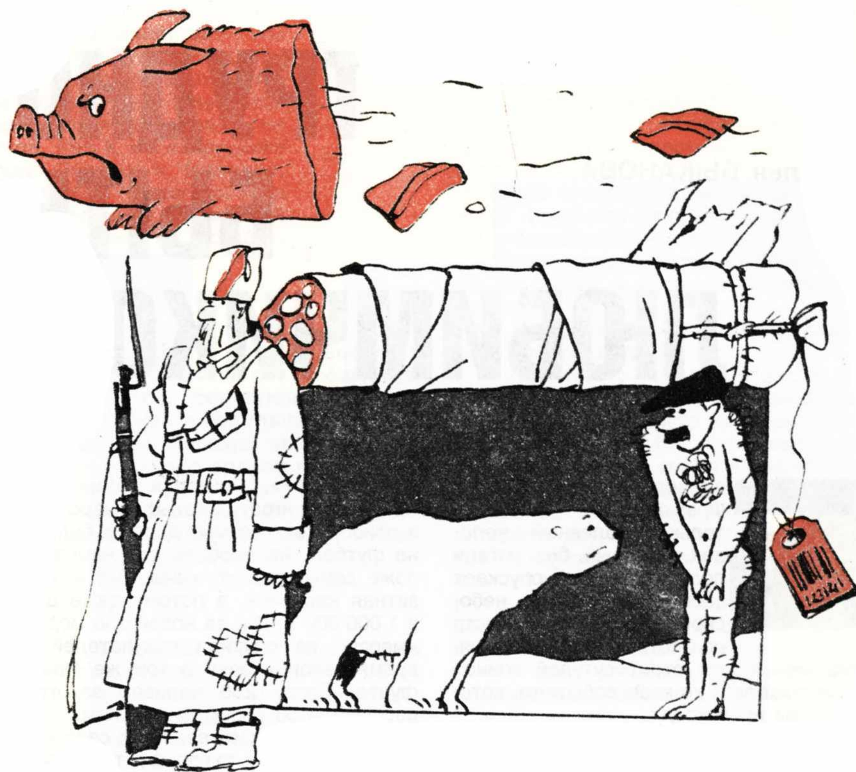

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

Хорошо сидим!

Закуска. Вино. Зелень. Правда, вина уже мало. Пепельница, полная окурков. Дружеская, раскованная беседа обо всем и одновременно ни о чем. Короче, нормальная обстановка.

Тосты начинают иссякать...

— У «Армянского радио» спрашивают:

— Что такое двойной дефицит?

— Это колбаса, завернутая в туалетную бумагу.

Сверкнув белозубой улыбкой, человек, которого все зовут остряком, небрежно так, с видом утомленного мэтра спросил:

— Так о чем еще?..

— О городском транспорте,— раздался голосок одной прекрасной дамы.

Как истинный джентльмен, остряк решил немножко подыграть даме. Наморщив лоб, растерянно спросил:

— Может, о такси?..

— Нет-нет, только о троллейбусе,— захлопала дама в ладоши, поверившая, что ей удалось переиграть нашего друга.

— Правда ли,— спросили у «Армянского радио»,— что в Ереване транспорт сделали бесплатным?

— Пока нет, несколько чудаков упорно продолжают компостировать билеты.

— Вот еще один, совсем свежий... Спрашивают:

— Верит ли советское руководство в Бога?

— Конечно, ведь оно устроило великий пост.

Когда остряк в ударе, то это надолго.

— Каковы итоги Октябрьской революции?

— Дров наломали, а топить нечем.

— Как назвать евреев, обличающих Израиль?

— России верные жиды.

Неожиданно все та же прекрасная дама прервала веселье.

— А вы можете сказать, кто сочиняет эти анекдоты?

Даже остряк недоуменно пожал плечами.

— Я знаю,— неожиданно вырвалось у меня.

— Да-а,— протянул другой гость,— вопросов больше нет. Вина тоже. Пора по домам.

Мне хотелось уйти как-то тихо, незаметно, но прелестный голосок остановил меня в дверях.

— Обожаю анекдоты «Армянского радио». Ваши слышала впервые. Вас не затруднит записать их для меня?

— О чем разговор! — воспрял я духом.— Да хоть сегодня за чашкой кофе.

— Сегодня уже поздно. К тому же вы обещали познакомить меня с автором анекдотов. Помните?

2

Конечно, влип. Черт меня дернул!

Но надо искать автора: обещал.

А где? Кроме Никулина, я не знаю людей, кто бы претендовал на авторство популярных в народе анекдотов. Остряк хоть и знает тысячу и один анекдот, но помочь отказался: я, говорит, читатель, а не писатель... Ищи сам, любитель острых ощущений!

Конечно же, первым пунктом моего расследования оказалось «Армянское радио».

Пышные усы принадлежали остроумному и весьма благожелательному человеку в этом несмолкаемом муравейнике. Не скажу, что мне удалось сразу выйти на него, но, представившись, я понял, что, видимо, он, владелец пышных усов, и является автором известных на весь мир анекдотов, приписываемых его родному радио. Начало разговора вроде бы подтвердило мою правоту.

Пышные усы взяли меня, что называется, на абордаж:

— Доллары есть?

— Нет.

— А у меня есть. Смотри.— С этими словами он вытащил из кармана старый, потертый рубль.

— Как сделать его конвертируемым?

— Вложить в конверт.

— А вот скажи мне: можно ли построить коммунизм в Швейцарии?

Пышные усы с довольным видом топорщились, наблюдая, как я пытаюсь выйти из положения. После паузы он сам же ответил:

— Можно, но страну жалко.

Я всегда считал, что пишущий ни в чем не должен уступать рассказывающему. И поэтому, махнув на цель своего прихода, спросил у пышных усов:

— А теперь ответь ты: почему «Армянское радио» молчало вчера два часа?

Усы запыхтели. Наступила минута моего торжества. Я выдаю:

— А потому, что шла передача для глухонемых.

Собеседник схватился за блокнот:

— Постой запишу...

— Сперва ответь: сколько получают сотрудники «Армянского радио»?

Он с радостью подскочил:

— От двух до семи лет строгого режима. Слушай, а может, это ты сочиняешь эту ерунду?

— А что, я похож на человека, который сочиняет анекдоты? — спросил я упавшим голосом, чувствуя, что мне здесь больше делать нечего.

— Но разве это так трудно — сесть и написать анекдот?

— Нет, вначале надо написать, потом сесть,— отпарировал я старым анекдотом.

Потом мы с ним мирно пили кофе, рассуждая над природой этого странного человеческого явления, название которому анекдот. Пышные усы поведали мне, что я далеко не первый простак, надеющийся найти в многочисленных редакторских кабинетах авторов остроумных анекдотов.

По понятным причинам, в прежние годы вряд ли кто взял бы на себя ответственность за очередной укол «Армянского радио». Но сейчас-то, когда можно говорить все и не задумываться о последствиях, сейчас-то почему авторы скромничают?

Пышные усы ответа не нашли. На прощание он сделал мне подарок.

— Кто первый рекламировал «Огонек»?

— Инквизиторы.

Подозреваю, что он сочинил его сам.

3

Что же делать? Ведь если есть анекдоты, то должны же существовать и их авторы? Ну хотя бы один. А где, как не в учреждении, где знают абсолютно все и обо всем, должны помочь мне в поиске? Вперед!

Грозная надпись: «Посторонним вход запрещен». Мой друг-остряк наверняка сказал бы при этом: «И какой это, интересно, дурак сунется сюда по своей воле?»

Заглянул я в кабинет, где человек с погонами и с грустинкой в глазах предавался, видимо, приятным воспоминаниям. Может, мысленно обозревал пройденный путь и нелегкую борьбу с врагами невидимого фронта... Ба, да это мой старый знакомый! Это он, когда-то очень давно, в гнилое, но сытное застойное время изрек мудрость, которой я старался следовать все эти годы. Тогда, при случайной встрече на улице он сказал:

— Следи за шевелюрой!

— Почему?

— Инакомыслие менее заметно, чем лысина.

— Ну, в диссидентах я никогда не ходил, от этого Бог избавил.

Человек с погонами явно не обрадовался непротокольной встрече. Но цель моего прихода несколько озадачила его. На лбу, хранящем след шпионской пули, появилась глубокая складка.

— А зачем?

— Да в общем-то интересно на живого классика посмотреть.

— Живых классиков я, увы, показать тебе не смогу.

— А мертвых? — вырвалось у меня.

Человек с погонами выпрямился в кресле. Шрам от шпионской пули стал отчетливее, складка исчезла.

— За кого вы нас принимаете, господин журналист? Гласность гласностью, но меру все же надо знать...

— Да ладно тебе,— примирительно протянул я.— Ведь сажали же когда-то за политические анекдоты. Я человека знаю, который с антисоветской статьей полжизни в Сибири провел. А всего лишь за то, что спьяну спросил в компании:

— Чем завершилась электрификация всей страны?

И сам же полез отвечать:

— Советским людям все стало до лампочки.

— Ну, сегодня это можно,— расслабился мой собеседник.— Были, конечно, орлы, и не такое выдавали. Да я и сам не прочь порой вставить анекдотик в дружеский разговор... с женой.

Вероятно, на невидимом фронте выдалось редкое затишье. В кабинете собралось много людей с погонами. Как вольно дышать, когда миром правит анекдот!

Самый молодой, с минимумом звездочек на погонах, решил не трогать политическую и будуарную тематику.

— Почему в гостиницах армянам не разрешают оставаться более десяти суток?

— На одиннадцатый день они начинают строить веранду.

Хозяин кабинета недовольно сморщился: это что?

— А вот скажите мне, кто такие экстремисты?

— Это армяне, поверившие в перестройку.

Молодой воспрял духом:

— Что было раньше: яйцо или курица?

— Раньше было все.

— Что такое дисциплина?

— Это искусство всегда быть глупее своего начальника.

Начальник расплылся в улыбке: хорошие кадры растут в органах!

И, кто знает, если б не шпионские страсти, вновь раскидавшие моих веселых хозяев по кабинетам, то развеселый наш разговор затянулся бы далеко за полночь.

Эх, видел бы нас мой престарелый сосед с большой залысиной, пострадавший на ниве политического анекдота! Может, тогда его ворчания, что мир не изменился, а стал лишь похожим на скверный анекдот, прекратятся? Стоп! Мне в голову пришла гениальная идея. Почему я ищу автора анекдотов в присутственных местах? Вперед! К соседу!

4

Вот и человек, который вначале заразительно чуть-чуть посмеялся, а затем по-крупному и долго расплачивался за свое веселье. Годы молодости быстрокрылой птицей растворились в далеких небесах тридцатых годов. Но чтото осталось. Поразительно, но это любовь к анекдотам!

— В лагерях анекдоты рассказывали?

— А как же!

— Помните самый короткий из них?

— Дай Бог памяти... Ну вот, хотя бы этот: «Каково кредо советской власти?»

— Битье определяет сознанье.

— Да, мрачноват. Хотя я знаю и более черный вариант.

— Правда, что в советских лагерях отличные условия?

— Конечно,— следует ответ,— поэтому оттуда никто не выходит.

— Ну зачем же так мрачно. Я же вышел. Свободен. Ну совсем, как в том анекдоте:

— Свободен ли советский человек?

— Конечно. Его всюду посылают по одному и тому же адресу, а он всегда идет, куда хочет.

Что ни говори, а пообщаться со старым человеком все равно что чашу мудрости испить. Ну скажите, пожалуйста, кто бы мог ответить на такой непростой вопрос:

— В чем разница между матом и диаматом?

— Мат знают все, но делают вид, что не знают. Диамат не знает никто, но все делают вид, что знают.

Но не отстал ли мой любезный собеседник от жизни? Мат — диамат — старо как-то. А посвежее что-нибудь?

— За что борются сегодня наши магазины?

— За звание продовольственных.

— Откуда, старче, такое знание анекдотов? — спросил я и тут же почувствовал, что сморозил глупость. Мой добрый сосед не на шутку обиделся.

— Посидел бы с мое. А потом, я же не один такой. Встречаемся, говорим, шутим, анекдоты травим.

— А бывает, что сами их сочиняете? — затеплилась у меня надежда.

— Да ты, братец, собственно, где работаешь? — вконец вышел из себя старик. И, не дав мне договорить, с сожалением произнес:

— Да ты посмотри на календарь — в какое время живем? Эх ты, гражданин следователь...

Не меньше десятка свежих анекдотов пришлось рассказать, чтоб исправить старику настроение.

Во все еще озорных глазах долго горели огоньки после того, как я выдал:

— Почему йоги любят спать на гвоздях?

— Потому что с шурупов вставать труднее.

Старик отблагодарил меня:

— Что такое коммерческий магазин?

— Это вид исторического музея: в нем можно видеть, что ели наши предки.

Но шутки шутками, а дело мое стоит.

— Старче, что делать?

— Начни сочинять сам.

5

Я решил выйти на автора методом дедукции. Но вначале крепко задумался: что такое анекдот и почему этот жанр народного творчества пользуется таким неизменным успехом?

Мне не составило большого труда прийти к выводу, что больше всего анекдотов рассказывают у нас, на территории бывшего Союза. Значит, сделал я вывод, анекдоты рождаются не от хорошей жизни. Вряд ли парижанину или жителю Амстердама придет в голову, скажем, такой вопрос: «Что такое свиная отбивная?» Впрочем, вопрос такой, конечно, у них возникнуть может. Но ответить так, чтоб всем стало грустно и смешно, может только «Армянское радио»:

— Свиная отбивная — это котлета, отбитая у свиньи.

Итак, если анекдоты есть отдушина от наших невеселостей, то, значит, и авторов надо искать в реальных условиях несвершившегося социализма. Скажем, в бане, где нет пара, или в парикмахерской, где не бреют, дабы не одарить клиента СПИДом. А можно и на рынке, где один молодой человек предложил руку и сердце краснощекой продавщице куриных потрохов. «Уж больно кушать хочется!» — заявил счастливый супруг после марша Мендельсона.

Да, наша жизнь давно стала одним сплошным анекдотом. 74 года мы рассказываем веселые байки о любви, о хлебе, о начальниках... Но жизнь от этого лучше не становится. Почти как в истории с сосисками.

— Как поднять их качество?

— Советуем добавлять в них мясо.

6

Но слово все-таки нужно держать. Давешняя гостья встретила меня с блокнотом в руках. Видимо, анекдоты действительно занимали в ее жизни большое место.

— Что такое вобла? — спросила она меня.

— Это кит, доживший до коммунизма,— ответил я. И потом честно рассказал ей о своих мытарствах, о том, что анекдоты сочиняют советские люди, а познакомить ее со всеми я не в силах. Потом, конечно, были анекдоты.

— Что такое 40 зубов и 4 ноги?

— Крокодил.

— Что такое 4 зуба и 40 ног?

— Политбюро.

Нашу беседу прервал звонок в дверь. Начали собираться гости.

Хозяйка накрыла на стол. Вино, закуска, зелень. Сели.

Вино заканчивается. Тосты иссякают.

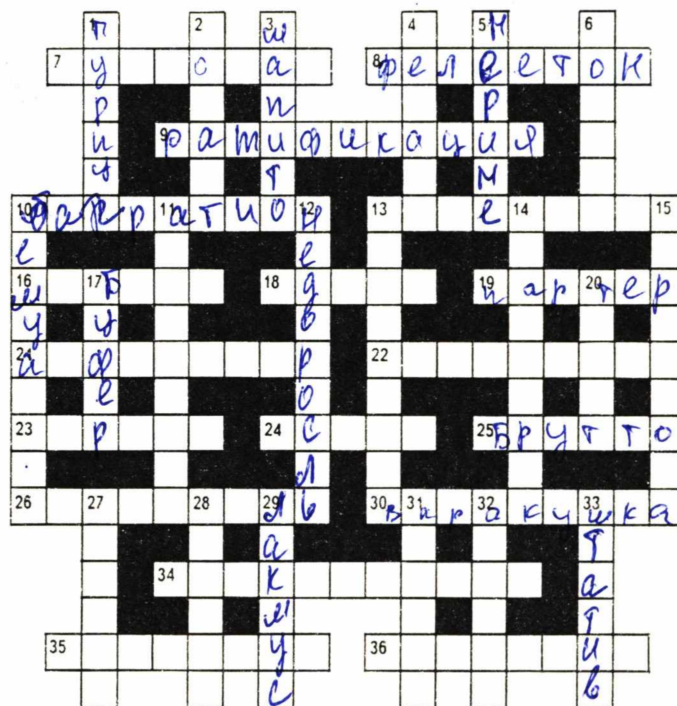
— У «Армянского радио» спрашивают,— начал один из гостей...

Ереван.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Лучшей публикацией в ноябре этого года признана беседа с Михаилом Ненашевым «Заложник» (№ 47), подготовленная специальным корреспондентом «Огонька» Александром Тереховым.

Мы поздравляем Александра Терехова с присуждением ему премии американской фирмы КОМПЬЮТРЭЙД ИНТЕРНЭШНЛ.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Прозрачная пленка из вискозы, упаковочный материал. 8. Газетно-журнальный жанр. 9. Утверждение верховной властью заключенного международного договора. 10. Русский генерал, герой Отечественной войны 1812 года. 13. Кустарник или небольшое дерево, в коре которых содержится гутта. 16. Путь движения космического аппарата. 18. Часть конской сбруи. 19. Нижний этаж зрительного зала. 21. Астрономический телескоп. 22. Учение о средствах и методах улучшения внешности человека. 23. Французский авиаконструктор, летчик и промышленник. 24. Декоративное растение с цветками различной окраски. 25. Вес товара с упаковкой. 26. Озеро на Памире. 30. Певчая птица рода соловьев. 34. Способ изготовления клише для печати. 35. Горная система в Афганистане, Пакистане и Индии. 36. Музыкальное произведение на темы народных песен, сказаний, танцев.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Драгоценное вещество, добываемое из раковин некоторых моллюсков. 2. Австрийский композитор. 3. Передвижной цирк. 4. Пьеса М. Горького. 5. Французский писатель XIX века, мастер новеллы. 6. Сельдяной кит. 10. Жизнеописание. 11. Областной центр в РСФСР. 12. Комедия Д. И. Фонвизина. 13. Русский композитор, пианист, дирижер. 14. Пролив, соединяющий Балтийское и Северное моря. 15. Неглазурованные керамические изделия. 17. Устройство у локомотива, вагона для смягчения ударов. 20. Современный американский бальный танец. 27. Химический редкоземельный элемент, металл. 28. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 29. Красящее вещество, меняющее цвет пропитанной им бумаги под действием кислот и щелочей. 31.Персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 32. Город в Красноярском крае. 33. Тренога, подставка для различных приборов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Розарий. 7. Конструкция. 10. Гонщик. 12. Валанс. 14. Проходчик. 16. Основа. 17. Мрамор. 18. Контроллер. 19. Светильник. 21. Ниобий. 22. Окисел. 23. Живописец. 25. Учение. 26. Регата. 29. Интегриметр. 30. Фланель.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Томск. 2. Тиски. 4. Аэропорт. 5. Полип. 6. Шишак. 8. Университет. 9. Капролактам. 11. Крепление. 12. Винчестер. 13. История. 15. Полимер. 20. Сапфирин. 23. «Жизнь». 24. Центр. 27. Земля. 28. Омела.

Благодарим вас, дорогие соотечественники! Наш фонд выплачивает ежемесячные пособия всем детям, зараженным вирусом иммунодефицита человека. Но мы делаем это только благодаря тому, что вы в наше трудное время думаете и об этих детях, благодаря тому, что вы перечисляете пожертвования на счет фонда.

ХРОНИКА «АНТИСПИДА»

Благотворительный валютный счет фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» — 70000015 во Внешэкономбанке СССР. Благотворительный рублевый счет — 700645 в ОПЕРУ Мосбизнесбанка. Телефон: 245-28-80

Благодарим издательство «Прогресс», которое предоставило несколько комнат в своем здании на Зубовском бульваре в бесплатную аренду нашему фонду и оказывает нам постоянную помощь. Издательство «Прогресс» стало действительным членом Советского благотворительного фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД».

11 октября состоялся первый благотворительный осенний аукцион фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД». Соорганизатор аукциона — Внешнеэкономическая ассоциация «Эй-Би-Эй». Это аукцион изделий декоративно-прикладного искусства, вся выручка от которого направляется на выплату ежемесячных пособий инфицированным детям.

Выручка от аукциона — 340 тысяч рублей.

Аукцион прошел успешно благодаря помощи следующих организаций и частных лиц:

Внешнеэкономическая ассоциация «Эй-Би-Эй» стала соорганизатором и спонсором аукциона, предоставила свой презентационный зал и оформила его к этой акции, организовала презентацию предаукционной выставки, напечатала пригласительные билеты. Все это ассоциация «Эй-Би-Эй» сделала, не взяв с фонда ни копейки. Благотворительность для «Эй-Би-Эй» — это традиция, исконно присущая отечественному предпринимательству.

Олег Марусев блестяще провел аукцион.

Стекольный завод «Красный май», директор завода Л. Д. Шапиро, директор музея Т. Н. Тобольская предоставили лучшие изделия своего завода для аукциона.

Художники завода «Красный май» Е. Ю. Есикова, Л. А. Кучинская, К. Н. Литвина, С. Е. Невиницын, А. Н. Силко, вдова художника В. Г. Хролова подарили фонду для аукциона свои лучшие авторские работы, которые уже давно продаются только за валюту на зарубежных выставках.

Мытищинский завод опытных и сувенирных изделий (директор С. Б. Мухин) подарил нам для аукциона несколько расписных самоваров.

Дулевский фарфоровый завод (директор М. Б. Борисов) — завод предоставил нам для аукциона свои лучшие изделия, в том числе авторские работы.

Производственное объединение «Гжель» предоставило для аукциона 99 изделий.

Павлово-Посадское платочное объединение подарило фонду коллекцию из своих лучших произведений.

Телекомпания «ВИД».

Российская телекомпания.

«Московский телетайп».

Информационно - развлекательная программа «Утро».

Радио «Европа плюс...».

Радиостанция «Эхо Москвы».

Радиостанция «Маяк».

Газета «Московский комсомолец».

Газета «Вечерняя Москва».

Учащиеся Московского техникума советской торговли.

Ну и, конечно, аукцион провалился бы, если не покупатели.

Советско-американское совместное предприятие «Мост-Групп», специализирующееся на консультациях по маркетингу и международному праву, по решению директора Владимира Гусинского купило на аукционе 23 изделия с большой благотворительной наценкой — общая сумма 115 тысяч рублей.

Инкомбанк приобрел на аукционе два недорогих изделия за 50 тысяч рублей.

Кооператив «Гематолог» потратил на аукционе 96 тысяч рублей.

Советско-американское СП «Приз» — 10 тысяч.

Общество с ограниченной ответственностью «Инвестиционные программы» — 10 тысяч.

Центральное отделение Инкомбанка — 15 тысяч.

Также «дорогими» гостями стали: Ассоциация совместных предприятий, международных объединений и организаций, издательство «Прогресс», банк «Столичный», ассоциация «Мир», кооператив «Элен», «Технобанк», «Кредобанк», Академия народного хозяйства, Московская еврейская религиозная община и другие.

А в конце аукциона — сенсация: кооператив «Гематолог» и банк «Столичный» сделали поистине царский жест — подарили фонду для следующего аукциона купленные ими произведения.

ХРОНИКА ПОЖЕРТВОВАНИЙ

Посольство СССР в Республике Заир (г. Киншаса): «Откликнувшись на ваше сообщение принять участие в сборе средств для борьбы со СПИДом, маленький коллектив посольства СССР в Республике Заир собрал сумму — 700 американских долларов и перевел их через Валютно-финансовое управление МИД СССР на благотворительный счет «АНТИСПИД» во Внешэкономбанке СССР № 70000015 25 января 1991 года.

Просим вас, чтобы закупленные на эту сумму одноразовые шприцы, системы были отданы в один из родильных домов г. Москвы».

Фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» передал в московский роддом № 16 семь тысяч одноразовых шприцев.

Аза Додиевна Ботоева привезла из Швеции 4 тысячи одноразовых шприцев, другие медицинские инструменты, одежду для детей и сама доставила этот груз в Южную Осетию. Деньги на покупку благотворительного груза пожертвовали: **врач больницы г. Энгельхольма Томас Бенссон, главный инженер фирмы «Сконемильё» Леннарт Столь, заведующий лабораторией фирмы «Медифарм» Юдит Кванта, а также сама Аза Додиевна и ее дочь врач Лариса Йонссон.**

Студенты и преподаватели Инсбрукского университета — 4 тысячи 210 одноразовых шприцев. Шприцы переданы в Нелидовскую больницу Калининской области.

Журналист Андрей Чернов — 3 тысячи французских франков на благотворительный счет фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД».

Пианист Алексей Борисович Любимов — тысяча франков и полторы тысячи финских марок.

Иеромонах Арсений (Никольская Больше-Охтинская церковь — Санкт-Петербург) — 1 тысяча одноразовых шприцев для Республиканской инфекционной больницы в Санкт-Петербурге.

Фирмы «Рашен Скаут» и «Боцума Бергманн ГмБХ» (ФРГ) — 800 одноразовых шприцев.

Профессор Хольманн из детской больницы г. Сант-Августин (ФРГ) — большой благотворительный груз с медицинскими инструментами для детей. Груз передан в Республиканскую инфекционную больницу в Санкт-Петербурге.

Барбара Майхорн из Вайсенхайм ам Санд (ФРГ) — тысяча одноразовых шприцев.

Ассоциация «Мир» — 60 тысяч одноразовых шприцев.

Ассоциация «Мир» представляет собой новую неправительственную форму объединения ведущих общественных и деловых организаций в СССР.

Деятельность ассоциации направлена на реализацию благотворительных, миротворческих и гуманитарных проектов, а также социальных программ помощи трудовым коллективам, малоимущим слоям населения, одиноким, престарелым и инвалидам.

Один из центров ассоциации участвует в организации с помощью конверсионных предприятий МАП СССР массового выпуска медицинских изделий однократного применения (шприцев, скарификаторов, скальпелей, гигиенических тампонов и т. п.).

Приглашаем заинтересованные организации участвовать в расширении милосердной программы сотрудничества по выпуску и радиационной стерилизации медицинских изделий однократного применения.

Фирма «Spar» (Германия) через фрау Гельмдах и фрау Борманн передала в дар фонду детское питание и фруктовые соки для ВИЧ-инфицированных детей на сумму 800 немецких марок.

Владимир Дурасов: «Направляю 2620 рублей. Эти деньги являются частью партийных взносов от партийной организации КПСС 20-го летного отряда Салехардского авиапредприятия Тюменского управления гражданской авиации. Направляем деньги на лечение детей, зараженных СПИДом».

Выражаем глубокую благодарность **журналу «Здоровье»**, его главному редактору и ведущей одноименной телепрограммы Ю. В. Белянчиковой за бесплатную публикацию рекламы фонда на страницах журнала, подготовку цветной вкладки с антиспидовскими плакатами из нашей коллекции («Здоровье» № 11, 1991 г.), а также за большую помощь в организации рекламы фильма «Остров СПИД».

Мы рады сотрудничеству, установившемуся с этим популярным журналом, и обращаем внимание читателей на то, что среди разнообразных публикаций, в живой и доступной форме освещающих вопросы здоровья взрослых и детей, журнал «Здоровье» регулярно помещает важную и полезную для всех информацию о СПИДе под рубрикой «Хроника грозной эпидемии».

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Российский республиканский Центр по борьбе и профилактике СПИДа предлагает бесплатное освидетельствование на СПИД всех желающих, включая детей. По желанию исследование будет проводиться с соблюдением анонимности.

Кроме того, Центр проводит исследования на токсоплазмоз, цитомегаловирусную инфекцию и гепатит «В» с оплатой по государственным расценкам.

Обращаться по телефону: 459-12-88 с 10 до 12 часов.

«Дорогие друзья! От всей души с победой вас! «Политический СПИД» — на лопатках. В этом и ваша заслуга. Спасибо, москвичи! Спасибо, «Огонек»! Теперь продолжайте борьбу со СПИДом как с болезнью. Приношу в дар оригиналы плакатов, надеюсь, что и мой скромный вклад станет подспорьем в этой борьбе. Счастья и мира вам! Успехов в вашем святом деле!

С уважением, Сергей Булавин. 22.08.91, г. Запорожье».

С этого письма мы начинаем публиковать имена художников, передавших в дар фонду свои работы. Это С. Ухач (Харьков), И. Силин (Санкт-Петербург), В. Кутырев (г. Енакиево Донецкой обл.), В. Живогляд и В. Усатюк (Никополь), И. Хара (Киев), А. Алексашин (Москва), С. Булавин (Запорожье), О. Векленко (Харьков), В. Чекашов (Москва), В. Игнатьев (Чебоксары), Б. Дорогань (Одесса).

Надеемся, что список этот мы сможем продолжить в следующем выпуске «Хроники».

Выражаем глубокую благодарность **компании TALC в лице Мэгги Фаулер** за ценный дар нашему фонду: книги, видеофильм, слайды, которые мы будем использовать в нашей просветительской деятельности.

Большинство бирж работает на сегодня, наша биржа - на будущее!

Международная биржа наукоемких
и информационных технологий,

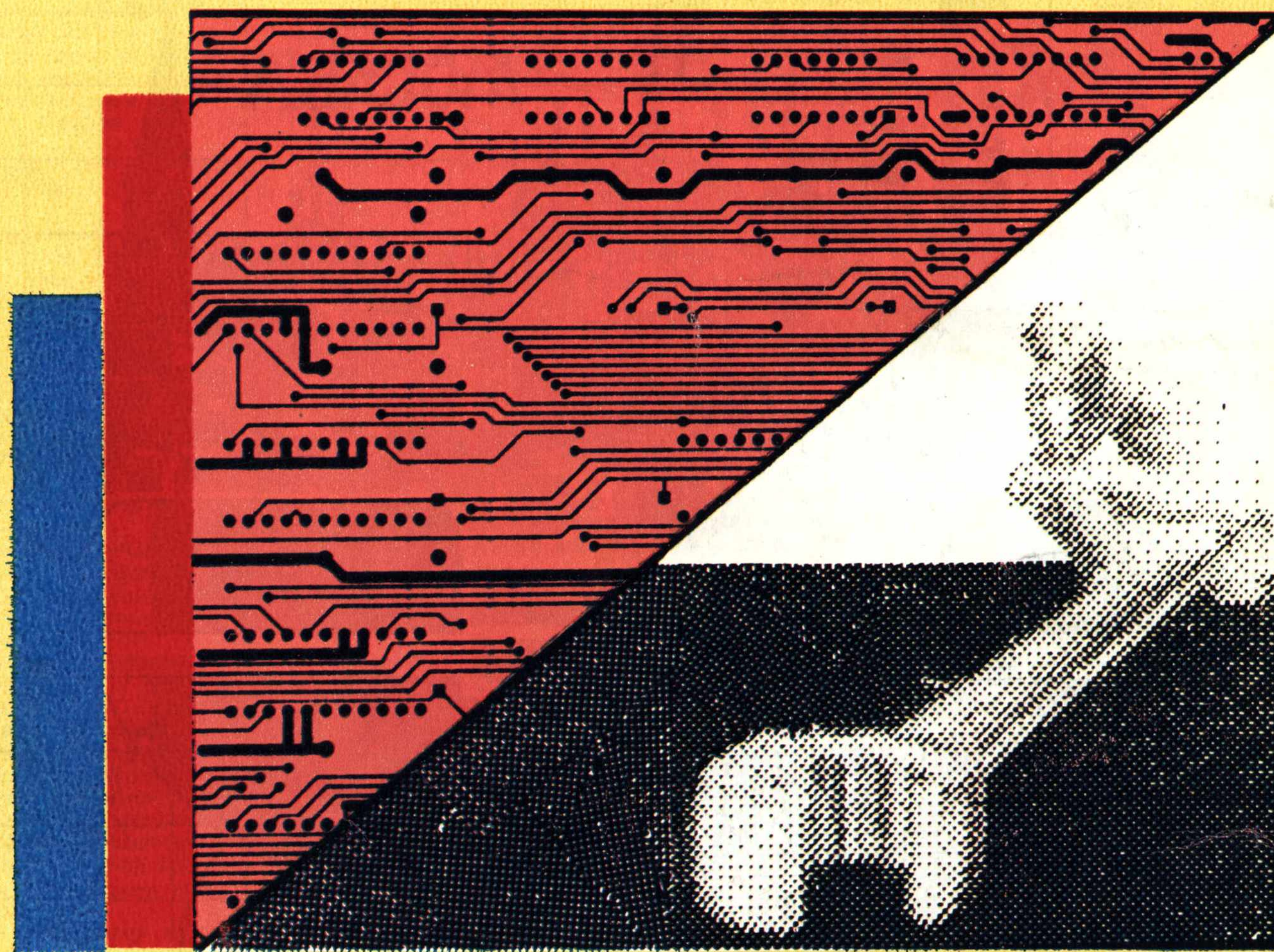
а попросту -

«УМНАЯ БИРЖА»:

- идеи, проекты
- интеллектуальные услуги
- патенты
- эффективные технологии
- высокоточная продукция

промышленного и бытового характера.

Акции биржи гарантированы западными банками.

Умные предприниматели выбирают УМНУЮ БИРЖУ!

Москва, проспект Мира, ВДНХ СССР, пав.№1.
Тел.: (095)-187-27-90, 187-33-97.
Факс: (095)-142-59-14.

1 руб. Индекс 70663